

Ирина Кочерова

Дом
Властвующей

Казалось, будто этот загадочный дом находится в другом мире или в нескольких мирах одновременно. Или же его вовсе не существует? Но ведь некоторые находят к нему дорогу! Только кто ж тех неудачников потом видел, хоть живыми, хоть мёртвыми? Так случилось, что Шемс осталось сиротой в 16 лет. Но попытки справиться с зияющей дырой в душе — не единственная её проблема. В день маминых похорон девушка понимает, что мама долгие годы хранила какую-то страшную тайну доверить которую осмелилась лишь страницам личного дневника.

Глава 1

Одна рука сжимали мамин дневник, а вторая сдвинула в сторону часть скатерти, открыв кусочек завешенного зеркала. Отражение взглянуло на Шемс хмурым взглядом: ни слезинки, хотя всё внутри разрывалось от горя. Отчаянно хотелось избавиться от этого чувства, чем-то заглушить боль рвущегося сердца. Взгляд наполнился злостью. Шемс ненавидела весь мир, за то что он продолжал существовать, будто ничего не произошло, а она понятия не имеет, как быть дальше. Если в шестнадцать лет теряешь единственного близкого человека, а сама остаёшься жить запуганным и подавленным существом, душа хватается за любую соломинку, ища спасения от пронзительного одиночества, иногда наполняется сумраком холодным и серым, как зола.

А ещё секреты — страшные, опасные, на первый взгляд нереальные. По крайней мере, когда Шемс сунула свой нос туда, куда явно не следовало, она, мягко сказать, обалдела. С одной стороны, понятно почему от неё так долго скрывали правду, а с другой — всё равно обидно.

Теперь мамы больше нет, и она сирота, одна на свете. Хотя... где-то живёт ещё родной по крови человек. Только нужна ли ему дочь, о существовании которой он, скорее всего, даже не подозревает?..

Взгляд у отражения из злобного сменился на задумчивый. «Но ведь пока не проверишь — не узнаешь».

Когда в жизни появляется новая цель, появляется и смысл, и даже боль становится как будто чуточку тише.

Отпущенная скатерть, плавно вернулась на зеркало, скрыв отражение. Шемс повернулась с каменным лицом, снова забралась в постель, раскрыла тетрадь исписанную знакомым косым почерком и погрузилась в чтение.

Дневник Уланы.

Сегодня Шемс исполнилось пять лет.

Мы до последнего надеялись, что скверная погода отступит. Однако, метель бушует с середины ночи, да такая страшная, будто хочет ледяными порывами ветра разрушить все дома в нашем городе, засыпать всё живое и задушить толстым снежным саваном.

Шемс сильно расстроилась. Мы планировали поездку на аттракционы, но из-за метели, конечно, не смогли этого сделать. В искупление я приготовила шоколадный торт с пятью бело-розовыми свечами. Задувая их, Шемс крепко зажмурилась, тщательно проговаривая про себя желание, а затем хитро на меня посмотрела. Я знаю, она не расскажет о том что загадала, а я не стану настаивать, ведь иначе желание не исполнится.

Почти час перед сном мы потратили на расчёсывание её прекрасных волос, вьющихся, будто кудрявый чёрный шар. Волосы у неё от меня и смуглая кожа. Только малахитовые глаза достались от Дарреля, такие же круглые, выразительные, вспыхивающие от малейшего всплеска эмоция. Впрочем, у Дарреля они никогда не вспыхивали, будто само проявление эмоций для него — это постыдная слабость.

Клянусь, стоит лишь закрыть глаза, и я снова увижу их лица, выступающие ко мне из черноты Склепа: Даррель, Льюэллин, Тиббот... Живы ли они? Помнят ли обо мне? Лучше бы не помнили... И я не хочу их помнить! Но воспоминания намертво ввелись в мой мозг и теребят душу, навязчивыми образами вторгаются во сны и отравляют реальность.

Сложно сказать, который из преследующих меня кошмаров ужаснее. Может быть тот, в котором перед моими глазами возникает чёрный коридор и Льюэллин в ослепительно-белой одежде, ленивый и расслабленный, будто кот после полуденного сна, движется по нему к опознавательному кругу. Шаг вперёд. На мягких губах играет дразнящая полуулыбка, и на секунду может показаться, будто в миндалевидных глазах, цвета чистой лазури, мелькает живая теплота. И вновь появляется надежда, что там внутри всё ещё живо что-то человеческое...

Его рука взлетает и легко, даже нежно, касается щеки девушки, в растерянности застывшей внутри круга. Девушки и юноши постоянно меняются, и вероятно поэтому их лица слились для меня воедино. Да и неожиданных поворотов сюжета я не припоминаю. Вся жизнь в Склепе всегда текла по накатанному сценарию...

Наверно и Льюэллин когда-то был человеком, но ничего человеческого в нём уже не осталось.

Далее поцелуй. Чувственный, неторопливый, он уверенно сводит её с ума, подчиняет, заставляет забыть... И вот она уже не владеет собой, её воля целиком в его власти...

И оттого сокрушительнее, безнадежнее вспыхивает боль, когда её плоский живот вспарывает нож с полукруглой тёмной рукояткой. Чудовищный микс страха, отчаяния и предсмертной агонии растекается по Склепу, проникает в каждую комнату, каждый угол, каждую щель, питая то древнее зло, что властвует над нами под покровом мрака и колдовства...

Льюэллин поворачивается и ловит мой взгляд. Думаю, он недоволен моим появлением. Разумеется, он понимает, что я всё видела, но лицо его не отражает никаких эмоций. И в то время, когда мне хочется кричать от ужаса, он подходит, на каменном полу его шагов совсем не слышно, молча берёт меня за руку и отводит назад к Даррелю.

Шемс.

Шемс резко захлопнула толстую тетрадь с коричневой обложкой и торопливо засунула её под подушку. Как раз вовремя. В комнату вошла Татьяна с трогательным сочувствием на заплаканном лице и в кружевном чёрном наряде, более подходящем для какой-нибудь корпоративной вечеринки, чем для траурной церемонии.

— Послушай, солнышко, я всё же думаю, что тебе не стоит сейчас оставаться в одиночестве. Если не хочешь пожить у меня, может тогда я тут с тобой побуду. Хотя бы эту ночь.

— Я не боюсь призраков, Татьяна, ты же знаешь. Тем более призрака мамы. И я бы рада была её увидеть, но сомневаюсь, что это возможно.

— Да я разве про призраков говорю, прости господи! Я о тебе беспокоюсь, Шемс. Мы все теряем близких. Это тяжело, больно, но неизбежно. Такова жизнь. Нельзя замыкаться в себе.

— Я не буду замыкаться, обещаю, — Шемс посмотрела в окно, на гонимые ветром серые облака. — Оставайся, конечно. Заодно можем потренироваться вечером. Помнишь, мы не успели как следует отработать заклинание сокрытия и мой новенький нож всё время вываливается в самое неподходящее время.

— Ты хочешь колдовать? В день похорон? — из-под короткой смешной чёлки на девушку уставились удивлённые глаза.

— Я хочу сосредоточиться на чём-то, чтобы отвлечься от плохих мыслей. И магия, на мой взгляд, для этого идеально подходит.

— На нож потребуется наложить заклинание «невидимки», — тон Татьяны тотчас стал деловым. — Это трудоёмкая работа, займёт не одну неделю.

— Так даже лучше.

Женщина продолжала наблюдать за Шемс со всё более нарастающей тревогой:

— Ты всё ещё ходишь в эту свою школу ножевого боя?

— Видимо уже нет, — стальные нотки в голосе были призваны спрятать горечь. — Ведь теперь будет некому оплачивать занятия.

— Мне жаль, — Татьяна старалась говорить искренне, но, признаться, в отношении владения девочек холодным оружием, да вообще любым оружием, она испытывала большой скепсис. Вот магия — другое дело.

— Мне тоже жаль.

На несколько секунд в комнате повисло неловкое молчание, и чтобы прервать его Татьяна бодро тряхнула головой, заявив:

— Приготовлю нам на ужин тушёную картошку с курицей. Ты не против?

— Здрóрово. — согласно кивнула девушка.

— Наверно ты страшно устала после всего этого кошмара? Хочешь немного поспать?

Шемс украдкой покосилась на край коричневой обложки, предательски торчащий из-под края подушки.

— И правда, кажется мне не помешает отдохнуть.

Похоже, желание Татьяны разговорить Шемс, растормошить, отвлечь от мутной апатичности, так несвойственной этой бойкой девочке в обычной жизни, не увенчалось успехом.

— Ты ведь знаешь, что я любила Улану, даже несмотря на все её странности, — покачала головой женщина, делая последнюю неуклюжую попытку. — И тебя я люблю.

— Мама, в отличие от нас с тобой, даже магией не обладала, — с лёгкой усмешкой заметила Шемс. — Ты меня колдовать учишь! Это ли не явный признак странности в современном обществе?

Едва за Татьяной закрылась дверь Шемс снова вытащила старую мамину тетрадь. Безрадостный мир, скрытый под мягкой, с потрёпанными краями обложкой, завораживал, вселял сумятицу в разум и чувства и неодолимо тянул к себе.

В детстве сказки про принцесс и загадочных заколдованных принцев были их обязательным ежедневным ритуалом. Мама сажала Шемс перед большим зеркалом и принималась расчёсывать ей волосы. Наверно сотни раз, не спеша, она проводила расчёской по детской головке, приступая к очередной волшебной истории. Татьяна уверенно заявляла, что нет на свете человека с более богатым воображением. Конечно же, она преувеличивала.

Шемс перелистала несколько страниц вперёд. «Что это?», — думала она, — «Очередная мамина фантазия?».

Из подсознание невольно явилось воспоминание, как однажды по пути из детского сада, девочка попросила рассказать о своём отце.

«У него очень красивое имя — Даррель», — улыбается в ответ мама, поправляя шарфик на её пальто.

«А ещё что?», — требует подробностей Шемс.

«Ещё у него зеленющие глаза, прямо как у тебя. И голос всегда негромкий, чуть с хрипотцой».

«А где он живёт?».

«Далеко-далеко. Возле Ведьминой горы, в старинном заколдованном доме».

«А давай мы устроим ему сюрприз — нагрянем в гости на выходные», — Шемс не испугать ни ведьмами, ни проклятыми домами, — «Ты нас познакомишь? Ему ведь наверно ужасно интересно на меня посмотреть. Вот мне на него — ну очень интересно».

«Я же сказала, что это слишком далеко», — поджимает губы Улана и Шемс догадывается, что разговор становится маме неприятен, но запретная черта уже нарушена, и в малахитовых глазках ненасытным любопытством горят два вопросительных знака.

«Ну может быть тогда в отпуск? Татьяна же вчера сказала, что тебе пора брать отпуск и ехать куда-нибудь подальше, чтобы как следует развеесться. По-моему, встреча с папой для этого как раз подходит».

«Нам туда нельзя, Шемс», — тайком вздыхает мама. — «В заколдованном доме всё не так как ты привыкла. Там другие правила, другие ценности и отношения между людьми там другие. К тому же каждый, кто перешагнёт порог того дома, попадает под власть злых чар, становится навсегда узником его стен».

«Значит папа тоже стал узником? Может быть он ждёт, когда мы придём и спасём его?».

«Заколдованные узники дома и сами не знают, что они заколдованы. Они вовсе не хотят, чтобы их спасали. Наоборот, они заманивают к себе случайных путников и превращают их в себеподобных».

«А какие они?».

«Глубоко несчастные, одинокие, не знающие любви, утратившие надежду. Никогда, слышишь, Шемс, никогда не позволяй себе страдать! Смейся в лицо всем невзгодам! Зло питается нашими страданиями. Благодаря им, оно становится сильнее и ненасытнее. Не дай ему сожрать себя!»

Колкие мурашки бегут по спине Шемс, но она стискивает зубы и не плачет, чтобы ещё больше не расстраивать маму. Иногда мама становилась на себя не похожей: непроницаемая маска сковывала лицо, надёжно пряча любые эмоции, а может подчистую выдавливая их холодностью и равнодушием.

С того дня Шемс перестала задавать вопросы об отце.

Тетрадь жгла пальцы. Шемс отложила её и подошла к висевшему на стене зеркалу, со вчерашнего дня завешанному голубой скатертью. Это одна суеверная старушка из их подъезда, приходившая проститься с покойной, настояла на том чтобы закрыть все зеркальные поверхности в квартире. Шемс сдёрнула скатерть и смяв бросила на стоявшее поблизости кресло.

Обычное зеркало не хранило никаких энергетических отпечатков. Ни призраков, ни их следов, лишь точное отражение самой Шемс с плотно сжатыми губами и отрешённым взглядом. На горящих, словно в лихорадке щеках не блестело ни единой слезинки. Слёз мама не одобрила бы.

Тщетно Шемс всматривалась в отражение теней, скопившихся в углах. Душа Уланы покинула этот мир безвозвратно. И это понятно, кому ж захочется метаться в размытых лабиринтах бесчисленных людских страданий, когда можно улететь в обитель вечного покоя.

Шемс

Они не стали накладывать на нож чары невидимости — Татьяна нашла заклятие получше. И оно неожиданно сработало, что, как правило, было для их тандема несвойственно. После долгих приготовлений и ещё более долгих экспериментов Шемс удалось создать «карман вовне». Опасное оружие больше не нужно было прятать сзади за поясом, на голени, на предплечье и так далее. Это была настоящая магическая связь. Теперь стоило Шемс только пожелать, как нож бесследно пропадал из материального мира или же наоборот в мгновение ока материализовывался, и её пальцы вновь крепко сжимали деревянную рукоять. Конечно, как и предрекала крёстная, на всё про всё у них ушло почти два месяца, но оно того стоило.

— Они отказали мне в оформлении опеки, — мрачно объявила Татьяна, едва вечером перешагнула порог квартиры. — Сослались на то, что я не замужем, да к тому же не имею официального трудоустройства.

Шемс только что вылезла из душа и стояла перед ней с тютбаном из махрового полотенца на голове.

— Мне уже шестнадцать. Я вполне могу жить одна.

Они прошли в кухню, где Татьяна по-хозяйски включила электрический чайник и принялась выгружать из пакета на стол принесённые продукты.

— Я пыталась разобраться в нашем законодательстве, но толком так ничего и не поняла, кроме того, что суд должен удовлетворить заявление и объявить ребёнка полностью дееспособным. Тогда да, несовершеннолетние подопечные, достигшие шестнадцати лет, могут проживать отдельно. Нам бы с хорошим юристом посоветоваться...

— Или мне стоит поискать работу, — Шемс закусила губу, задумалась.

— Тебе сперва образование надо получить! Слушай, Шемс, попытайся вспомнить, может Улана говорила о каких-нибудь ваших родственниках. Может у неё есть братья или сёстры, пусть двоюродные, да хотя бы троюродные. Ну хоть кто-то ведь должен быть!

Шемс подумала о Дарреле. Она представляла его печальным рыцарем, сражённым могущественными силами зла. Стоит ли рассказать о нём Татьяне? Мама так и не рассказала, хотя они были лучшими подругами. Потому что приобщение к этой тайне грозит опасностью для каждой бессмертной души.

— Нет, никого нет.

Дневник Уланы.

Порой у меня возникает нелепая мысль, что Льюэллин всё-таки самый гуманный среди обитателей Склепа. Он, по крайней мере, расправляется со своими гостями сразу. Остальные же пытаются сохранить несчастным жизнь, тем самым продлевая их мучения, соревнуясь в придумывании наиболее изощрённых пыток в бесконечных раундах, призванных сломить волю, убить всякий интерес к жизни. Ведь гурманка Сатис регулярно требует свежей порции страданий.

Однажды Тиббот сказал мне: — «Любое удовольствие по мере насыщения теряет свою привлекательность. Страдания необходимы нам для переоценки ценностей. Вряд ли кто-либо, проживая в блаженной праздности, способен задуматься, пересмотреть всю свою жизнь и приоритеты».

Может Тиббот в чём-то и прав, только кто же в Склепе позволит себе роскошь — испытывать истинное удовольствие от всего происходящего?.. Само собой, Сатис не в счёт.

Впрочем, Тиббот, пожалуй, как раз-таки смеет. Только он обладает исключительной привилегией покидать Склеп, когда вздумается и насколько вздумается. Вот с чего бы интересно к нему такая милость?

А ещё я заметила, что он, почти всегда, производит впечатление вполне себе нормального человека. Правда, сравнение это весьма условно. Но Тиббот определённо не рвётся соревноваться за право выслужиться перед Сатис. Однако, и у него имеется нож с синей сталью и рукоятью из эбенового дерева.

Для меня стало совершенной неожиданностью, когда Даррель выболтал, что Тиббот и Льюэллин родные братья, причём Льюэллин старше Тиббота на семь лет. Кто бы мог подумать?! Как по мне, так они совершенно не похожи.

Да, именно теперь, спустя годы я ясно вижу, Тиббот плохо вписывается в стандартную атмосферу Склепа. То есть, он даже не носитель магии, но это, странным образом, не помешало ему продвинуться по карьерной лестнице. Брат подействовал?..

Насколько я помню, наличие магии — это единственный способ получить лично от Сатис не просто гарантии жизни, но и телесное бессмертие наряду с вечной молодостью. Но цена за это, как правило, оказывается непомерно высокой. Вот, казалось бы, кто пожелает себе бессмертия наполненного вечной скорбью? Ан нет, всегда находятся желающие. Даже на памяти Дарреля, не говоря уже обо мне, лишь Евгения отказалась покориться Сатис. Только она дерзнула в одиночку противостоять старой ведьме.

Впервые я увидела Евгению в приёмном зале, в самый первый день своего пребывания в Склепе. По сравнению с остальным домом, тут было непривычно много света. Сам зал представляет собой просторное прямоугольное помещение с высоким сводчатым потолком и голым полом, выложенным голубой плиткой с геометрическим узором. Всю противоположную от входа стену скрывают длинные бархатные занавеси, опять же голубые. Где-то за ними, по всей видимости, находится дверь в покои Властвующей, потому что именно оттуда она вскоре и появилась. И даже не посмотрела в мою сторону. Внимание Сатис всецело было поглощено проходившим в это время ритуалом.

Об этом следует рассказать подробнее:

Вспоминаю, как пройдя в зал, с глупым видом я бегло осматриваюсь по сторонам. И вот, на невысоком каменном постаменте, прямо под огромной люстрой, в форме вертикальной трубы, украшенной длинными цепями хрусталиков, я вижу девушку, безучастную ко всему, оцепеневшую, похожую на безжизненную статую. Её длинные тёмные волосы находятся в необычном положении, будто их взметнуло и растрепало ветром, такими они и застыли, не успев упасть обратно на худые плечи. Но девушка всё-таки не статуя. Я замечаю, как вздымается её грудь и опадает в такт ровному дыханию.

Неторопливо шаркая по полу босыми ногами, покрытыми засохшими струпами тёмно-жёлтого цвета, древняя старуха проходит мимо меня и моего провожатого и останавливается за спиной неподвижной девушки. Властвующая приближает своё безобразное лицо к фарфоровой шее и что-то глухо шепчет в белоснежное ушко провалившимся беззубым ртом.

Продолжения я не видела — меня увели из зала. Аудиенция завершилась так и не начавшись. Но одно я знаю наверняка, результат ритуальных действий того дня провалил с треском дьявольские планы Сатис.

Шемс.

Появление в квартире службы опеки в значительной мере поколебало, усердно поддерживаемое душевное равновесие.

Некрасивая полная женщина с ярко-красной помадой на чопорно поджатых губах в сопровождении двух сотрудников полиции бесцеремонно обошла все три комнаты, зачем-то заглянула в кухонные шкафчики и холодильник, проанализировала много ли пыли собралось на поверхности комода, для чего провела пальцем на пробу длинную изогнутую линию.

— Да, сейчас я одна в квартире, — робко отвечала на вопросы Шемс. — Но вечером всегда приходит Татьяна... Если хотите, я хоть сию минуту могу с ней связаться.

— А Татьяна — это, простите, кто? Ваш законный опекун? — бледные, водянистые глаза на заплывшем лице смотрели с плохо скрываемой неприязнью и какой-то холодной брезгливостью.

— Нет. Но скоро станет. Суд как раз рассматривает её заявление, — бессовестно соврала Шемс. — Разве в ваших документах этого не указано?

Грузная представительница опеки всё-таки заглянула в свою чёрную папку, затем снова вперила суровый взор в девушку.

— У меня нет такой информации.

— Значит в этом вашем министерстве что-то напутали. В любом случае ни в какой интернат я с вами не поеду! Приходите с ордером... или как это у вас там называется? В общем, со специальной бумагой.

На этот раз женщину с полицейскими всё же удалось выпроводить.

Оставшись снова одна Шемс устало бухнулась в кресло и несколько минут просто слушала, как неистово заходится сердце, едва не выпрыгивая из груди и пустеет душа. Она попросту не видела выхода из сложившейся ситуации.

«Само собой ничего никогда не уладится, Шемс», — внушала ей мама. — «Только воля и действие помогут сдвинуть с мёртвой точки решение проблемы, стоящей перед нами».

— Мам? — позвала она тихим жалобным голосом и зачем-то подняла глаза на потолок. — Я не справляюсь. У меня совсем ничего не выходит.

Жизнь рушится на глазах под градом внешних обстоятельств, и она не понимает, как это контролировать. Как будто чей-то зловещий шёпот в голове уверял, отнимая последнюю надежду, что бороться с этой напастью невозможно. У неё больше ничего не было. Не было права распоряжаться собственной жизнью, не было связей с влиятельными лицами, способных по щелчку пальцев всё урегулировать. Одно успокаивает: когда ничего нет и терять нечего.

Шемс глубоко вздохнула и посмотрела на свои ладони. У неё оставалась магия. Странная, неизученная, которой Шемс и управлять-то толком не умела.

Впервые магия проявила себя, когда девочке было семь лет. Шемс вспомнила, что сидела за кухонным столом и беззаботно рисовала печальную царевну в длинной кружевной сорочке раскрашенной красным маркером, когда в дверь позвонили.

«Кого это там принесло, на ночь глядя», — недовольно хмуриться мама, но поднимается и идёт открывать.

«Это рыжая тётя в коричневом пальто и зелёных сапогах», — машинально выдаёт Шемс.

В тот вечер Татьяна впервые переступила порог их жилища. Всего пару дней прошло, как она въехала в соседнюю по площадке квартиру, а неприятности уже тут как тут. Возвращалась она сегодня домой от одного состоятельного клиента, которому устраивала

спиритический сеанс и вот, надо же, замок на входной двери заклинило...

Безусловно, очень занимательно было слушать её рассказы о духах и чьих-то видениях, пока они втроём дожидались специалиста из аварийной службы. Но в действительности вся соль вечера заключалась в том, что у их новой соседки и впрямь были рыжие волосы. Правда пальто она носила терракотовое. Ну ведь почти коричневое? Шемс тогда ещё плохо разбиралась в нюансах цветов и оттенков. Зато сапоги у Татьяны точно были зелёные. Не придраться.

Возвратившись из собственных детских воспоминаний, Шемс решительно поднялась, достала спортивный рюкзак и наскоро побросала в него вещи. Вытащила из заначки свои довольно скромные сбережения и мамино обручальное кольцо.

Улана вышла замуж ровно за месяц до рождения Шемс, а через полтора года развелась. Приёмного отца Шемс не помнила и судьбой его не интересовалась. Он ушёл из их жизни, оставив на память о себе лишь это кольцо и звучную фамилию Руденко.

Записка для Татьяны, написанная второпях, легла на видное место, по центру светлой столешницы и для надёжности была прижата за краешек кофейной чашкой. Дверь захлопнулась и ключ в замочной скважине повернулся легко, будто стремился придать Шемс уверенности в правильности принятого решения.

Она и не сомневалась. Ничто не случается напрасно и ничто не проходит бесследно. И даже если дорога перед ней зарастёт непролазным бурьяном, она будет прокладывать сквозь него новые пути, прямо через тернии, оберегающие заклый дом.

Для начала она хотела убедиться, что Склеп действительно существует. Некоторые записи в дневнике косвенно намекали на его примерное местоположение. Однако там же упоминалось и о том, что не каждому визитёру он открывается. «Если Склеп тебя не захочет, ты можешь хоть сотни раз ходить вокруг да около, но так ничего и не обнаружить».

Посмотрев на небо, Шемс пришла к выводу, что синоптики вечно норовят уподобиться магам-шарлатаны, или политикам — прогнозировали дождь и снова соврали. На улице стояла жара. Под раскалёнными лучами солнца плавился асфальт, изнывали от жажды деревья и кустарники, а люди стремились укрыться в тенёчке, спасаясь от прилипавшего, обволакивающего тела горячего воздуха.

Шемс купила билет на ближайший рейс и, заняв место возле окна, достала мамин дневник.

Духота в автобусе стояла адская, сил нет. Ещё и кондиционер сломан. Словно в натопленной банной парилке. Заключённые внутри салона пассажиры, обмахивались чем могли: газетами, бейсболками и просто собственными ладонями. Вялые мухи ползали по запylённым стёклам, время от времени лениво перелетая с одного окна на другое.

Ехать предполагалось несколько часов и Шемс постаралась просто запастись терпением. Потягивая сладкую газировку и отстранившись от стоявшего в воздухе монотонного гула, она полностью погрузилась в чтение.

Дневник Уланы.

Зачем Даррель подарил мне то кольцо? Я начала думать, что он преподносит его каждой своей «гостье», и оно беспрестанно кочует с одного пальца на другой на протяжении многих десятилетий.

Это был золотой перстень с чёрным опалом когда-то принадлежавший его матери, почившей 1894-м. На момент её смерти Даррелю исполнилось семь.

Весьма абсурдным при этом кажется то обстоятельство, что внешне Даррель выглядит моложе меня. Должно быть он перестал стареть, когда стал одним из Поклоняющихся. Его биологический возраст остановился на отметке где-то в районе двадцати пяти лет.

Итак, в награду за преданность Сатис, Даррель получил бессмертие и способность легко восстанавливать своё тело после повреждения. А что насчёт его разума или его души?..

С тех пор, как Евгению, пребывающую в безмолвном оцепенении, перенесли в отдельные покои, я всё старалась улучшить возможность и навестить её. Мне казалось это позволит лучше понять, откуда в ней такая негибкая воля, поразительная способность выдерживать немислимые страдания за нежелание покориться силе Сатис.

Из всего этого засилья насилия приятной неожиданностью для меня стало осознание, что сама Властвующая не может с ней ничего поделать, кроме как ждать, когда нахалка наконец будет готова сдаться.

Длинный тусклый коридор делает поворот и упирается в дверь из толстого чёрного стекла. За ней и стоит открытый деревянный гроб с лежащей внутри живой девушкой. Склеп в Склепе.

Я рада, что никого не встретили по пути. Скорее всего мне бы запретили к ней приближаться. Ведь теперь жизнью Евгении единолично распоряжается сама Сатис. Но по счастью все заняты своими делами: Даррель спал, когда я уходила, Иона по обыкновению

хлопочет на кухне, Льюэллин вроде бы закрылся в библиотеке, а Тиббот вот уже месяц, как вообще не появляется в Склепе. Вчера Иона с Даррелем даже делали ставки вернётся ли Тиббот назад или нет. На самом деле, конечно же, никто всерьёз не верит, что Тиббот ушёл насовсем. «Само собой, когда-нибудь он вернётся. Он всегда возвращается», — сказал мне перед сном Даррель.

Наверно им следовало запереть комнату, но ведь вариант, что кто-то помыслит нарушить священное правило дома ими даже не рассматривался. И вот я беспрепятственно ступаю за чёрную дверь и движусь мимо высокой бронзовой подставки со стеклянной вазой, наполненной рунными камешками, к установленному по центру комнаты гробу, массивному, выкрашенному белой краской.

Безжизненность лица Евгении подчёркивает восковая бледность, а руки неподвижно покоятся вдоль тела. Ещё я успела подметить, что нижнюю часть голени на правой её ноге обвивает цветная татуировка в виде ящерики. Евгения моложе меня на три года, ей всего двадцать четыре, и, надо полагать, старше она уже никогда не станет. Мысленно я представляю себе, как где-то, за пределами Склепа, близкие Евгении сбиваются с ног, разыскивая её...

Опускаюсь на корточки и физически ощущаю, как густеет воздух, пропитанный стойким запахом воска. По тёмным углам разрастаются и скользят бесплотные тени, от них веет опасностью и какой-то безысходностью и тянет убраться куда подальше. Конечно же, я остаюсь и склоняюсь над гробом.

— Мне так жаль, — шепчут мои губы. — Знаю, ты не хотела такой судьбы, как и я, как и множество других жертв, замученных в этих глухих стенах, лишившихся жизни невесты за что. Они навеки искалечили наши души и отняли последние проблески надежды. Но ты другая, твоя борьба продолжается, пусть незримо, но явственно для каждого из здесь живущих. Я восхищаюсь твоей отвагой, которая лишней раз подчёркивает мою собственную никчёмность. А мне бы так хотелось помочь...

— Так помоги мне! — в этом слабом бесцветном голосе, таилось устрашающее очарование истинной скорби. — На краткий миг мне почудилось, что это не слова Евгении, такое странное чувство, будто со мною говорят стены, будто то шепчет сам Дом...

Но вдруг гибкие пальцы судорожно впиваются в моё запястье, а ногти больно вонзаются в кожу так глубоко, что показываются алые капельки крови. Я инстинктивно пытаюсь вырвать руку, но ожившая покойница держит меня крепко.

Евгения медленно села. Её глаза неестественно широко распахнуты, а слепой взгляд устремлён прямо на меня.

— Их черёд ещё не пришёл, — продолжает вещать она, мерно раскачиваясь из стороны в сторону, точно поражённая безумием. — Демон существует уже тысячи лет и продолжит умножать своё могущество ценой невинных душ. Его сила велика, но всё равно не безгранична. Он воздвиг этот дом, но дом обладает собственным сознанием. И он в ожидании нового хозяина. Сотворённого внутри. В ком воплотятся все качества, отвечающие нашим целям.

Она замолчала, и я поняла, что за дверью кто-то есть. Кто-то пришёл проверить Евгению, но не может войти. Дверь по какой-то причине заклинило. Это было не просто странно, это было уму непостижимо. Словно сам дом решил взбунтоваться против заведённых в нём правил.

Евгения разжала пальцы, а поскольку всё это время от испуга я продолжала тянуть руку

на себя, то и полетела навзничь и уже затем торопливо отползла на четвереньках к стене.

В дверь продолжали упорно ломиться, но она оставалась стоять неприступной глыбой, будто под мощным охранным заклятием.

Понятия не имею каким образом в руках Евгении оказался нож. Она отвернулась и больше ни разу не взглянула на меня полными испуганными глазами, как будто потеряла интерес.

— Нет-нет-нет! Что ты делаешь?.. Я согласна помочь! Только не понимаю, как. Клянусь, я на всё согласна, чтобы уничтожить Сатис!

— Демона нельзя уничтожить. Его можно лишь отправить обратно в преисподнюю, — произнесла Евгения ровно, почти без интонации.

А затем всадила нож до упора в собственную грудь. И я онемело смотрела, как, захлёбываясь кровью, она откидывается на лежащую в гробу атласную подушку, как расплываются кроваво-красные пятна по её белоснежной кружевной сорочке...

Дверь распахнулась и в комнату влетел Льюэллин, а за ним Даррель и Иона. Я, утратившая остатки самообладания, в приступе истерики корчилась на полу. Они же, буквально окаменевшие, взирали на теперь уже по-настоящему мёртвое тело Евгении, и кажется, совершенно не были готовы осознать случившееся.

Интересно, до того момента, кто-нибудь из обитателей Склепа видел Льюэллина настолько шокированным. Не думаю.

Но вот он приходит в себя, хватая меня за шиворот и бесцеремонно волочит к Сатис. Шемс.

По всем приметам — обыкновенное провинциальное захолустье.

Сойдя с автобуса, Шемс попала на окраину какого-то захудалого городишка. Казалось, всё тут, от облезлых домов за хлипкими заборами, до огромных зарослей лопухов в придорожных канавах покрыто, пропитано пылью и запахом нечистот. И на самой дороге, и в особенности по её обочинам валялся всевозможный мусор, зарастая некошеной травой. Безотрадное зрелище в качестве наглядной демонстрации человеческого отношения к окружающей среде. И именно где-то в этих краях, если верить маминему дневнику, зло сплело свои паучьи сети.

Немного подумав, Шемс закинула на плечи рюкзак и направилась в противоположную от жилого района сторону, по направлению к заслоняющей горизонт одинокой горе с расколотой вершиной.

Главная дорога уводила на север в обход горы, и отделяла от неё Шемс довольно глубоким оврагом, сплошь покрытым колючим кустарником. Девушка была уже почти рядом и напряжённо размышляла, где именно ей следует искать заколдованный дом, когда за спиной скрипнули тормоза и старенькая, хорошо проржавевшая легковушка, вильнув колёсами, остановилась с противоположной стороны обочины.

— Эй, красавица, куда идёшь? Садись, подвезём, — из открытого водительского окна высунулась лысая башка с совершенно идиотской улыбкой.

Шемс прямо кожей чувствовала сальный взгляд, скользнувший по её лицу, на мгновение задержавшийся на губах, и устремившийся вниз, по контурам тела.

От омерзения её даже передёрнуло. Кажется, парней в машине было трое. Положение, прямо сказать, выглядело удручающим, только девушка, почему-то не испытывала ни малейшего страха перед этими безмозглыми болванами, правда пришлось немного побороться с накатившей волной тошнотворной брезгливости.

— Давай садись, не ломайся!

Она медленно опустила ляжки рюкзака, чтобы удобнее было передвигаться по диким зарослям, смерила бестолково лыбившегося маньячину самым пренебрежительным, на какой только была способна, взглядом и, показав средний палец, быстро шмыгнула в овраг.

Вслед Шемс полетели грязные оскорбления, но последовать за ней по крутому склону, собирая по пути колючки и рискуя выколоть глаза сухими ветками, желающих, к счастью, не нашлось. Натренированная Шемс и сама-то пару раз упала, споткнувшись о скопившийся внизу хлам, нахватала в волосы репьев и расцарапала до крови локоть.

Остановившись, она добросовестно извлекла все прицепившиеся к ней сухие репейные головки, распутывая волосы пальцами вместо расчёски, и осмотрелась.

Неожиданно внимание привлекли валуны разных форм и размеров, хаотично разбросанные по дну оврага, а в определённом месте образующие странную расстановку — их гряда из более-менее стандартных размеров протянулась к самой горе широкой почти ровной лентой, будто остатки каменной дороги, какой-нибудь древней цивилизации. Ага! Вот и подсказка, обрадовалась Шемс.

Следуя каменному указателю, она добралась до подножия и продолжила путь по открывшейся расщелине, зияющей подобно широкой пасти и полого уходящей вниз.

Неприятная липкая испарина выступила по всему телу, и затея постепенно перестала казаться такой уж хорошей. Теперь вместе с навалившейся усталостью, в груди росло тупое равнодушие, безразличие ко всему, даже к собственной судьбе.

Расщелина сделала резкий поворот и закончилась тупиком.

Глазам Шемс предстала блестящая чёрным гладким камнем, фасадная стена одноэтажного дома. Кроме прочего, необычность заключалась в том, что его задняя часть целиком была встроена в прилегающий склон и невозможно сказать, насколько глубоко внутрь горы она продолжалась.

Разинув от удивления рот, Шемс взирала на три высоченные входные двери, определённо не менее чем пятиметровой высоты каждая, деревянные под матово-золотистой структурной краской. Удивительное зрелище заставило Шемс окончательно растеряться, зато тупую апатию, как рукой сняло.

Целых три двери и не единого звонка, хотя тут больше подошёл бы дверной молот в виде лошадиной головы или когтя дракона. Шемс плавно приложила ладонь к дверному полотну и, тихонько надавливая, погладила шершавую поверхность.

— Привет, дом.

Дом оставался глух, нем и слеп, в прямом смысле этого слова. По всему фасаду не виднелось ни одного оконного проёма.

Шемс прислушалась к окружающему дом безмолвию, ненарушенному даже вездесущим птичьим щебетом. Мёртвая тишь вокруг и тревожное гипнотическое оцепенение, не действующее разве что только на Шемс. Даже легчайшее дуновение ветра ни на волосок не колыхнуло металлический флюгер, в виде неведомой зубастой твари, торчащий над двускатной черепичной крышей. Воздух пребывал в неземном покое.

Шемс продолжала стоять и слушать, закрыв глаза, открыв разум. Что-то тянулось к ней, бестелесное, призрачное. Чьи-то невидимые щупальца касались, исследовали тело, забирались под одежду, огибая каждый изгиб, проникая в каждую складочку, осторожно, недоверчиво. И Шемс не сопротивлялась, начиная раскрываться навстречу, не только предоставляя таинственной сущностью своё тело, но и обнажая душу, безоговорочно

соглашаясь на полную диагностику личности.

И вдруг, перед её внутренним взором начала складываться картина, такое случилось с ней периодически. Не размыкая век, она видела сквозь запертые золотистые двери длинный сумрачный коридор, уводящий в глухую темноту. По нему ей навстречу двигался человек.

В этот момент самообладание Шемс неожиданно дало трещину. Как никогда остро по нервам резануло чувство надвигающейся неотвратимой опасности.

Щупальца тут же отступили и, мерно раскачиваясь, продолжили наблюдение со стороны с несомненным интересом и будто бы даже с недоумением.

Сейчас Шемс, однако, было не до них, сознание целиком сосредоточилось на мужчине. Подсвеченный отблесками свечей, его силуэт выделялся на однообразно тёмном фоне. Светлые волосы колышутся в такт его шагов, взметаются и снова падают, свободно рассыпаясь по плечам. Пронзительные глаза смотрят будто бы прямо душу, внимательно и холодно, а мерцающие тени вокруг делают их цвет ещё более насыщенным. Чтобы достичь подобного оттенка, древние майя смешивали минералы индиго, палыгорскита и листьев индигоферы. Там в их глубине Шемс чудится что-то пронизывающее, потустороннее.

Непонятно на что она рассчитывала, уверовав, что встречать её в заколдованном доме непременно выйдет Даррель. Узнает, обнимет, и колдовские чары рассыпятся в прах, зло падёт, поверженное силой любви. Слишком наивно? Пожалуй!.. Шемс очень чётко осознала свою опрометчивость, когда увидела идущего за ней Льюэллина.

Каждый его шаг сопровождался гулким ударом её сердца. Горячей волной изнутри поднималась паника, а по венам мчался ток адреналина. Уже почти рядом, ещё чуть-чуть и одна из дверей распахнётся...

Шемс долго держалась, но теперь нервы сдали окончательно. Она открыла глаза, прогоняя слишком реалистичное видение, и через секунду уже во весь дух неслась прочь.

Остановилась она, лишь когда впереди появились первые признаки городской цивилизации, и немедленно согнулась пополам, держась обоими руками за бок. Постепенно боль проходила. В голове чисто автоматически начали крутиться злободневные вопросы, вытесняя липкий страх.

Кое-как восстановив дыхание, она расстегнула молнию на боковом кармане рюкзака и дрожащими пальцами вытащила оттуда предусмотрительно выключенный телефон. Когда на экране высветились уведомления о десятках пропущенных вызовах, она даже почувствовала себя немного спокойнее.

— Ало! Татьяна? — проскулила Шемс в трубку жалобным голосом. — Я совершила большую глупость. Пожалуйста, помоги! Скорее забери меня отсюда.

Дом Властвующей

Сочась сквозь фиолетовые кружева металлических подсвечников по кухне расплывалось красивое призрачное свечение. И неважно, что стоявшая в дальних углах мебель тонула в мутном сумраке — это нисколько не портило впечатления от общей картины. Тяжёлые струи дождя немилосердно хлестали в окно, добавляя месту ещё больше поэтической уютности.

Чёрная тень, лежащая у ног на гладком зеркале пола, дрогнула и скользнула на стену, когда её хозяйка, миниатюрная темнокожая девушка, оторвалась от помешивания какого-то травяного отвара, бурлящего в чугунном котелке, и посмотрела на своё отражение в стекле, замутнённом дождевыми потоками.

— Приятно слушать дождь, когда не льёт тебе за шиворот, — сказала она.

— Он ведь даже ненастоящий, — Тиббот поднял на девушку живые глаза, сведя брови к тонкой высокой переносице. — Напомни-ка, Иона, ты ж у нас вроде родом откуда-то из северной Шотландии? Неужели тебе ещё в смертной жизни не успела осточертеть подобная серая слякоть?

Вместо ответа Иона недовольно встряхнула головой, отбрасывая за спину копну из сотни блондинистых африканских косичек, повела рукой, и в то же мгновение за фальшивым окном крупными хлопьями повалил снег.

Невозмутимо пожав плечами, Тиббот откинулся на спинку кожаного стула, выполненную в виде вертикальных чёрных вензелей, не слишком удобную, но эффектную, и снова обратился к стоявшей перед ним тарелке с подтаявшим бананово-арахисовым мороженым в «тубетейке» из бисквита.

— Ты, конечно извини, но вот не верится мне, что твоя ворожба поможет сломать силовое поле гробницы, — но и это воззвание Тиббота осталось без ответа. Поразмышляв пару минут, он провёл ладонью по голове, взъерошивая и без того растрёпанные волосы и снова нарушил молчание. — Столько раз уже пытались... Однако всегда готов помочь, чем смогу. Например, отредактировать там формулу заклинания...

— Да уж как же без тебя! Пытаешься примазаться к моим успехам? При том, что сам напрочь лишён даже зачатков магии. Какой из тебя на хрен заклинатель?..

Она оборвала свою речь из-за негромкого дребезжания, словно по дому прошлась волна мелкой вибрации.

— Гость, — резко выдохнула Иона и выжидающе уставилась на Тиббота. — Ну и чего сидишь?

— Как чего? — выкатил тот глаза. — Сейчас вроде черёд Дарреля.

Мелкое дребезжание повторилось и на этот раз длилось чуть дольше.

В дверях показался Льюэллин.

— Где Даррель? — осведомился он слегка раздражённо.

— Спит небось, — ехидно ухмыльнулась Иона.

— Чего же вы ждёте? У нас на пороге гость. — с намёком приподнял бровь Льюэллин, переводя взгляд с Ионы на Тиббота.

— Я занята. Властвующая ждёт свежий отвар, — скороговоркой протараторила колдунья и быстро отвернулась к своему котелку.

— Не моя очередь, — протестуяще вскинул ладони Тиббот.

В третий раз сигнал сопровождался не только звуком, но и световым мерцанием.

— Проверьте круг и разбудите уже кто-нибудь этого придурка Дарреля, — распорядился Льюэллин, показывая свой красивый профиль, а затем бесшумно скрылся в сумраке коридора.

— Даррель совсем обнаглел, — высказала своё мнение Иона. — Что-то подозрительно регулярно его одолевает богатырским сном в час, когда именно ему выпадает жребий встречать гостей. И почему Льюэллин до сих пор не донесёт на него Властвующей? Ведь ясно как день, что этот дармоед просто делает вид, будто не слышит сигнала.

— Будто у Властвующей других забот нет, как вот только в бытовых дрызгах и разбираться.

— Защищаешь Дарреля? В конце концов твой брат не обязан выполнять чужую работу.

— Ну так взяла бы, Ион, и сама донесла, чем трепаться без толку.

— Да катись ты к чёртовой матери, Тиббот! — тихо огрызнулась колдунья.

Глаза Тиббота хитро блеснули.

— Твой странный парадокс, Иона, заключается в том, что дурные манеры и вульгарный язык, непостижимым образом уживаются в невероятно соблазнительном теле.

— Язык тебе мой значит не нравится? Вот только попробуй ещё хоть раз появиться в моих покоях без приглашения!

— Это когда я себе позволял подобное? — удивился Тиббот, пряча лукавую улыбку.

— А прошлой ночью? Когда припёрся по мою душу прямо в ванную.

— Упаси боже! Ни в коем случае я не претендую ни на какую душу, меня волнует исключительно твоё горячее тело.

Обрывая их словестные перепалки и небрежно громко хлопнув при появлении кухонной дверью, к ним, наконец-то, присоединился Даррель, по пояс голый и весь какой-то взлохмаченный.

— Смотрите, спящая красавица уже проснулась, — засмеялась Иона, не упуская возможности уколоть приятеля. — Снова проспал всё интересное.

Даррель лишь молча отмахнулся и расхлябано, в развалку направился к большому холодильнику. Подошёл, приложил ладонь к дверке и на какое-то время замер, тщательно в уме проговаривая свой заказ. Затем вытащил оттуда две алюминиевые банки пива, затянутые тонким налётом инея и плоское блюдо с красиво выложенным на нём ассорти: сырное с виноградом и персиковым чатни.

Тиббот провожая Дарреля глазами, подначил Иону:

— Вместо того чтобы играть в мультики про погоду, могла пойти, и сама разбудить, как принято будить спящих красавиц.

— Не дождётесь! — гаркнула та, изображая возмущение, но непослушное лицо при этом расплылось в широченной улыбке.

Дверь кухни снова открылась, заставляя всех присутствующих обернуться к возвратившемуся Льюэллину. И одновременно каждый произвольно задался вопросом: что означает напряжённое, даже, пожалуй, озадаченное выражение его лица, и к чему им следует готовиться?

— Там никого не было, — сдержанно сообщил Льюэллин, отвечая на их пытливые взоры. — Ни у входа, ни на площадке за углом дома, вообще нигде.

— Вот это да! — поразилась Иона. — Такое случалось прежде?

— Я что-то не припомню ни одного случая, — качнул головой Тиббот и поймав взгляд Льюэллина с осторожностью поинтересовался: — Властвующая уже знает?

— А ты как думаешь? — Льюэллин смерил брата жёстким взглядом. В разливающемся от свечей колеблющемся неровном свете резкие тени ложились им на лица, делая их старше той возрастной отметки на которой когда-то в их организмах остановились все процессы физиологических изменений. — Дом отсканировал особу женского пола. Само собой, необходимо её вернуть. Тиббот, ты меня слушаешь? Я собираюсь отправить за ней тебя.

— А может ну её? Ушла и шуг с ней. Коли уж тут не подействовали наши чары, и дом не стал её удерживать, стало быть она ему не ко двору пришлась.

— Перестань молоть вздор. Магическая маскировка не сработала. Какая-то женщина была здесь и дом открылся ей. Значит теперь она принадлежит нам. Не думал, что необходимо напоминать вам о непреложных правилах.

— Тогда почему дом её отпустил? — спросила Иона, меланхолично разглядывая тихо кружащие за окном снежинки, размером с приличную тарелку. — Может быть она обладает какой-то особенной магией, неподвластной нашим чарам. Новую преклоняющуюся с такими способностями Властвующая вряд ли захочет, особенно после истории с Евгенией.

— Властвующая уже велела разыскать её.

— Почему я? — недовольно скривился Тиббот. — Отправь вон Дарреля. Это, между прочим, его гостья была.

— Потому что я отправляю тебя. На обратной стороне двери и ступенях остался её энергетический след. Я помещу его в артефакт поиска, это поможет вычистить направление.

— Да ладно тебе, Лью, — Даррель смотрел осолопевшим взглядом в потолок, а на столе перед ним к этому моменту сформировалась уже целая башенная конструкция из опустевших пивных банок. — Зачем доверять Тиббу такую важную работу, если можно сделать всё самому? Безопаснее, надёжнее и к тому же отличная возможность показать исключительное усердие в маниакальном стремлении выслужиться любой ценой.

— Совсем с катушек съехал, — Иона покрутила пальцем у виска и поцокала языком.

— Прекращай выпендриваться Даррель. Протрезвись и принимайся за свои прямые обязанности, — грубо отрезал Льюэллин.

— А то что? — тонкие губы Дарреля скривились в злой ухмылке. — Прикончишь меня? Что ж, давай! Глядишь, Дом со скуки согласится приютить у себя ещё и призрак-алкоголика. А жратву для Сатис втроем тянуть будете, ибо наплыв гостей у нас как-то невелик.

— Не прикончу. Пока. Но если ещё хоть раз посмеешь уклониться от работы, я предъявлю Властвующей твою коробку сентиментальных воспоминаний.

— Ты рылся в моих вещах, ублюдок?! — Даррель вскочил, сжимая кулаки.

Льюэллин взглянул на него насмешливо, недобро ухмыльнулся и продолжил:

— Ладно шифоновый пеньюар. Кажется, у прошлой хозяйки в нём кое-где просвечивало тело... Но отрезанный локон волос или заляпанная кровью перчатка...

Он не успел договорить, как Даррель с такой силой ударил кулаком ему в лицо, что Льюэллин отшатнулся и, потеряв равновесие, упал на пол. Но уже через пару секунд вновь стоял на ногах, и противники сцепились друг с другом в безобразной рукопашной драке.

Не скоро и с великими усилиями Тибботу и Ионе удалось растащить их по разным углам дома.

— За коим лешим ты опять его раздраконил? — Иона отчитывала Дарреля в его

собственных покаях, энергично смазывая заработанные молодым мужчиной синяки и ссадины вонючей жирной мазью.

Тот упрямо молчал, только сильнее стискивал зубы, излучая глухую ярость.

— Вот ты дурень! — всплеснула руками Иона. — И эгоист неблагодарный. Он же тебя выгораживает постоянно. А ему оно надо, сам подумай? Своё бремя тянет, так ещё за тебя обормота радеть должен? Он ведь тоже поди не чурбан бесчувственный.

Дверь плавно отъехала в сторону. К ним заглянул Тиббот и, держась немного натянуто, объявил:

— Ну в общем я отчаливаю. Гостинцы какие заказывать будете?

— Иди уже, — Иона махнула на него рукой.

— Я так понимаю, поездка твоя как обычно затянется? — Даррель поднял на него пасмурный взгляд. — Оторвись там по полной за меня. За всех нас.

— Ну это как получится, — Тиббот вяло усмехнулся и исчез в тёмном проёме.

Дневник Уланы.

На днях Шемс спросила у меня: почему Венди не осталась с Питером Пенем на острове а вернулась к родителям. Я ответила, что пиратский остров неподходящее место для девочек, к тому же, Венди понимала, что родители ждут её и, если не дождутся, то сердца их разобьются от горя и тоски. «Венди поступила правильно», — сказала я.

«Но ведь потом Венди пожалела о своём решении, только было уже поздно — она повзрослела, и путь на остров для неё навсегда закрылся. Выходит, поступив правильно, она выбрала для себя дурацкую, несчастливую жизнь?».

«Почему несчастливую? Её главная мечта сбылась — она стала мамой».

«Мне почему-то кажется, она просто не знала, что можно мечтать о чём-то другом», — обиженно гнула губы Шемс. — «Я бы ни за что на свете так не поступила...».

Не знаю, возможно, Шемс в чём-то права. Я много думала над тем, какой могла бы стать моя жизнь, не окажись я тогда в Склепе.

Каждое событие, которое мы переживаем, каждое чувство, мысль, выбор — накладывают более или менее заметный отпечаток на наше мироощущение, постепенно вылепливая человеческую личность.

Склеп выработал во мне привычку жить в постоянном ожидании новых страданий. Я жду их во всеоружии, накрепко заморозив душу и мобилизовав рассудок. Но, вырвавшись из Склепа, разве я стала счастливее? Наверно, я просто не обладала той дерзостью, решимостью и отчаянием, требующих сражаться до последнего вдоха, как сделала Евгения? Она приняла достойную смерть, вместо унижительного служения. И, смею надеяться, тем самым разрушила планы врага, не позволила демону сломить себя, ради плотка мнимой свободы?..

Сатис хотела знать каждое слово, произнесённое Евгенией перед смертью. Я воспроизводила их в памяти с той же болью, с какой слушала всего несколько минут назад из уст самой отважной на свете девушки, видящей этот мир в полном цвете, сохранившей честь и не предавшей своих принципов. Дух Евгении остался непобедим, как дух самурая.

Почему Сатис меня отпустила? Снова и снова я задаюсь этим вопросом. Какой истинный смысл кроется за её манёвром? Пожалуй, эта головоломка любого собьёт с толку.

Я отдала ей перстень с просьбой вернуть Даррелю. С моей стороны непорядочно было бы лишать его символа той прошлой человеческой жизни, когда душа была свободна от власти тьмы и сердце наполнилось любовью. Да и мне, думала я, незачем хранить лишнее напоминание о днях своего пребывания в Склепе.

Тогда я ещё не подозревала, что самое что ни на есть живое напоминание уже зреет внутри меня...

Знала ли о моей беременности Сатис? Трудно сказать... Думаю, что не знала. Как известно демоны не отличаются ни гуманностью, ни состраданием, соответственно ни один её поступок не может быть продиктован великодушием или сентиментальным порывом. Очевидно, поспешно избавляясь от меня, она руководствовалась исключительно собственными желаниями и выгодой.

Шемс

Не дожидаясь разрешающего сигнала светофора Шемс быстренько перебежала дорогу

по полустёртым полосам пешеходного перехода и направилась мимо припаркованных у тротуара машин к тележке с мороженым, возле которой уже толпился, мнимый сладким лакомством, народ.

Синева неба постепенно застилало тенью хмурых облаков, а поднявшийся горячий, сухой ветер трепал волосы прохожих, взвивал пыль клубами, и она летела в лицо, забивалась в рот, нос, глаза...

Вынужденная заpastись терпением, Шемс, заняла очередь за какой-то худенькой девушкой в очках и, сунув руки в карманы лёгких хлопковых шорт, принялась от нечего делать разглядывать нескладную фигуру продавщицы, пока та резво наполняла разноцветными шариками вафельные стаканчики для двух неугомонных малышей. А в это время молодая мать семейства, возмутительным образом застопорив всё движение, умилялась радости своих чад, категорически неспособных определиться между разными сортами мороженого, и металась от одного к другому: уговаривала, успокаивала, увещевала. Да при всём этом ещё успевала кокетливо стрелять глазами в сторону следующего за ней очереди симпатичного рыжеволосого парня лет двадцати с хвостиком.

— Мама, я хочу ещё того си-и-инего!

— Я мне синего! И... и зиёного!

Вопили дети, перебивая друг друга.

— Горло заболит от такого количества, — весело подмигнул им рыжий парень.

— Непрошенный советчик лучше всех всегда всё знает, — мамаша усмехнулась чуть свысока и, невинно хлопая приклеенными ресницами, заметила: — Вы, молодой человек, вместо того, чтобы дважды маму учить жизни, лучше бы сами взяли, да угостили этих сладкоежек.

Позади неделикатно напирала толпа — дескать, поскорее уже покупайте и проваливайте, не задерживайте очередь. Выглядывая из-за чужих спин, Шемс отметила, как парень, сощурился глаза и склонив голову набок, оценивающе пробежался острым взглядом по женской фигуре, а затем обратился к продавщице:

— Дайте пацанам каждого сорта по порции. И нам с их мамой по паре ванильного.

— Ой, да вы что?! Хватит, хватит, куда так много? — делано засмушалась дамочка. Тем не менее, угощение принять соизволила, и теперь не спеша складывала тающий десерт в пакет, аккуратно, стараясь не помять.

— Меня Кира, кстати, зовут, — она улыбнулась и скромно поправила выбившуюся из-под блузки лямку лифчика. — Спасибо вам большое! Для мальчишек это прям настоящий праздник, — и после секундной паузы добавила: — Я с ними в парк собираюсь. Может и вы к нам присоединитесь, а то боюсь, без вашего участия, такое количество мороженого погибнет напрасно.

— С удовольствием присоединюсь чуть позже, если объясните, как вас там найти. Я просто первый день в городе, и даже не знаю где тут находится парк, — легко согласился парень, параллельно расплачиваясь с продавщицей.

— Да вот же он! — дамочка махнула рукой. — Вход прямо за следующей остановкой.

Один из мальчиков, тот, что помладше, задрал головку, и заглядывая в лицо новому маминному знакомому, произнёс:

— Я Сиёжа. А тебя как зовут?

— Ой, простите, забыл представиться. Моё имя Тиббот, — он легонько потрепал мальчишек по волосам, глядя при этом на их маму.

Шемс словно молнией пронзило. Она проследила глазами, как парень делает шаг в сторону, и в голове будто взорвался фейерверк, наполнив кровь адреналином и, брызнув искрами из глаз. Вот ведь никогда не знаешь заранее, где тебя поджидает возможная засада. Хотя, может, случайное совпадение?..

А очередь тем временем с нескрываемым облегчением сдвинулась с мёртвой точки, и какая-то женщина, видимо не справившись с накопившимся возмущением, заметила во всеуслышание:

— Ну наконец-то! Это ведь надо столько времени всех мурыжить. А у меня, между прочим, спина больная, и дома тоже внуки гостинцев поди заждались.

Проигнорировав женщину, Кира похватила детей и, не забыв пакет с мороженым, направилась в сторону, стоявшей неподалёку многоэтажки.

Следуя её примеру, Тиббот сделал вид, что и к нему предыдущее высказывание не относится, и тоже направился было восвояси.

— Видите ли, — вдогонку ему громко и чётко произнесла Шемс, якобы вторя возмущённой женщине, — любые страдания необходимы нам для переоценки ценностей! А то обстоятельство, что мы простояли тут лишние полчаса, глотая пыль и наблюдая дешёвый флирт, грозящий перерасти в бесперспективную любовную связь, каким-то образом, видимо, должно заставить нас задуматься, пересмотреть всю свою жизнь и приоритеты.

Парень, будто на невидимую стену наткнулся, внезапно остановился и удивлённо посмотрел на Шемс.

— Всё хорошо в меру, — заметил он ровным тоном.

— Конечно, — приторно улыбнулась ему Шемс. — Одно дело до блевоты обожраться мороженым и совсем другое — до конца сражаться за свободу, не жалея себя.

— Некорректное сравнение на мой взгляд.

— Даже не знаю существует ли корректное сравнение чего-либо с жизнью в заколдованном доме.

Парень ещё раз внимательно взглянул на Шемс, словно сканируя глазами. А она взяла и демонстративно отвернулась, сосредоточив внимание на затылке впереди стоящей девушки.

Он подждал её неподалёку и выступил навстречу из-за выцветшей рекламной афиши.

При виде него в глазах Шемс поселилась притворная задумчивость. Степенно откусив маленький кусочек холодного сливочного пломбира и, делая вид, что неторопливо его смакует, она напряжённо размышляла. Даже если это не один из поклоняющихся, ведь у них тоже могут быть тёзки, всё равно странно, что он так отреагировал на фразу из дневника, почти дословно повторяющую слова Тиббота из Склепа.

На парне были простые спортивные шорты и черно-белая полосатая футболка, и рыжие волосы у него торчали во все стороны. В общем-то, выглядел он вроде обычно, даже буднично. Что ж, посмотрим, пусть всё само собой прояснится по ходу дела...

— Судя по купленной мной давеча книги от местного автора по теме «История города», в этих краях не найдётся и парочки мест, окружённых мистическим ореолом, ну или на худой конец, хотя бы просто сопровождаемых интересной легендой, — сказал он, выбрав не самый, мягко говоря, типичный способ завязать разговор. — Как по мне, так это очень даже интересно, среди бела дня в столь неприметном месте встретить заядлого любителя мистицизма. Ты ведь из них или просто забавляешься?

— Вот так совпадение, — Шемс насмешливо изогнула бровь. — Примерно то же самое я подумала о тебе.

— Хм, — он продолжал рассматривать её с явным интересом. — Вряд ли обо мне можно сказать, мол, посмотрите, этот чувак ошеломляет с первого взгляда! Он полон мистики и загадочности!

— Почему же, — хохотнула девушка. — Для некоторых людей мир куда богаче и сложнее условных рамок, нужно лишь научиться смотреть глубже внешности.

— Очевидно увлечение мистицизмом всё же тебе присуще. Ну и что же ты во мне увидела?

Шемс надоело ходить вокруг да около и она, глядя прямо ему в глаза, спросила:

— У тебя есть брат по имени Льюэллин?

— Ну допустим, — ответил он после удивлённой паузы. — И вот тут у меня возникают два варианта возможных источников твоей осведомлённости: либо ты отрабатываешь на мне свои экстрасенсорные способности, либо кто-то тебе о нас рассказал. Угадай, к которому из вариантов я склоняюсь?

— Ко второму?

— Верно. Выходит, у нас с тобой имеются общие знакомые. А можно поинтересоваться, от кого ты о нас слышала?

— Ни от кого, — Шемс небрежно пожала плечами, только вот, всё сложнее ей становилось игнорировать тяжёлый ком горечи, неотвратимо подкатывающий к горлу. — Сама прочитала в мамином дневнике.

— В мамином дневнике? — недоумение всё больше и больше овладевало Тибботом. — Кто она? Скажи, где я могу её найти?

— Оу! Ну это совсем легко: центральное кладбище, справа, шестая могила от стены, практически под козьей ивой, — Шемс улыбалась, а ком в горле уже вырос до громадных размеров и не проглотить его не выплюнуть. — Ну мне пора. Заболталась я с тобой, а у меня, между прочим, через пятнадцать минут встреча с директором интерната.

Отвернулась поспешно и, величаво задрав подбородок, почти бегом кинулась через дорогу, не глядя по сторонам, игнорируя резкие сигналы автомобилей, потому что слёзы застилали глаза, и Шемс часто-часто моргала и плотнее сжимала зубы, собираясь во что бы то ни стало скрывать от всех свою растерянность, обиду и боль.

Наступил следующий день, принеся с собой мелкий морозящий дождь, почти неощутимый, но оттого не менее противный, незаметно пропитывающий до последней нитки, до самых костей холодной туманной сыростью — погода прямо идеально отражающая настроение Шемс.

Кто-то за стеной громко включил музыку. И теперь, помимо прочего, слух коробило от хрипато-голого, поющего о тюремной романтике. Поплотнее завернувшись в тёплую мамину шаль и поглубже вдыхая её запах, неслышимый, невидимый, неосязаемый, но с уловимыми оттенками и полутонами чего-то родного, заповедного, Шемс попробовала максимально отгородиться от нервующих звуков, от всего внешнего мира, сделать вид, что мира этого и вовсе не существует.

Прошло уже около двух месяцев с момента её неудачного побега и позорного возвращения. А перед глазами до сих пор стоит лицо Татьяны в котором отражается... испуг? Разочарование? Кроме них Шемс разглядела там чувство вины, от чего на душе стало ещё гаже. А тут вдобавок неофициальные и официальные проверки и неутешительное заключение комиссии по делам несовершеннолетних... Только даже несмотря на всё это жизнь не остановилась ни на минуту, а продолжает идти своим чередом.

В дверь постучали. Это вахтерша, нудно ноющая о том, как надоело ей без конца подниматься на третий этаж и костерящая на чём свет стоит свою работу, пришла сообщить, что внизу Шемс ждёт посетитель.

Татьяна бы обязательно сперва позвонила. Да и любой другой из знакомых, пожалуй, тоже. Посомневавшись пару секунд, Шемс вытащила из-под матраса заветную тетрадь и, согнув ей пополам, сунула в карман своей серо-голубой ветровки.

Ожидания оправдались, внизу она увидела Тиббота. Тот, скрестив руки за спиной, занимался осмотром грязных фотообоев с поблёкшим лесным пейзажем.

— Привет, Тиббот, — она с притворным весельем помахала ему, будто старому приятелю. — Ты как сегодня? Горло не застудил?

Он посмотрел на неё таким же недоумевающим взглядом, как и накануне.

— А-а... ты это про мороженое? — сообразил он наконец. — Ерунда! До парка вчера я так и не добрался.

— Отчего же? Неужто весь вечер провёл на кладбище?

На этот раз взгляд, которым Тиббот наградил девушку, был долгим и серьёзным:

— Может прогуляемся? Я тут неподалёку вроде неплохое кафе видел.

Шемс даже раздумывать не стала, кивнула и первой вышла из здания интерната.

В кафе официант принёс им по чашке кофе и по куску ягодного пирога.

Тиббот молчал. Наверно тщательно обдумывал ситуацию и никак не мог прийти к окончательному решению. Его колючие глаза гипнотизировали то собственную чашку, то расплывчатое жёлтое пятно на светло-серой столешнице, однако ж, ни в какую не желали смотреть на юную спутницу.

Вскоре Шемс это надоело, и она решила немножко ему помочь:

— Тебя ведь Сатис сюда отправила?

Его взгляд метнулся к её лицу и тут же вновь потупился, будто парень хотел что-то сказать, но колебался.

— Если вернёшься без меня, тебя ждут проблемы? — тихо спросила Шемс, следуя за его взглядом.

— Не такие серьёзные, какие ждут тебя, если согласишься уйти со мной.

И опять между ними висит эта неловкая напряжённая пауза, от которой совсем тошно становится, а потому пора с этим что-то решать.

— Смотри, как я могу, — Шемс чуть подалась вперёд, подняла руки, развернув ладони кверху и тихонько на них подула. И случилось чудо! Крохотные золотистые и серебристые искорки взметнулись, поплыли лёгким мерцающим облачком, а затем медленно осели на поверхность стола, постепенно угасая. — Это волшебная пыльца, — пояснила Шемс гордым шёпотом. — Я правда пока не уверена для каких конкретно магических целей следует её использовать... Очень жаль, что для полётов не годится. Я-то это уже наверняка знаю, много раз экспериментировала... Но увы...

Беспроигрышный приём с использованием магии заставил глаза Тиббота вспыхнуть на мгновение заинтересованностью, но почти сразу они снова потухли.

— Значит я ошибся, и магия тебе всё-таки присуща. А что насчёт телепатии?

— К сожалению, читать чужие мысли я не умею.

— Прямо камень с души, — хмыкнул Тиббот и улыбнулся на этот раз вполне искренне. — А то могло бы выйти довольно неловко.

— Только не очень-то зазнавайся. Я ведь о вас всё равно знаю больше чем тебе бы того хотелось. Вот, к примеру, мне известно, что ты любишь рисовать. Особенно викторианскую сказочную живопись. И твоими картинами украшены стены галереи на первом этаже Склепа, ну то есть дома Властвующей. А ещё, что ты родом из Ирландии, равнодушен к сладкому, и в твоей комнате вечный бардак... — Шемс весело поиграла широкими бровями, намекая, что и это ещё не всё.

— Это лишь оценка Уланы. В конце концов, каждый судит о других со своей колокольни.

— Так ты всё-таки видел мамину могилу?

— Да, — и вновь он с непроницаемым видом уткнулся взглядом в чашку. — Мы ведь думали, что она умерла ещё тогда, Шемс. Правда меня самого в доме не было, но, судя по рассказам Ионы, той ночью творились безумные дела даже по нашим меркам... Как я понял, в итоге Сатис призвала Дарреля, указала на горсть пепла в углу, поверх которой лежало его фамильное кольцо и велела прибраться. Вот мы и приняли это, как свершившийся факт, как закономерный и неизбежный финал человеческой жизни. И, между прочим, никто из нас даже не подозревал о твоём существовании. Улана ни разу не упоминала о дочери. Впрочем, оно и понятно...

— Ты чего?! Я родилась позже!

Тиббот задумался.

— Дай бог памяти, в каком же году это было?

— Ваш Склеп она покинула 23-го мая 2005-го года, — подсказала Шемс.

— Тогда вообще чепуха какая-то получается... Ты малышка, повремени пока с претендованием на роль всезнающего гуру. Видишь ли, у дома есть определённые правила. Не просто формальности, а незыблемые границы, нарушать которые не смеет даже Властвующая.

— Догадываюсь к чему ты клонишь. Прикинь, я тоже в курсе, что магия дома создаёт завесу невидимости для неподходящих кандидатур.

— Неподходящими кандидатурами в том числе являются несовершеннолетние дети.

— Может дом счёл меня достаточно взрослой.

— Не помню ни единого случая, чтобы порог дома переступил человек моложе двадцати, не говоря уже о подростках. Подобная ошибка всегда считалась нами просто невозможной. Я ведь на этом основании был уверен, что ты только кажешься моложе своих лет. Ну так сколько же тебе на самом деле, шестнадцать, пятнадцать?

— Шестнадцать, — в голосе Шемс промелькнула нотка насмешки: вконец запутался бедный бессмертный. — А вот дом не считает меня нежелательной гостьей. И поскольку это вы живёте по его правилам, а не он по вашим, то и мнение поклоняющихся — дело десятое. Может он во мне какую-то особенную силу почувствовал или прочную семейственную связь?

— Может и почувствовал. Только это не повод для радости.

— Ибо радость у вас не в почёте... Да знаю я, что и для себя, и для других вы постоянно ищете лишний повод пострадать. Мне вот, честное слово, интересно, а что вы чувствовали, когда поверили, что Сатис убила мою маму? Ну хоть самая капелька сострадания или сожаления шевельнулась в душе? Или же тряслись по углам от страха за сохранность собственных шкур, понимая, как крепко наскосячили с Евгенией?

— Я ведь сказал, что отсутствовал тогда. Но... — Тиббот глубоко вздохнул. — Странно обсуждать это с тобой... Но ты пойми, мы привыкли ко многому, к смертям в том числе. Ко всему привыкаешь, особенно, когда живёшь слишком долго, куда дольше, чем полагается обычному человеку. Сначала ты принимаешь то что ещё вчера казалось неприемлемым, выдумываешь для себя жалкие оправдания, потом появляется равнодушие, и постепенно жизнь превращается в замкнутый круг обыденности.

— Да что ж это за жизнь без права на естественный душевный порыв? Ни посмеяться вдоволь, ни взгрустнуть! Ах да, вы же продали свои души! Хотя ты вроде нет?

— Признаю, каждый из нас, заключая свою сделку с Сатис, плохо представлял все последствия. Тем не менее нельзя сказать, что наш выбор не был осознанным. Просто ты должна усвоить: за любой услугой всегда следует расплата.

— По-моему, Тиббот, сейчас ты сам делаешь всё наоборот. Разве твоя миссия не заключается в том, чтобы горячо убеждать меня отправиться в дом Властвующей?

— При желании я мог бы воспользоваться лазейкой в правилах, — тут он хитро подмигнул девушке, — твой возраст оставляет мне такую возможность.

— А если Сатис твоя отговорка не устроит? Тогда она отправит за мной кого-нибудь другого?

— Ты могла бы уехать. Если будешь постоянно переезжать...

— Нет! — Шемс не дала ему договорить. — Во-первых, где я возьму денег на такую жизнь? А во-вторых, чем скитания лучше?

— Это шанс выжить и остаться свободной.

— Это не свобода! — горячо возразила Шемс. — А что касается смерти... Вся наша жизнь — это вечное бегство от неё. Тиббот, посмотри на меня! Я живу в интернате для сирот под постоянным контролем людей, которым абсолютно на меня плевать. Сплошные правила и предписание, и всё это отнюдь не ради моего блага, а чтобы выслужиться перед начальством. Они ненавидят и презирают меня лишь за то, что я существую и им приходится иметь со мной дело! Ну и чем, скажи, моя жизнь здесь отличается от вашей в Склепе?

— Поверь, Шемс, даже такая жизнь для тебя будет лучше. Интернат — это максимум на пару лет, дом Властвующей — навсегда.

— Я не хочу жить в интернате и не хочу постоянно убегать, не хочу бояться, вздрагивать от каждого звонка, от каждого подозрительного шороха, от собственной тени. Если ты не можешь предложить мне достойной альтернативы, то я предпочитаю встретиться хоть с самим демоном лицом к лицу. И ещё не факт, что победит Сатис. У меня есть магия, особенная. Я сама особенная! Даже дом это подтвердил, даже ты так считаешь, просто не говоришь.

— Почему не говорю? Определённо есть в тебе что-то противоречащее сложившемуся порядку вещей.

— Я уже его разрушила этот ваш порядок!

— Ломать — не строить, не вижу в том большой заслуги, — снисходительно взглянув на Шемс, покачал головой Тиббот. — Вот смотрю я на тебя и диву даюсь, в кого ты такая отчаянная. Улана была мудрее. Впрочем, всё-таки ты на неё похожа, почитай одно лицо.

— Только глаза папины, — улыбнулась Шемс, поймав, наконец, его взгляд.

— Прекрасные огромные глаза, живые и смелые, редкого зелёного оттенка... — он вгляделся пристальнее и вдруг умолк. А потом побледнел.

— Что с тобой, Тиббот? — весело рассмеялась Шемс.

— Шестнадцать лет, говоришь? Но это невозможно... — новая догадка буквально ошеломила Тиббота. — Мы лишены способности иметь детей — это одно из условий договора. Правило! Никаких детей в доме!

— Ну... — Шемс сложила руки на столе по примеру первоклассников. — Как видишь и тут я являюсь исключительным явлением. Тиббот, я хочу попасть в дом Властвующей, но ни в качестве ужина для Сатис. Я хочу отомстить ей. За маму... за всех нас. И если мы с тобой объединимся, то увеличим свои шансы на победу.

— Прости, Шемс, но я давно избавлен от запала юношеского максимализма, и я не верю, что у нас есть какие-то шансы.

— А я хочу, чтобы ты поверил! Со злом можно и нужно бороться. И это мой шанс доказать всем вам, что всегда есть выход даже из самой тупиковой, на первый взгляд, ситуации.

— Зря всё-таки я тебя послушала и не забрала все вещи, — недовольно ворчала Шемс, шагая рядом с Тибботом по разбитой дороге, в направлении одинокой горы, выступающей в бледно-розовой дымке утра. — Надо было ещё в квартиру заскочить, прихватить кое-что.

— Дом предоставит тебе всё необходимое, — повторил Тиббот в очередной раз. — Не валяй дурака, Шемс. К чему тебе таскаться с чемоданом учебников, если ты и в школу-то больше ходить не собираешься. А в целях повышения образованности можешь посещать нашу домашнюю библиотеку. Просто скажи мне, если вдруг не сумеешь отыскать хоть какой источник нужной информации, чтобы я вновь подивился твоей уникальности, потому что там собраны все книги мира, на разных языках и их комбинациях, всевозможных жанров и форматов, существующие ныне и даже давно исчезнувшие и позабытые.

— Ничего себе хранилище знаний! Стало быть, оно даже покруче библиотеки конгресса будет. И как они там все помещаются? Хотя, если таким образом ты намекаешь на наличие у вас обыкновенного интернета...

— Магия, Шемс, — с улыбкой пояснил Тиббот. — А насчёт этой своей знакомой, ты не переживай. Для неё же будет безопаснее не знать, где тебя разыскивать.

— Татьяна, не заслуживает такого отношения, — Шемс помрачнела. — Она всегда очень нас поддерживала, и маму, и меня. Я поступила по-свински, просто исчезнув и не оставив даже малюсенького послания.

— Для её же блага, — Тиббот сошёл с проезжей дороги и повёл Шемс в обход оврага. Оказывается, здесь была вполне удобная, довольно широкая утоптанная тропа. — И вот ещё что, Шемс, — продолжил он с заметным напряжением в голосе: — Чем дольше в доме не будут знать о твоих магических способностях, тем лучше.

— А как же опознавательный круг?

— Его обмануть не выйдет. Просто, как говорится, не беги вперёд паровоза.

— Поняла. Постараюсь. А что насчёт Дарреля? — её ровное дыхание неожиданно сбилось. — Ему мы расскажем?

— Решай сама. Но я думаю, что и с этим спешить не стоит. Когда слух о вашем родстве дойдёт до Сатис, не берись гадать, как она отреагирует. Да и отец из Дарреля, — Тиббот скептически поморщился, — пожалуй, не бог весть какой получится.

— Но другого-то у меня нет, — скорее самой себе прошептала Шемс.

Возле невидимой простым глазом границы Тиббот остановился и ещё раз пристально посмотрел на юную спутницу:

— Последний шанс отказаться, войдём и обратного пути не будет.

Шемс закатила глаза и быстро перешагнула незримую черту.

— Ну что, теперь проблема выбора решена?

— Похоже на то, — с явным сомнением протянул Тиббот, затем прошёл мимо Шемс и, поднявшись по деревянным ступеням к золоченым дверям, принял важный вид и, наигранно поклонившись, произнёс, по-видимому, избитую тут фразу: — С прибытием в дом Властвующей, гостья.

А у Шемс вдруг морозом по коже пополз запоздалый страх. И она встала как вкопанная, в полном смятении чувств, бессмысленно таращась на дом, не имея сил ни успокоить сердцебиение, ни отозваться на приглашение войти внутрь. И маска невозмутимости в

момент слетела с её лица, явив растущую панику.

— Спокойнее. Дыши глубже, — Тиббот вернулся и взял Шемс за руку. — Мы с тобой сейчас просто войдём, я отведу тебя в свои покои, там ты будешь в безопасности и сможешь отдохнуть. Договорились?

— Я в порядке. Просто, по-моему, пока не готова ни с кем общаться... Понимаешь? И тем более с Сатис.

— Прямо сейчас и не придётся. Будем надеяться, что Властвующая сама не скоро захочет с тобой увидеться. Что же касается остальных... Хм, они, как правило, не проявляют особого интереса к чужим гостям. А ты моя гостья, помнишь об этом? — Шемс нервно кивнула, сглатывая неприятный ком в горле, и Тиббот ободряюще сжал её ладошку. — Вот и замечательно. Думаю, мы с тобой сейчас вообще вряд ли на кого-то наткнёмся. Наши домочадцы сами всячески стремятся избегать подобных встреч. Ну что, ты готова? Давай, переведи дыхание и покажи свою бесшабашную храбрость маленького воина.

И вот обе створки центральной двери распахиваются перед ними, и Шемс с Тибботом ступают в чернеющий впереди непроглядный мрак...

На самом деле это после улицы, пронизанной осенними лучами солнца, здесь было довольно темно. Но через несколько мгновений сквозь вуаль тьмы стали проступать смутные очертания. Стены вдруг зашевелились, и поползли к ногам ожившие тени, отбрасываемые хрустальным кружевом настенных канделябров.

Настороженно замерев, девушка на всякий случай покрепче вцепилась в руку Тиббота.

Но вот густой мрак нехотя растворился сам по себе и перед Шемс явилась уже не вечная ночь загробного мира, а более-менее обычная прихожая, довольно просторная со шкафами и большим зеркалом.

Первым делом в глаза бросились три человеческие фигуры на фоне рельефного узора, украсившего одну из тёмно-серых стен. Шемс чувствовала на себе их неприятно липкие взгляды: оценивающие, пронзающие насквозь до самой души и даже глубже.

— Эка тут нынче столпотворение, — проворчал досадливо Тиббот. — Смотри-ка, Шемс, не удержались, всем скопом явились на тебя поглазеть. Так обычно какую-нибудь чудную невидаль разглядывают... Ну раз собрались, тогда знакомьтесь — это Иона, Даррель и Льюэллин. А это Шемс — моя гостья, — сделав ударение на слове «Моя», Тиббот притянул девушку к себе поближе, легонько приобнимая за плечи.

— Очень приятно, — отозвалась Шемс, нацепив на лицо натянуто приветливое выражение.

— «Приятно» — такое слово, которое не принято произносить в стенах этого дома, — пухлые губы Ионы растянулись в жестокой улыбке.

— Сколько ей лет? — Льюэллин прекратил буравить Шемс чуть сощуренными глазами и устремил их на Тиббота.

— Слишком мало для исполнения возлагаемой на неё роли.

Шемс не понравилось, что её начинают обсуждать, как будто её тут нет. Она повела плечами, высвобождаясь из объятий Тиббота, и шагнула вперёд, возвращая на себя взгляды собравшихся.

— Я здесь, Льюэллин, — помахала она руками. — Если тебе интересно что-то узнать, может спрашивать прямо у меня, я не кусаюсь. Кстати, как твой разбитый нос, уже зажил?

Стоявшие чуть позади Даррель и Иона весело фыркнули, а лицо Льюэллина вмиг превратилось в бесстрастную непроницаемую маску.

— У меня поразительная регенерация, — холодно произнёс он после небольшой паузы. — В отличие от твоей, надо полагать.

— Так, — Тиббот снова схватил Шемс за руку, — сразу довожу до сведения — кому не хватит ума держаться подальше от Шемс, будет отвечать за игнорирование основополагающих правил и запретов особой важности.

Он двинулся мимо них вперёд, увлекая гостью за собой, и, показательно придерживаясь расстояния максимально возможного в ограниченном пространстве прихожей.

Длинный полутёмный коридор, по которому они теперь шли, имел ответвления и несколько дверей, но Тиббот, игнорируя их, продолжал тянуть девушку дальше и дальше, хотя по прикидкам Шемс, видимая снаружи часть дома, уже давно должна была закончиться. Значит всё-таки он продолжается под горой или быть может это магия, расширяя пространство внутри дома, не меняет его размеров снаружи... Полумрак всё ещё давил на глаза, заставляя напрягать зрение, чтобы получше рассмотреть висевшие на стенах картины в элегантных чёрных багетах, но в целом тревога понемногу отступала, вытесняемая любопытством.

Наконец они остановились. Секунду Тиббот повозился с замком и деревянное дверное полотно с мягким шорохом отъехало в сторону.

— Проходи, Шемс, не бойся.

В покоях Тиббота было просторно и на удивление светло. В обеих комнатах, соединённых широким порталом в стене, царила творческая атмосфера. На письменном столе разместились этюдник и разбросанные тюбики с краской, в углу мольберт с незаконченной картиной, справа от него в небольшом камине потрескивал огонь, а на полу был расстелен пушистый ковёр. После сумрака коридора, Шемс посчитала, что здесь вполне себе уютно. Вон в спальне даже окно имеется.

Она бросилась к нему мимо вороха одежды, сваленного возле широкой кровати и вплотную приникла к стеклу пытаясь хоть что-нибудь рассмотреть за сплошной пеленой тумана.

— Как странно.

— Это просто экран, Шемс, для того чтобы показывать желаемые картинки. Там ничего нет на самом деле, — Тиббот неслышно подошёл сзади. — Наш мир, полностью сосредоточен внутри дома, мы не транслируем своё внимание и свою энергию во вне.

— Жаль, конечно. Ну да ладно. Может так даже интереснее будет. Слушай, а сделай, чтобы оно показывало вид на Эйфелеву башню. Э-э-э... в период цветения сакуры, если можно.

— Да хоть в период цветения папоротника.

Ладони Тиббота легли на подоконник по обе стороны от Шемс, его голова чуть склонилась вперёд и длинный рыжий локон мягко щекотнул висок девушки.

Туман в окне дрогнул, порябил-порябил и растаял. Шемс показалось, будто они смотрят из старинного мансардного окна с декоративным балкончиком. А внизу, как на ладони открывается вид на марсово поле, напротив Йенского моста через реку Сену, и воздвигнутое над ним стальное кружево самой известной в мире конструкции. Кажется, Шемс даже разглядела у её основания, среди толп страждущих туристов, снующие здесь и там головы роллеров в ярких шлемах, а ещё живые статуи мимов и компанию уличных музыкантов...

— Ух ты! Класс! — восторженно выдохнула она и, резко развернувшись, оказалась с Тибботом нос к носу.

Его слишком близкое дыхание, тёмные глаза, пристально и неотрывно смотрящие ей в лицо, привели Шемс в полнейшее замешательство. Она замолчала и непроизвольно съёжилась от неизвестного доселе чувства, разливающегося по телу. Тревожащие эмоции и навязчивые мысли сбивали с толку, пугали и манили одновременно, будто колдовской зов.

— Сакура — это конечно изысканное зрелище, — в голосе Тиббота появились глубокие и чуть хрипловатые нотки, — только я бы предпочёл смотреть на это чудо сквозь бокал Шардоне, поздним вечером, когда Париж сияет тысячами огней... Шемс, я тебе уже говорил, как ты удивительна? — спросил он и тронул тёплыми губами уголок её рта. Поймав в ловушку своим объятием, Тиббот привлёк девушку к себе вплотную, удерживая её руки выше локтей.

Страх застигает врасплох, и под натиском смятения стирается грань между реальностью и безумием. В голове полыхнуло, когда его язык оказался у неё во рту. Шемс отшатнулась.

Последующие весьма подлые удары: коленом прямо в пах, а потом и кулаком в ухо, выбили из груди Тиббота воздух и заставил согнуться пополам.

Шемс оттолкнула его и опрометью бросилась из спальни в кабинет. Дверь в коридор оказалась заперта и не поддавалась никаким усилиям. Обида душила её, а обжигающий стыд заполнял все мысли, не позволяя думать ни о чём другом.

Должно быть, почувствовав движение позади себя, она медленно развернулась и беспомощно вжалась спиной в стену, глядя расширенными от ужаса глазами на Тиббота, неподвижно стоящего в стенном проёме.

— Шемс, прости меня бога ради. Кажется, я серьёзно сглупил, да? — по его побледневшему лицу было понятно, что он и сам напуган не меньше. — Я просто не знал... не подумал...

— Ты обещал, что с тобой я буду в безопасности... — поддалась истерике Шемс, продолжая глядеть на него своими большими глазами. Её острый подбородок задрожал, а по щекам одна за другой потекли злые слёзы.

— Прости... Можешь ударить меня снова, если тебе от этого станет легче, — он попробовал улыбнуться. Вышло не очень. — Только не плачь, не забывай, что твоя боль кормит Властвующую. Мы ни за что не сможем противостоять ей, если ты перестанешь мне доверять и начнёшь бояться.

Шемс обхватила себя руками, затравленно озираясь по сторонам.

— Хорошо, — она тихо всхлипнула. — Как мы будем делить пространство?

— Можешь занять мою спальню. Правда, без проблем. Мне только иногда придётся ходить через неё в ванную...

— А ты где спать будешь?

Тиббот как-то потерянно посмотрел на пушистый ковёр перед камином.

— Придумаю что-нибудь.

— А у тебя весьма неплохой удар, — посмеивался Тиббот, двигая к низкому столику два тёмно-зелёных кресла в стиле индастриал.

— Договорились же не вспоминать об этом, — Шемс густо покраснела и нахмурилась.

— Просто хотелось бы быть уверенным, что в твоей голове не крутится какой-нибудь изощрённый план мести. Ты точно не затаила на меня смертельную обиду?

— Нет, блин, я восхищённо затаила дыхание! — огрызнулась Шемс. — Сказано же, всё! Забыли!

— Ну что ж, забыли — значит забыли. Тогда вот ешь суп.

Обедали они вдвоём прямо в покоях Тиббота. Шемс посчитала, что на первых парах смалодушничать не вредно и на общую кухню идти отказалась, на чём Тиббот и не настаивал.

Они устроились в кабинете за кофейным столиком с полированной столешницей, настороженно смотрели друг на друга и ели приготовленный Тибботом рыбный суп. Необычный рыбный суп. Шемс такой никогда раньше не пробовала. И название такого даже не слышала — Де Пуассон с соусом Руй. Когда перед ней оказалась тарелка с ароматной однородной массой, а рядом ещё тарелочка с поджаренными и посыпанными тёртым сыром кусочками багета и тот самый соус Руй, Шемс даже немного растерялась.

Чтобы не прослыть невеждой в процессе правильного поглощения блюда, она украдкой наблюдала за Тибботом и повторяла за ним порядок действий.

Приходилось признать, с первой же минуты её пребывания в заколдованном доме всё начало складываться паршиво. Взаимоотношения с единственным здесь, как ей казалось союзником, судя по всему тоже не задались. И от этой мысли Шемс совсем загрустила. Чувство неловкости смешалось с потерянностью, превращаясь в тоску по дому и вызывая странную боль у неё в животе.

Негромкий стук в дверь заставил Шемс поперхнуться, а Тиббота поморщиться.

Получив разрешение войти, их посетил Льюэллин, профессионально храня нейтральное выражение лица.

Поскольку оба кресла были заняты, молодой мужчина сперва, оценивающе по-хозяйски окинул взглядом обстановку, а затем присел на край письменного стола и скрестил на груди руки.

— Поступили указания от Властвующей? — Тиббот первым нарушил молчание и было видно, что он по-настоящему занервничал, хотя изо всех сил старался выглядеть спокойным. Увы, до исключительного мастерства брата в этом вопросе, ему было ещё далеко.

В незначительном повороте головы Льюэллина, словно ему показалось, что кто-то окликнул его, сквозила ледяная отчуждённость, отделяющая его от других людей. Он выглядел старше Тиббота, мужественнее, красивее, но красота его была холодная, дьявольская. Шемс мысленно согласилась с мамой в том, что братья совершенно не походи друг на друга, наделены разными чертами характера, разной внешностью и принципами.

— Дом продемонстрировал, что новая гостья принадлежит этому месту, — Льюэллин немного сдвинул в сторону этюдник, чтобы освободить пространство вокруг себя. — Однако, в силу аномалии с возрастом, никто не будет требовать от неё... хм... должного воздаяния. Властвующая будет наблюдать за девушкой до наступления её совершеннолетия

или же до своего особого распоряжения.

Кажется, ответ удовлетворил Тиббота. Он даже вальяжно откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу.

— Выходит тогда почти на полтора года я выпадаю из жеребьёвки?

— Нет. Ты участвуешь, потому что девушка больше не твоя гостья.

Тиббот побледнел так резко, что Шемс невольно испугалась за него.

— Властвующая решила забрать её под личный контроль?

Льюэллин внимательно посмотрел на брата, будто собирался прочитать нотацию, но в итоге лишь отрицательно качнул головой. На Шемс он так ни разу и не взглянул, и её это отчего-то задело.

— Ей предоставлены собственные покои, — голос Льюэллина стал тише, а равнодушие в глазах вдруг сменилось задумчивостью, придавшей ему человечности, — В доме прибавилось комнат. И это, полагаю, инициатива дома, а не Сатис.

Её поселят отдельно? Как одну из поклоняющихся? Переваривая услышанное, Шемс бегала растерянным взглядом по лицам молодых мужчин и не могла понять — для неё это хорошая новость или плохая.

— Мать честная! — Тиббот удивлённо округлил глаза. — Без ритуалов?! Да что за бардак у нас тут творится?

Льюэллин молча поднялся, да и понятно, что вопрос был риторический, и никто не знает на него ответа. Цепкий холодный взгляд всё же пару секунд задержался на Шемс, заставляя внутренне сжаться, в ожидании подвоха, но ничего не произошло. Льюэллин лишь вынул из кармана небольшой плоский ключик и, повертев в руках, положил его на стол поверх акварельного наброска: крошка фея в компании майского жука карабкается по цветущей веточки вишни.

Осваивать новую жилплощадь Шемс отправилась под присмотром Тиббота. И снова пульсирующий полумрак, витающий в коридоре обволакивал, таинственно мерцал свечами в канделябрах, поглощая детали картин, фигур ангелов и химер, расположенных в нишах вдоль стен, касался кожи, заползал в глаза.

Когда они проходили мимо одной из развилок, Шемс заметила чёрную металлическую лестницу, ведущую на второй этаж. Широкие ступени тускло поблёскивали рассеянным светом от слабых сумеречных лучей, едва пробивавшихся откуда-то сверху. И совершенно невозможно было понять игра ли это воображения или на самом деле на верхней ступеньке стоит высокая, худая старуха в чёрном платье и с паклей седых волос до талии.

— Там наверху находятся покои Властвующей? — слетел с губ Шемс суеверный шёпот.

Тиббот молча кивнул и немного ускорил шаг, безошибочно угадывая тревожный ход её мыслей.

Впереди коридор закончился глухим тупиком, и они остановились возле левой крайней двери. Изящный ключ из красного металла, лёгкий, с головкой замысловатой формы, беззвучно повернулся в замочной скважине. И в ту же секунду дверь отъехала в стену, выпуская наружу свет.

Их встречали просторные покои, состоящие из гостиной, спальни, гардеробной и ванной комнаты. Повсюду спокойные кремовые тона на матовых стенах и светлые ламинированные полы, демонстрирующие естественный древесный рисунок, начищенные до блеска и отражающие в себе серебристо-серый свет от винтажных бра. В центре гостиной — диванчик в обивке из тёмного бархата и рядом столик из бронзы и стекла в стиле 30-х годов

20-го века. Двигаясь далее, неискушённые глаза Шемс натыкались на всевозможные элементы декора: подсвечники, зеркала, часы, подушки... Но главная фишка заключалась в больших окнах в пол с видом на Эйфелеву башню.

— А он старается тебе угодить, — Тиббот одобрительно подмигнул девушке, прохаживаясь по льняному ковру, расстеленному в спальне.

Шемс взглянула на него со смущённой улыбкой:

— Про Эйфелеву башню это я вообще-то от балды придумала — первое, что на ум пришло. На самом деле я и во Франции-то никогда не была, — она протянула руку, касаясь ладошкой белого переплёта оконной рамы. — Спасибо, Дом, — и почувствовала в ответ лёгкую волну странной вибрации.

— Потом адаптируешь тут всё под себя.

— Да мне и так нравится.

— Значит всё в порядке? Не волнуйся, понемногу освоишься. Мне уйти или ещё побыть с тобой?

— Иди, конечно, — Шемс тотчас снова потеряла уверенность, но признаться в этом мешало чувство уязвлённого достоинства после недавних лапаний и того влажного поцелуя.

Ну вот и осталась она в полном одиночестве обороняться от всевозможных тревог, сомнений и страхов.

Первым делом Шемс сунулась в телефон, чтобы быстро убедиться, что ни сотовая связь тут не работает, ни мобильный интернет. И чем ей теперь заниматься? Тошно-то как!

Что ж, раз спешить некуда, можно ведь и просто насладиться созданным для неё комфортом, пока есть такая возможность. Шемс несколько раз обошла свои комнаты, порылась в гардеробной, удостоверившись, что все вещи абсолютно новые и отлично подходят по размеру. Опробовала ванну и мягкий ароматный шампунь, а после мощный фен, который нашёлся в выдвижном ящике под мраморной столешницей.

Широкие низкие подоконники спальни с разбросанными подушками, словно приглашали к дремотному безмятежному созерцанию. И Шемс клюнула на приманку — устроилась поверх свёрнутого шерстяного одеяла и обхватила руками колени.

— Дом? — позвала она, побуждаемая настороженным любопытством. — А можно вместо Парижа сделать волшебный остров?

Город за окном, ещё секунду назад яркий и элегантный, окрашенный закатными лучами, вдруг потускнел, теряя цвет и расплываясь, смазываясь помехами, и вскоре исчез поглощённый серым туманом.

— Не слишком большой остров, с берегами изрезанными заливами и бухтами. Стремительные морские ветра там гуляют в ущельях скал, забираются в лабиринты таинственных пещер и замирают где-то в чаще заповедного леса...

Она говорила и говорила, а тем временем её детская фантазия воплощалась красочным пейзажем, проступающим за стёклами. И вот уже видно, как тенистая тропинка петляет змейкой под густыми кронами, огибает поляну буйно разросшейся сныти, спускается с холма в осеннее раздолье и растворяется в сумерках. А на горизонте, озарённом догорающими лучами золотого солнца, синее безбрежное море.

Шемс взглянула на часы. Ого, как-то совсем внезапно наступил поздний вечер. Зато время не прошло даром. Глядя на результат проделанной работы, девушка испытала настоящее удовлетворение, из чего сделала вывод, что сегодня они с домом потрудились на славу. А завтра её ждал первый день новой жизни, непохожей на прежнюю, более взрослой,

наполненной событиями и ответственными решениями. Шемс устало зевнула, щёлкнула выключателем, погасив свет, и наощупь пробралась к широкой мягкой кровати. Пушистое одеяло невесомым облаком опустилось на расслабленное тело, ласково укутало, поглаживая, будто маленького ребёнка, позволяя насладиться тишиной и приятным теплом. За окнами тоже стемнело и, поражая своим правдоподобием, воцарилась таинственная, безудержная в своём очаровании, тёмная звёздная ночь.

Всё темнее и темнее. Вскоре непроглядная темнота окружила Шемс, несоизмеримо более глухая, многократно превосходящая звёздную даль и полумрак коридора, поглотила всё пространство комнаты и законный пейзаж, сгустилась, уплотняясь до чрезвычайности, как чёрная стена. И всё сильнее росло ощущение, как будто из этого скопления густых до непроницаемости теней, кто-то смотрит на неё.

— Шемс-с-с, — взывала тьма замогильным шёпотом. — Посмотри на меня! Кто ты, Шемс-с-с?..

Чтобы не закричать Шемс изо всех сил зажмурилась. Разум почти оцепенел от ужаса, а каждая клеточка тела сжалась в напряжении.

— Кто ты, кто ты, кто ты?.. Отвечай!

Поражённая внезапной слепотой, девушка пулей выскочив из-под одеяла и отправилась в тщетные блуждания по спальне, будто попав в лабиринт бесконечности, без возможности выбраться наружу. Она спотыкалась, натыкаясь на предметы мебели, падала на пол, вставала и шла дальше, безуспешно шарила рукой по стене в поисках выключателя.

— Смотри мне в глаза, — не унимался зловеющий голос. — Скажи, кто ты?

— Шемс Руденко, — издала Шемс жалобный всхлип. — Шемс Дмитриевна Руденко!

— Кто ты на самом деле?..

— Да не понимаю я, чего вам от меня надо! — от страха она разрыдалась. — Чего вы привязались ко мне?

— Я вижу тебя насквозь, Шемс, все потаённые уголки твоей души. Так скажи мне, кто же ты?..

Шемс схватилась за голову и зажала ладонями свои уши, зажмурила глаза, да только надсадное шипение, лезущее прямо в мозг, продолжалось и продолжалось. И Шемс не вытерпела. Трясаясь всем телом, она бросилась вперёд наугад, отчаянно рыдая и моля:

— Помогите! Помогите! Тиббот!.. Кто-нибудь, услышьте... Помогите мне!

И проснулась.

Фальшивое окно чуть золотилось первыми рассветными лучами, рассеивая по комнате бледный нежно-розовый свет, ослабляющий влияние тёмных сил, разгоняющий ночные кошмары.

Как жаль, что нельзя распахнуть окна настежь, чтобы свет и дуновение лесной свежести залили все тёмные уголки в доме, и чтобы здесь стало, как в сказочной избушке... Шемс сидела на подоконнике и понуро смотрела, как маленькая серая птичка с раздвоенным хвостиком и светло-жёлтым хохолком перепархивает с ветки на ветку, чёрным глазом высматривая что-то в складках коры дерева.

Голос из ночного кошмара всё ещё звучал в голове, но не явственно, пробиваясь лишь слабым эхом отрывочных воспоминаний. Отсутствие темноты, это здорово! Это избавления от липкого ужаса, когда беспомощно цепенеют мышцы и перехватывает дыхание в горле, и сердце невольно сжимается от неприятного ощущения чьего-то взгляда.

Только здесь и сейчас ночные страхи, удовлетворённо облизываясь, сдавали господствующие позиции, до поры уползали на второй план. Им на смену, причиняя не меньше неудобства, спешило всё возрастающее примитивное чувство голода. Тиббот не явился вечером, чтобы накормить её ужином, и похоже, если продолжать сидеть взаперти и пассивно дожидаться завтрака в постель, то велика вероятность и сегодня остаться голодной. И Шемс решила.

По чистой случайности кухня отыскалась быстро. Просто, крадучись обходя дом, девушка вдруг ощутила в воздухе пряный аромат кофе с корицей, и следуя за ним вышла на первоочередную цель.

— Привет! — робко поздоровалась Шемс, заметив Дарреля, сидящего за длинным деревянным столом без скатерти.

При появлении Шемс он поставил локти на край стола и пристально уставился на девушку, изучая её лицо.

— Не пытайся завести друзей. Тут каждый сам по себе, — лениво обронил он, пригубив напиток из расписной фарфоровой чашки.

— Я всего-то поздоровалась. Или вежливость у вас тоже под запретом?

Даррель только пожал плечами, уже теряя интерес к беседе.

Справившись с досадой, не так она представляла себе эту встречу, Шемс направилась к холодильнику. Открыла дверцу, к своему разочарованию обнаружила, что внутри шаром покати, озадаченно закрыла дверцу.

— Закажи, что нужно — оно появится, — услужливо подсказал Даррель.

Шемс послушалась и на этот раз достала тарелку с холодным омлетом.

Ярко-зелёные глаза молодого мужчины насмешливо блеснули в привычном для них полумраке.

— Это холодильник — устройство для поддержания низкой температуры, а плита там, — кивком головы указал он направление.

— Да я просто ещё не успела разобраться, — смущённо буркнула Шемс, шаря глазами в поисках кухонной техники. — Как-то у вас здесь темновато.

— Нечего тут разбираться. Заказываешь яйца, молоко и сливочное масло... Тарелки в верхнем левом ящике, сковородки и прочая посуда в нижних, столовые приборы в выдвигном справа. Впрочем, если готовить нет охоты, можно уже готовую порцию заказать, как ты только что и поступила. Только в следующий раз делай более разумный выбор. В мире существует огромный ассортимент холодных блюд и закусок.

— Спасибо, — Шемс терпеливо улыбнулась и приступила к делу.

Когда чайник на плите уже начинал закипать, а пышный омлет покрылся румяной корочкой, на кухню заглянул Тиббот.

— О, привет, Шемс! Я тебя будить собрался, а ты оказывается уже сама тут всю хозяйничаешь, — прозвучал его бодрый голос. — Выспалась хоть нормально?

— Не особо, — Шемс обиженно прикусила губу, как будто это он виноват в её ночных кошмарах.

— Дурные сны? — понимающе уточнил Тиббот. Попутно кивнув Даррелю, он подошёл ближе и заглянул Шемс через плечо, — Что там у тебя? Пахнет вкусно.

— Это завтрак для нас с тобой, — девушка польщённо улыбнулась. — Омлет с беконом.

Тиббот пожелал немедленно присоединиться к этому весёлому процессу — достал тарелки и заварил чай. Вскоре при его активном содействии количество блюд на столе прибавилось: появился салат из морепродуктов, овощная и фруктовая нарезка и ещё маленькие бисквитные пирожные на основе миндаля.

Даррель вяло наблюдал за их хозяйской хлопотливостью, совершенно апатично перекидываясь с Тибботом редкими, ничего не значащими фразами. И Шемс как-то пропустила момент, когда чашка с кофе на столе перед ним сменилась пузатой бутылкой с коньяком и бокалом, почти до краёв наполненным янтарной жидкостью.

— А можно и мне чуть-чуть попробовать? — её извечное любопытство, как обычно взяло верх над осторожностью.

Даррель лишь слегка повёл бровями, мол почему бы и нет, присоединяйтесь... И вот, озарённые мерцанием свечей, три руки с бокалами поднялись в воздух, образовывая узор на стенах.

— За нас! — задорно воскликнула Шемс и торопливо чокнулась с обоими мужчинами по очереди.

Коньяк обжёг горло и раскатился внутри приятным теплом, успокаивая издёрганные нервы. Шемс сморгнула слёзы, выступившие от непривычно крепкого напитка и осторожно выдохнула.

— Слушайте, я вот вдруг подумала, если наш дом способен выполнять практически любые поставленные задачи, то почему бы не обратиться к нему с пожеланием создать хотя бы одно настоящее окно со створками. Можно даже снаружи на него решётку поставить, чтобы никто не сбежал. Ну же, ради эксперимента, давайте вместе, втроём попросим! Попытка не пытка, вдруг сработает!

— Хех, — усмехнулся Даррель и налил себе ещё в бокальчик. — Тиббот, ты бы уж объяснил, наконец, своей гостье что к чему.

— Видишь ли, Шемс, — начал Тиббот осторожно. — Во-первых, это вовсе не наш дом. Это дом Властвующей, а у неё собственные представления о качестве и удобстве жизни имеются.

— Значит она солнце не любит или боится, как вампир?

— Не нужно так говорить и даже думать. Ничего она не боится и превосходно себя чувствует в собственном доме. А нам надобно подчиняться правилам и быть благодарными исходя из конкретных условий соглашения. Остальное не наша забота, и залезать туда не советую. Никого сюда на аркане не тащили, все сами по доброй воле пришли, включая тебя.

— Якобы по доброй воле, — голос Дарреля сквозил сарказмом.

— Да нет, — Шемс покаянно сморщила аккуратный носик. — Я и правда сама сюда

напросилась, Тиббот не настаивал.

— Так настаивать ему и не полагается. Хочешь угадаю, как было? Ты как бы случайно познакомишься с обаятельным двадцатилетним парнем по имени Тиббот. Загадочный, неординарный, он вызывает интерес и интригует уже одним своим присутствием настолько, что ты готова забыть обо всём и с головой погрузиться в мистические приключения, лишь бы с ним не расставаться. Только истина в том, что ему уже очень давно не двадцать. За прошедшие сто шестьдесят девять лет жизни у него было достаточно времени освоить искусство манипуляции людьми.

— И вовсе не так всё было! — возмутилась Шемс. — Уж точно не ради Тиббота я сюда приехала.

— А ради кого тогда?

Сощуриив глаза, Шемс очень выразительно посмотрела на Дарреля.

— С тобой хотела увидеться.

Тиббот опустил взгляд, в лёгком ступоре уставившись на наколотую на вилку сочную чёрную виноградину, затем шумно прочистил горло.

А Даррель только усмехнулся, сочтя слова Шемс просто неудачной шуткой:

— Нет спасибо! Возиться с гостем-подростком? Такая перспектива меня не прельщает. Не задалось знакомство с Тибботом, просись к Льюэллину или вот хотя бы к Ионе, — он мотнул головой в сторону порога, где молодая темнокожая девушка с интересом прислушивалась к их странному разговору. — Она-то знает толк в здешнем гостеприимстве.

Иона неторопливо прошлась по кухне, соблазнительно покачивая крепкими бёдрами и нехорошо усмехаясь собственным выводам. Шемс настороженно наблюдала за тем как тонкие пальцы, унизанные кольцами, опускаются на столешницу и округлый женский корпус плавно склоняется чуть вперёд, демонстрируя стройность и упругость высокой груди.

— Чёрт возьми, неужели всё было настолько плохо? Что между вами произошло? Тиббот не оценил твоей сногшибательной фигуры, длинных ног, не распалился под утро от тёплого запаха свежести кожи, тонких кистей рук, шелковистости волос?.. С другой стороны, разве ж такого повесу удивишь девичьими прелестями?

Шемс воззрилась на неё, хлопая ресницами и просто не находя нужных слов. Лишь её взор и щёки в ошарашенном молчании пылали праведным негодованием.

— Эх, Иона, ну когда же ты научишься держать язык за зубами, а то смотри оторвёт кто-нибудь, — Тиббот предостерегающе покачал головой.

— А что я такого сказала? Или она до сих пор невинна и свежа, как майская роза?

Со злостью отшвырнув от себя тарелку с недоеденным омлетом, Шемс издала утробное рычание, выскочила из-за стола и гордо покинула завтрак.

— Да что ж ты творишь? — Тиббот устало вздохнул, откидываясь на спинку стула. — Ну, поскреби, авось отыщутся и в тебе какие-то остатки совести.

— При чём тут моя совесть? Нечего с ней церемониться, все через это проходят. Подумаешь, шестнадцать лет. Я, между прочим, в её возрасте...

— Знаем, знаем! — Даррель порывисто оборвал её на полуслове. — За пятьдесят лет жизни бок о бок, уже вдоволь наслушались пикантных подробностей твоей биографии. Тем более, каждый неоднократно имел возможность на деле оценить солидность накопленного тобой любовного опыта.

— Иди к чёрту, Даррель! Девчонка — гостя Тиббота. И на кой леший она сдалась, как не за тем чтобобеспечить основной рацион для Властвующей и помочь Тибботу немного

расслабиться.

— Так с этой задачей и ты вроде неплохо до сих пор справлялась, — вновь не преминул поддеть её Даррель.

— Она не моя гостья, — заявил Тиббот и решительно поднялся. — Шемс будет жить в личных покоях.

— Вот чёрт! — воскликнули Даррель и Иона почти в один голос.

— Насчёт наличия у неё магических способностей остаётся неясность, — продолжал Тиббот уклончиво, — а ритуал проводить ещё рано из-за возраста. Вот и получается, что она пока не в статусе поклоняющейся, но уже определённно и не гостья.

— А что Властвующая? — Даррель задумчиво смотрел на расставленные по центру стала фиолетовые подсвечники.

— Кто ж знает...

Иона раскованно выпрямилась, разворачивая полуобнажённые плечи и скрестила руки на груди.

— Ну допустим, положение её в доме пока не определено. Но она же всё равно человек... Её тело вполне созрело для плотских утех. Почему же ты не хочешь её, Тиббот? Чего ты ждёшь? Она уже не станет старше. Здесь в доме, физически эта девчонка не повзрослеет ни на день.

— Да дело ведь не в том, что я чего-то не хочу. Тело-то у Шемс может и созрело, а вот тут... — он выразительно постучал указательным пальцем по своему лбу. — Её разум ещё не готов.

— Не знаю, по-моему, бред какой-то! — Иона тряхнула головой. — Ну коли на то пошло, занесу её в общий график дежурств по дому. Пусть хоть какую-то пользу приносит.

Шемс стремительно шагала к себе, желая поскорее укрыться от чужих глаз, чтобы вдоволь поплакать или позлиться, с этим она ещё не определилась. Одно дело — подвергнуться атаке тёмных существ, обитающих во мраке, но терпеть оскорбления от какой-то злобной путаны... р-р-р... Однако по мере приближения к чёрной лестнице спеси в Шемс заметно поубавилось, шаги замедлились. Волны мурашек пробежали по телу, когда в глубине ей почудилось подозрительное движение теней. Несколько секунд она продолжала напряжённо прислушиваться к окружающей тишине, а потом неприметной мышкой юркнула в боковой ход, тот что тёмным провалом ответвлялся от основного коридора.

Второй коридор в отличие от первого уже не выглядел бесконечным, и даже при тусклом свете со всех четырёх сторон наблюдались гладкие стены, ограничивающие пространство помещения. Прямо напротив Шемс, возле противоположной стены, на полу лежал нарисованный чёткой белой линией круг, оформленный строго по контуру толстыми восковыми свечами с мерцающими огненными язычками. Сверху над кругом с потолка свисала неопознаваемая конструкция из плоского листа металла овальной формы, выполненного сквозной ажурной резьбой. Возможно данный арт-объект являлся оригинальной авторской люстрой, впрочем, на сей счёт Шемс обуревали сильные сомнения. Завершало оформление интерьера лепное украшение в виде закручивающейся спирали, красующееся на серой стене.

В этом месте они выявляют у гостей наличие магических способностей, догадалась Шемс. Наверняка это и есть тот самый определяющий круг.

Несмелый шаг вперёд и вороватый взгляд через плечо свидетельствовали о какой-то новой сомнительной затее. Именно так и случилось.

Внутри круга атмосфера резко менялась. Воздух более прохладный и плотный, как вода, насыщенный крепким хвойным ароматом, клубился колдовской силой. Таки поддавшись искушению, Шемс шагнула внутрь, зачерпнула энергию и пустила её по телу.

Свечи затрепетали, потом вспыхнули ярче, а спираль на стене засветилась горячим пурпуром.

Энергия продолжала низвергаться сверху неослабевающим напором, переполняя меру, и била через край. Вдыхая глубоко и полно, Шемс опустила глаза на свои руки. Это было поразительно и абсолютно нереалистично. Её ладони сверкали мельчайшими искорками. И не только ладони. Вся она, от кончиков пальцев ног до кончиков волос, покрылась мучнистым налётом, переливающимся серебряным и золотым блеском. И всё сильнее нарастало пьянящее ощущение совершившейся внутренней перемены. Казалось, ещё совсем немного, и она перестанет быть собой, превратится во что-то иное, станет чистой энергией, существом из другого измерения...

К реальности Шемс вернули чьи-то отдалённые голоса. С быстротой молнии она выскочила из круга, глаза затравленно заматались по сторонам в поисках подходящего укрытия. Свет настенной спирали медленно угасал, слишком медленно, что заставляло нервничать ещё больше. И крохотные искорки, слетевшие с ладоней, всё ещё кружили в воздухе, предательски мерцая, хорошо заметные в сумраке коридора.

«Браво!» — Шемс проклинала себя за неосторожность. — «Надо же было умудриться так по-глупому подставиться. Дом, миленький дом, умоляю не рассказывай Сатис о том, что

сейчас произошло, если ещё не поздно...».

А голоса приближались. Кажется, Шемс узнала Тиббота и в дополнение к панике ощутила укол стыда. Он ведь просил её не лезть вперед паровоза! Эх...

Она кинулась к ближайшей двери, но тщетно — дверь не открывалась. Попробовала следующую — опять и опять та же самая история. Может они пройдут мимо? Шемс снова бросила взгляд на круг, где неторопливо таяли последние искры.

Голос Льюэллина раздался совсем рядом и через миг из-за поворота появилась тень, заставив сердце подскочить куда-то к горлу. В отчаянии Шемс потянула последнюю, самую дальнюю дверь. — «Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Да открывайся же ты! Неужели непонятно, что мне просто позарез нужно убраться отсюда?!».

Дверь плавно отъехала в сторону, позволяя Шемс проскользнуть внутрь, и едва почувствовав себя в безопасности девушка обессиленно прислонилась спиной к створчатой двери и спрятала горящее лицо в ладонях. Фух! Пронесло!

Привести чувства в порядок стоило больших трудов. Почти минуту Шемс стояла и напряжённо прислушивалась, но снаружи не доносилось ни звука. Тогда она тихонечко отлепилась от наглухо закрытого дверного полотна, подняла глаза и буквально оторопела, наткнувшись взглядом на раскрытый белый гроб. Настоящий. С телом внутри.

То была иссушенная мумия женщины, судя по неплохо сохранившейся на ней одежде: то ли платье, то ли сорочка, из светлой ткани, не опознаваемого оттенка, в грязных разводах. Одним словом, более впечатляющего зрелища трудно было представить.

Шемс начала осторожно обходить гроб, не отрывая взгляд от мёртвого тела. Хотя лучше бы она смотрела под ноги, потому что стоило на мгновение зазеваться и безмолвную тишину вдруг взорвал оглушительный грохот. Это она случайно задела локтём бронзовую подставку с вазой.

Пол усеяли стеклянные осколки вперемешку с рунными камнями.

— Кто бы сомневался, — прошипела Шемс сквозь стиснутые зубы. — Определённо сегодня день сказочного невезения!

Подняв кованую подставку, в виде изогнутых ветвей с ползущими по ним змеями, и отставив её с прохода поближе к стене, от греха подальше, она опустилась на корточки и деловито принялась сортировать стекляшки и магические камешки.

— Много лет всё тут стояло абсолютно целёхоньким, без единой царапины, тишина и неподвижность, лишь созерцание застарелой пыли, окутанной нерушимым покоем. И вот тебе на! — укоризненно произнёс незнакомый женский голос. — Непрошенные визитёры устраивают кавардак в стенах моей гробницы.

Это было уже чересчур. Ну вот как в такой обстановке сохранить здравый рассудок ума? Кто это выдержит? Шемс разжала пальцы, вновь роняя на пол собранные руны, и медленно развернулась к говорившей. Буквально в паре метров, прямо на уровне её лица, в воздухе легонько покачивалась полупрозрачная босая ножка. Взгляд пополз выше, по длинной ночной сорочке, обволакивающей призрачное тело тонким кружевом тающей пены и встретился с раскосыми бесцветными глазами, бесстрастно смотревшими на Шемс. Стоит ли удивляться, что в заколдованном доме живёт привидение? Не наткнулась на Сатис, считай уже повезло, с некоторым облегчением заключила Шемс, а вслух произнесла:

— Не хотела тебя... вас тревожить, просто думала отсидеться в тихом месте... какое-то время.

— Вероятно мы с тобой по-разному понимаем значение слова тишина, — в ответ

съехидничала девушка-призрак и, сорвавшись с места, перелетела над гробом на противоположную сторону комнаты.

— Вы Евгения? — вздрогнув, поинтересовалась Шемс, неотрывно провожая призрака глазами.

— Кажется, это моё имя... Порой я становлюсь забывчивой, — девушка-призрак расстроено развела руками. — И вот вроде бы память рьяно листает картинки прошлого и всё оживает в полном объёме, но время от времени случаются такие провалы в памяти, что это немного пугает. Я вполне освоилась в призрачной форме, однако, одиночество плохо на мне сказывается.

— Это Сатис наверняка всем тут козни чинит.

— Да вот не всем! — девушка-призрак отрицательно повела головой. — До меня ей не добраться, несмотря на усердные старания.

— С чего бы это? — живо заинтересовалась Шемс.

— Ну, во-первых, я ведь уже умерла, следовательно, сценарий со стандартным контрактом на продажу души с треском провалился, и я, признаться, испытываю в связи с этим мстительное злорадство. Это ни к тому, что я теперь мёртвая. Безусловно, моё промежуточное положение, глубоко меня огорчает. Но ведь как приятно сбить спесь с демона!

— И ты считаешь свою собственную жизнь приемлемой ценой?

— Ну а во-вторых, — привидение проигнорировало вопрос, — с тех пор как я умерла, Сатис потеряла доступ в эту комнату. Магия дома, а может моя предсмертная воля перепечатала замок. И не существует в мире ключа способного отпереть эту дверь. До сих пор не существовало, — поправила себя Евгения, из-под потолка с подозрением поглядывая на Шемс. — Кстати говоря, как ты тут оказалась?

— Я без ключа! — Шемс показала раскрытые ладони. Потом опустила руки и, смущённо кусая губы, сказала: — Семнадцать лет уже прошло. Неужели все эти годы ты находилась здесь в одиночестве?..

— Я догадываюсь о чём ты, — тихим эхом пролетел по комнате шёпот девушки-призрака, а взгляд её остекленел и уставилось в одну точку. — Если начистоту, конечно было тяжело, особенно поначалу. Я видела, как меняется моё тело, как разжижаются и вытекают внутренности, как иссушается оболочка... Дому приходится постоянно проводить тут регулярные мероприятия по поддержанию температуры, влажности и всё такое... Ну ты понимаешь... Только представь, если бы по всем комнатам распространилось зловоние гниющего трупа... Да-да, страшно было вынести всё это, принять, смириться. Изолированность и бессилие чуть было не свели меня с ума.

— Блин, сочувствую. Такой пытки врагу не пожелаешь!

— Всё же в конце концов я сумела выйти из психологического ступора. Однажды на меня снизошло озарение, я вдруг осознала, что я — это по-прежнему я — нечто гораздо большее, чем та иссохшая, изуродованная плоть внизу. С тех пор я созерцаю и вслушиваюсь.

Шемс тотчас оживилась.

— Это метафорически или ты буквально следишь за всеми, кто находится в доме?

— Вот ещё, делать мне нечего! — губы Евгении презрительно скривились. — Даже если бы дом мне и позволил проникать в покои поклоняющихся, я бы разумеется сама не стала подсматривать чужую жизнь. Но, как уже было сказано, подобные вторжения мне неподвластны. Зато, теперь, благодаря одному случаю, все прочие помещения для меня

вполне достигаемы. Оказывается, белые духи запросто сливаются с чёрными тенями, сами оставаясь незамеченным в неясном полусвете свечей.

— Всё это звучит одновременно фантастично и печально, — Шемс всем видом старалась выразить искреннее сочувствие. — Послушай, Евгения, а ты можешь посмотреть, не ошивается ли кто за дверью или поблизости в коридоре?

Внимательные немигающие глаза смерили Шемс взглядом, под которым та немного сконфузилась.

— Дай мне пару минут.

Шемс показалось, что не прошло и одной, как привидение вернулось.

— Ну что там?

— Всё как обычно, — поведала Евгения. — Иона на кухне варит для Сатис какую-то мутную бурду с червями. Даррель глушит коньяк рюмку за рюмкой. Тиббота с Льюэллином нигде не видно, значит сидят у себя. А ты с какой целью спросила?

— Да просто. Не хочу, чтобы кто-нибудь увидел, как я от тебя выходить буду. Как считаешь, можно ли скрыть это от Сатис? Ведь ты и сама... в этой ситуации оказалась из-за... противостояния с ней? Ну и вот, можем создать что-то вроде отряда повстанцев, подготовиться втихаря и уничтожить её...

— Кроме нас двоих существуют иные участники отряда?

— Я рассчитывала на Тиббота, но он пока что-то всё темнит. Еще вот Даррель под вопросом.

— Не густо, — привидение чуть заметно усмехнулось. — А план у тебя есть?

— Я надеялась мы вместе что-нибудь придумаем, — Шемс вдруг почувствовала себя жалкой.

— Да ладно тебе, не вешай нос. Подавленное настроение и уставшие от слёз глаза — главный признак нашего поражения. Победить — значит собрать волю в кулак, подчинить свои мысли себе и дать обет никогда не отступить от этой борьбы. Поняла? А теперь, будь добра, расскажи мне о себе.

Склеп с привидением Шемс покинула раздираемая двояким чувством: восторг от собственного превосходства над поклоняющимися и даже Сатис, утратившими возможность приблизиться к гробу, смешивался с беспокойством от неуклонного приближения вечера — времени ночных кошмаров. И чем дальше двигались стрелки на часах, тем большую неуверенность испытывала Шемс. Вот уже и пейзаж за окном, следуя точному расписанию, преобразился в преддверии тьмы, таинственностью окутав засыпающий лес. Закат догорел, и по небу разлились сине-зелёные реки в которых вспыхивали серебристые сплетения незнакомых созвездий.

Клонило в сон, но непреодолимое чувство страха всякий раз сбрасывало неосязаемое мягкое одеяло сонливости, заставляя распахивать глаза и бессмысленно таращиться на дверь в надежде на приход Тиббота. Ведь он наверняка догадывается о её мучениях, так почему бы не прийти с дружеской поддержкой? В конце концов, она его гостья! Была. Почему за весь день, что она провела в склепе Евгении, никто её не хватился? Шемс обиженно засопела. Получается, устрой она сейчас побег, в доме ни одна душа этого не заметит? А может Тиббот не приходит, потому что не хочет навязываться из-за того как агрессивно Шемс отреагировала на его поцелуй?..

С издёрганными нервами девушка вскочила с дивана и зашагала из угла в угол. Может если она как-нибудь продержится до рассвета, Сатис не сможет пугать её жуткими снами, не приносящими отдыха. Как же ей взбодриться? Надо чем-то себя занять, только вот чем?..

Независимо от времени суток в коридоре всегда царил неизменный полумрак. Мимо чёрной лестницы Шемс пробиралась потихоньку, на цыпочках, сдерживая испуганно колотящееся сердце, чтобы ни дай бог не привлечь внимание Властвующей. Но ничто не нарушало тишины, в которой собственное дыхание казалось Шемс оглушительно громким.

Блуждать в одиночку по безлюдному дому оказалось ничуть не лучше, чем оставаться взаперти, ожидая ночного визита Сатис, во всяком случае не менее страшно.

Фух... добралась. Переведя дыхание, Шемс провела вспотевшими ладонями по штанам и осторожно поскреблась в дверь.

— Тиббот, — раздался из темноты её напряжённый полушёпот. — Ты здесь? Открой! Я хочу кое-что тебе рассказать.

И никакого ответа. Она постучала ещё, продолжая нерешительно топтаться на месте и озираться по сторонам, но за дверью по-прежнему сохранялось гробовое молчание.

— Спит, балда!

Так ничего и не дождавшись Шемс бесцельно побрела дальше. А что если и впрямь удрать отсюда? Раз им нет до неё никого дела, то и она забудет навсегда эту мрачную компанию поклонников дьявола.

Чей-то прерывистый стон в тягучей тишине заставил Шемс вздрогнуть. И почему-то сразу возникло ощущение чужого взгляда и странной тоски. Если это Сатис сейчас обратила к ней свой хозяйский взор... Нет-нет-нет, только не это! Пожалуй, лучше совсем о таком не думать. Хотя возможно это призрак Евгении скрытно слоняется по безлюдным проходам с целью как-то развеять скуку.

Стон повторился. Тихий, продолжительный, он вылетел из приоткрытой двери, закружился над Шемс и покатился дальше, отскакивая звонким эхом от стен. Конечно это

тьма впивается в душу ядовитыми когтями, истязает и выжигает, упиваясь чужой болью.

Бесцеремонно вломившись в кухню, Шемс обшарила взглядом пространство, а узрев то что не предназначалось для её взора, замерла столбом, испытывая одновременно отвращение, стыд и желание провалиться сквозь землю. Прямо на обеденном столе, раскинув руки и обвивая ногами мужскую талию, развалилась Иона, призывно покусывая свои пухлые губы, упруго и мягко прогибаясь под скользящими прикосновениями разгорячённых рук. Её совершенно обнажённое тело блистало, выхваченное колеблющемся светом свечей, рисующим на шелковистой коже загадочные узоры. Многочисленные косички копной свешивались с запрокинутой головы и колыхались в такт ритмичным движениям. Туманящийся взор устремился к Шемс, медленно обретая ясность, после чего Иона с недовольством отстранилась от своего партнёра.

— Вот зараза! Кто там у нас? — её голос прозвучал низко и хрипловато.

Мужчина обернулся и его красивое лицо перекошилось от тревоги.

— Чёрт! — выругался Тиббот, лихорадочно натягивая штаны на возбуждённую плоть. — Шемс, что ты тут делаешь?!

Девушка нервно сглотнула слюну, надеясь, что в полумраке её пылающие щёки и уши будут не так заметны и с вызовом расправила плечи.

— Это ведь кухня? Или мне полагается питаться по режиму?

Быстрыми шагами она направилась к холодильнику, на ходу отправляя послание дому, выудила оттуда бутылку коньяка с этикеткой в точности повторяющей ту что утром видела на бутылке Дарреля, ещё пепси и большой пакет чипсов. Засунув лимонад подмышку, а коньяк и Принглс зажав в руках, глядя только перед собой, Шемс на ватных ногах и с белым шумом в голове покинула помещение кухни.

Тиббот догнал её почти сразу за порогом.

— Шемс, послушай! Знаю, для тебя это выглядит отвратительно с этической точки зрения и... В общем, могли бы мы поговорить спокойно?.. Давай пойдём ко мне или к тебе, как пожелаешь...

— Не ходи за мной! — Шемс рывкнула так, что Тиббот понял, лучше держать язык за зубами и отстать на время, необходимое для успокоения.

Тёмная волна кипящей ярости распирала сознание, вытесняя благоразумие и совсем нелишнюю настороженность. Ни бесшумно скользящие тени, ни сумрачная пустота коридора, ни даже зловещая лестница, затянутая стелящимся сверху тяжёлым запахом благовоний, теперь уже не нагоняли потусторонней жути. Шемс бесстрашно неслась вперёд.

Рядом со входом в покои настенный канделябр в виде трёхголовой гарпии едва теплился последним жалким огарком. Видно кто-то забыл заменить свечи или просто поленился. Из-за этого мрак вокруг Шемс сгущался, неотвратимо набирая силу.

Неожиданно взгляд выхватил выплывшую из тьмы фигуру в белом. Невесомый подол платья, а вернее ночной сорочки, взметнулся в воздухе словно крылья бабочки.

— У меня неприятное предчувствие чего-то плохого, — торопливым шёпотом сообщила Евгения, склонившись к уху Шемс. — Последние дни, прогуливаясь по коридору, я ловила обрывки фраз... Потом, прокручивая их в голове, я сопоставляла разговоры, события, поступки... и пришла к выводу, что тут явно затевается что-то недоброе.

— Без сомнения! Цинизм и распущенность до добра не доводят. Может эта ваша Властвующая является бесом блуда, иначе с чего бы вдруг на старости-то лет заниматься сводничеством и обращать своё жилище в многоцелевой дом терпимости?

— Ой, Шемс! Это ты что ли на сцену в кухне так бурно реагируешь? Перестань. Подумай сама — Властвующая алчна до любых негативных эмоций. Сейчас ты даёшь пищу ненасытной твари.

— А они не могли где-нибудь у себя по-тихому этим заниматься?

— А вдруг они специально хотели тебя спровоцировать?

— Да ну, — Шемс недоверчиво свела брови, — даже для Тиббота это было бы уж слишком. Нет, я уверена, что случайно их застукала.

— Может и случайно, волноваться-то так зачем? Слушай-ка, уж не ревнуешь ли ты?

Отвечать на столь идиотский вопрос Шемс не сочла нужным. Она раздражённо втянула воздух через зубы, размашистой походкой вошла к себе и со злостью закрыла дверь прямо перед полупрозрачным лицом привидения.

— Дом, включи звук! — по-хозяйски скомандовала Шемс, размещая на столике прихваченные в кухне припасы. — Раз уж нас лишают интернета, почему бы не воссоздать магическим фоном звучание голосов природы моего острова.

Вот так, оказывается, можно просто приложиться прямо к горлышку губами, от души, назло всем вашим правилам и общественной морали.

Глаза наполнились слезами, конечно же от напитка, а вовсе не от непонятной обиды, как будто её обманули...

Странный треск, а затем какой-то шорох заставили Шемс насторожиться. Вот ещё раз. Невероятно! Кажется, она действительно слышит свист ветра в деревьях. Ура, сработало! Тиббот совсем одурет, когда оценит успешное введение новации. Шемс выключила свет, бухнулась на диван и, напихав полный рот чипсов, уставилась в окно, будто в экран телевизора.

И так естественно, так чисто звучал ночной лес, что складывалось ощущение будто пространство вокруг является такой же неотъемлемой частью природы, как деревья по ту сторону окна, как извилистая тропинка, что ложится у ног возле дивана и бежит под уклон, через заросли вдоль ручья и теряется в кромешных сумерках. Шелест крыла, утробное уханье ночной птицы, рыки и протяжные стоны, как вздохи, длинные дрожащие тени в красноватом свете луны, небо воздух и земля, окружили маленький островок со всех сторон зловещим мраком.

— Выключи это! — Шемс сильнее поджала ноги к подбородку и обхватила себя руками, стараясь побороть наползающий страх. — Давай лучше музыку — The Weeknd.

Ритмичная мелодия Save Your Tears полилась из воздуха, в корне меняя настроение, возвращая прежнее воодушевление. На всякий случай электрический свет Шемс всё-таки включила и в гостиной, и в спальне и даже в ванной. Затем пригубила ещё немного спиртного и живенько запила лимонадом. Стремительно приходило состояние опьянения — захотелось танцевать.

— Дом, — Шемс поднялась и, не выпуская из пальцев пузатой бутылки, нетвёрдой походкой прошествовала в центр комнаты, — врубай Селену Гомес! Ещё громче! Ещё...

Музыка загремела настолько оглушительно, что Шемс перестала слышать собственный голос. Она вертелась и кружилась вокруг стола, воображая себя хозяйкой какой-нибудь шикарной вечеринки, подобной тем, что закатывает в сериалах звёздная молодёжь. С непривычки в голове мутилось, и комната расплывалась перед глазами, к тому же всё труднее становилось удерживать равновесие тела. Зато совсем распоясалось воображение. Шемс весело горланила песни, не очень-то и стараясь подстраиваться под ритм, потрясала

бутылкой, топала как слон, отплясывая свой безумный танец.

В какой-то миг взгляд случайно уловил отражение в большом зеркале на стене. На разруганных щеках забавные ямочки, тёмные волосы, собранные на затылке в милый хвостик порядком растрепались. Но суть была не в этом. У её отражения за плечом маячила мужская фигура.

Музыка резко оборвалась, прямо как сердце в груди у Шемс.

— Что ты тут делаешь?! — девушка стремительно обернулась, обводя Льюэллину испуганным взглядом.

— Слежу за соблюдением порядка в доме. У меня есть доступ ко всем комнатам, — спокойно сообщил Льюэллин.

— А что в этом доме не существует такого понятия, как неприкосновенность частной жизни? — оцетинилась Шемс, старательно пряча панику.

— У этого дома свои правила, которые тебе уже пора было бы освоить. Я понимаю, что в твой круг обязанностей пока входит лишь самостоятельно умыться, одеться и найти способ убить время. Но как насчёт того чтобы его расширить? Скажем, соблюдением элементарной тишины по ночам, чтобы твоим соседям удалось выспаться.

— Это я тебе что ли спать мешаю?

— Ты всему дому мешаешь.

— Где же очередь из возмущающихся?

— Шемс, ложись в постель, не вынуждай меня принимать меры, — в его взгляде и интонациях было что-то такое, напоминающее строгое обращение родителя с несмышлёным ребёнком, хотя нет, скорее трезвого человека с пьяным дебоширом.

— Я не хочу спать! — отчаянно запротестовала Шемс. — Я не могу...

— Тебе всё равно придётся. Никто не может обходиться без сна.

— Я боюсь темноты, — неожиданно для самой себя пожаловалась девушка, чуть ли не с мольбой заглядывая в глаза молодого мужчины. — Я привыкну потом, обещаю. Но только не сегодня. Пожалуйста, не заставляй, я не выдержу этих снов.

— Это все лишь сны, Шемс. Бояться следует реальных вещей, — он решительно шагнул к выключателю.

— Нет, стой! Не надо! — взмолилась она.

Клавиша щёлкнула, свет погас. Шемс рванула в спальню.

— Здесь оставь. Он ведь никому не мешает.

— Нельзя, Шемс, — Льюэллин вошёл следом.

— Тогда не уходи, карауль меня тут. В самом деле, не всё ли тебе равно в какой комнате спать? А то клянусь, когда уйдёшь, я снова всё повключую. И придётся тебе до утра за мной бегать. Спать в темноте я ни за что не буду!

Откуда столько дерзости взялось, не иначе как алкогольный дурман повлиял на её рассудок. Шемс подскочила и, схватив Льюэллину за руку, настырно потянула к незаправленной с утра постели. Огонёк удивления возрел в его глазах и, будто чувствуя себя не до конца уверенным, Льюэллин всё же уступил нелепой прихоти. Правда и здесь не забыл по пути погасить свет.

Они устроились на кровати: она, забравшись под одеяло, он поверх, и оба замерли неподвижно, не разрывая сцепленных рук.

И снова тьма и тишина, но сердце бьётся уже не так тревожно. Если бы ещё избавиться от неприятного ощущения в желудке, было бы совсем замечательно. Шемс закрыла глаза и

почувствовала выступившую на лбу испарину. Поёрзала — не помогло, шум в ушах только усилился.

— Меня тошнит, — прошептала она то ли Льюэллину, то ли самой себе, а может просто вслух констатируя положение дел. — Ой-ой-ой, как же мне плохо.

Ей понадобилась помощь, чтобы подняться и добраться до ванной, а дальше всё происходило как в тумане, в тяжёлом похмельном бреду. Запомнились глаза, прозрачные, смотрящие будто сквозь тебя и тугие струи холодной воды из душевой лейки. Склонившись над унитазом, Шемс проклинала собственную дурость и пыталась припомнить количество выпитого коньяка, но при одной мысли об алкоголе сразу накатывала новая волна тошноты. Как же это унижительно, стыдно быть настолько недееспособной, утратить контроль над собственным телом. Яркий свет бил в глаза, стены и пол качались, всё двигалось, танцевало вокруг и кружилось, словно карусель, набирая обороты. Но тёплые руки мягко направляли её, придерживали волосы, вытирали слёзы, потом несли в спальню, заворачивали в чистое, сухое одеяло.

— Рассвет, — почти беззвучно просипела Шемс, обессиленно опуская голову на подушку.

— Что? — не понял Льюэллин.

— На моём Дивном острове наступает рассвет, — чуть громче пояснила девушка. — Я придумала остров, а Дом нарисовал его по моему описанию. Ведь правда выглядит, как настоящий?

— Он и есть настоящий, — на редкость мягко прозвучал голос Льюэллина, и Шемс с закрытыми глазами представила, как снисходительная улыбка блуждает на его отрешённом лице, — Дом всегда показывает лишь реальные места. Ты озвучила свою фантазию, он нашёл максимально близкое её воплощение, возможно существующее в каком-то другом мире, но непременно существующее. Как говоришь, твой остров называется?

— Дивный. Там обитают дикие животные, птицы и всякие растения. Там над морем полыхают завораживающие закаты, ночью вся округа озарена чистым небесным светом, а по утрам лучистые потоки золотят небеса и землю... — успела пробормотать Шемс, прежде чем окончательно провалилась в сон.

Если сегодня и грезилась во сне какая чертовщина — в памяти о том следа не осталось.

Когда Шемс проснулась, на часах было уже далеко за полдень. Расплата за вчерашнюю авантюру со спиртным продолжалась, и тяжёлую голову, словно налитую свинцом, от подушки удалось оторвать, конечно, ни сразу. Не нашлось и того, кто предложил бы стакан воды с таблеткой аспирина. Лежать и страдать приходилось в одиночестве. Однако жизнь в окружении бездушных людей побуждает приспособляться к обстоятельствам и привыкать заботиться о себе самостоятельно, поэтому, через слабость и спутанность сознания, преодолевая жажду и резкую головную боль, Шемс кое-как привела себя в порядок и потащила на кухню.

Необычное сборище поклоняющихся в пересечении коридоров, заставило насторожиться. Намеренно не став встречаться взглядом с Тибботом, Шемс обошла стороной его, Иону, секунду поколебалась, выбирая между бесстрастным лицом Льюэллина и флегматично позёвывающим Дареллем. В итоге, остановив свой выбор на последнем, подошла и непочтительно подёргала его за рукав, привлекая к себе внимание.

— Эй, что происходит?

— А-а, — вяло отреагировал Даррель, — очередная попытка отключить магическую блокировку. Ах, ну да, ты же ещё не в курсе. В общем, у нас тут случилась занятная история: много лет назад одну из дверей заклинило, ну и, ясное дело, Властвующую подобная неприятность изрядно нервирует. Тем более внутри остались ценные артефакты и разные колдовские атрибуты. Мы, конечно, делаем, что можем, вот только все предыдущие попытки устранить эту аномалию устрашающе легко провалились. Что ж поглядим, чего там эдакого на этот раз придумала Иона.

Упомянутая Иона, тем временем, сосредоточенно выкручивала металлическую конструкцию, свисающую с потолка, пытаясь развернуть и установить её таким образом, чтобы плоская сторона оказалась повёрнутой по направлению к убежищу Евгении.

— Ой, — Шемс растерянно выдохнула. — Думаешь, у неё получится?

Откровенный скепсис и зубастая ухмылка, отразившиеся на вечно молодом лице Дарреля, немного успокоили, но на всякий случай Шемс решила быть настороже и заранее себя не обнадёживать, потому что никто не знает, как всё сложится на самом деле.

Соображалось туго. И пусть страха не было, путаница в голове всё усиливалась, притом сдаваться Шемс не собиралась. Как сказал Ремарк: «Пока человек не сдаётся, он сильнее своей судьбы». Шемс помассировала виски, стремясь унять пульсирующую боль и повнимательнее присмотрелась к фундаментальной конструкции.

— А что именно Иона собирается делать?

— Колдовать конечно, — пожал плечами Даррель. — Вон видишь, алтарь настраивает, хочет таким образом перенаправить магические потоки. Затем нам предстоит продолжить настойчивые попытки объединить усилия обычным арсеналом атакующих заклинаний. Если щит падёт, Властвующая проявит к Ионе особую милость. А вот за очередной провал ей уж точно грозит что-то оч-чень неприятное.

Всё это время, зорко наблюдавший за их общением Тиббот, решился-таки вмешаться, с тем чтобы выяснить в каком расположении духа сегодня пребывает девушка.

— Шемс, можно с тобой поговорить?

— Вообще-то... — она задумчиво на него посмотрела, — мне действительно есть, что тебе сказать.

Лицо парня напряглось, словно неприятное предчувствие говорило ему о готовящейся подставе.

Они вернулись в основной коридор, быстро прошли мимо чьей-то закрытой комнаты и остановились под картиной с двумя желтоглазыми химерами, взвившимися на задние лапы.

Тиббот решил с ходу высказаться:

— Шемс, я допустил непростительную оплошность, пошёл на поводу своих потребностей, совершенно не думая о возможных последствиях.

— Меня не касается твоя личная жизнь, — Шемс довольно резко оборвала парня. Только лицо вдруг сразу заалело румянцем, выдавая смущение.

Её трепет перед ним не ускользнул от внимания Тиббота. Он покаянно улыбнулся, взял её руки в свои, и вот голос его становится вкрадчивым, а глаза сияют и глядят с нахальной дерзостью.

— Мне важно сохранить твоё доверие, Шемс. А то после случившегося стало как-то уж совсем тошно. Хочу, чтобы ты не сомневалась — я на твоей стороне.

— Я тебе доверяю, — Шемс невольно потупилась под его острым взглядом, но тут же вновь вскинула глаза и посмотрела на собеседника в упор. — Поэтому и решила обсудить вероятность вскрытия склепа Евгении.

— Откуда ты знаешь?! — изумился Тиббот, но тут же сообразил: — Ах да, дневник Уланы... Шемс, может с моей стороны, это нахальство просить тебя дать мне взглянуть на него?

— Там рассказываются и очень личные вещи.

— Понимаю. Ты ведь не думаешь, что я вознамерился глумиться или высмеивать... Мне для другого нужно. Поверь! Твоя мама жила здесь больше двух месяцев. Я хочу попробовать разобраться в вариантах выбора, увидеть всё происходящее её глазами.

— Хорошо, Тиббот, я покажу тебе мамин дневник. Только потом, сейчас есть кое-что поважнее. Открою маленький секрет, вчера я была внутри той самой комнаты, — Шемс с удовольствием наблюдала, как вежливый интерес на лице парня сменяет замешательство, перерастающее в неподдельное изумление. — Я видела тело в гробу и говорила с Евгенией. С привидением.

— Говорила с призраком Евгении? Ты не шутишь?

— Ага. Прямо как с тобой сейчас.

— Даже не знаю, — Тиббот медленно покачал головой. — стоит мне радоваться или опасаться того, кем ты можешь оказаться на самом деле и на что ещё способна.

— Я та, кого ты видишь перед собой — соединение души и тела. Тиббот, с самого начала я была полностью с тобой откровенна, надеялась, что это позволит нам стать друзьями. Просто я переживаю, что твоя тесная связь с Ионой может доставить нам неприятности. Ты только не подумай, что я указываю с кем тебе можно общаться, а с кем нет, я лишь прошу взвешивать свои решения и поступки. Я ведь доверила тебе свою жизнь!

— Как же мне доказать свою надёжность?

— Действиями, Тиббот. Например, ты можешь сейчас помешать им сломать щит.

— Каким образом? — Тиббот вопросительно вскинул брови. — Им там даже моё присутствие не требуется. Прости, Шемс, но без сверхъестественного дара в таких делах я совершенно бесполезен.

В этот момент из-за угла показалась Иона. Прищуренные глаза, излучающие бесноватость, скользнули по уединившейся парочке, особое внимание уделяя сплетённым пальцам рук и общеническим взглядам, высвеченным крошечными огоньками свечей.

— Полные кретины... Эй, вы идёте? Или предпочитаете и дальше по углам шушукаться? Мы тут начинаем.

— Отказ будет расцениваться умышленным проявлением пренебрежения служению Властвующей. Нельзя этого допустить. Ну, ты готова? — Тиббот с участием взглянул на Шемс. — Тогда пошли.

Они вернулись в изменившееся пространство малого коридора. Теперь тьму здесь вспарывали тёмно-красные всполохи энергии, похожие на скользящие электрические разряды.

— Эй, как там тебя?.. — Иона пощёлкала пальцами, обращаясь к Шемс, — вставай к Льюэллину, будешь питать его. И смотри не забудь, на завтра выпала твоя первая смена по дому. Скорректированный график висит в библиотеке, говорю на случай если кто-то ещё не успел с ним ознакомиться.

— Постой, Иона! — запротестовал Тиббот. — Шемс только-только вошла в наше братство, а ты, чёрт возьми, хочешь, чтоб она без подготовки сразу принялась вычищать и приводить в порядок дом после жертвенного ритуала?

— Жертвенный — это когда в итоге труп получается, а у нас сегодня так — баловство одно! Справится, чей не сахарная. Если хочешь, можешь поменяться с ней своим субботним дежурством и обеспечить новенькой удовольствия купаться в компании Властвующей. Нет? Ну и хорош пургу гнать! Иди сюда Тиббот, становись между мной и Даррелем.

Расставив всех по местам, их координатор-Иона достала из укромного закутка за выступом резного орнамента, заранее подготовленный сосуд из черепа животного, до половины наполненный дурно пахнущей жидкостью. Затем держа череп в одной руке, вторую вытянула вперёд и Шемс даже ахнуть не успела, как Тиббот быстро провёл по раскрытой женской ладони ножом с тонким лезвием, фосфоресцирующим насыщенным акваарином. Тёмная струйка крови потекла по расслабленной узкой кисти и закапала в ритуальный сосуд.

Шемс стояла почти неподвижно и смотрела практически не моргая, как медленно сплетаются тени, сливаясь в одну, как постепенно тьма поглощает стены и пол и растёт, растёт, готовясь сожрать всех присутствующих. И никак не удавалось побороть леденящий холод, проникающий в тело от вида разворачивающегося перед ней действия. Тиббот следующий за Ионой пополнил сосуд своей кровью.

Тёплое дыхание коснулось шеи Шемс.

— Процедура неприятная, но не более, чем твоё утреннее похмелье, — сообщил голос Льюэллина, пониженный до полусшёпота, — и гораздо менее продолжительная. Смелее. Это займёт лишь мгновение.

Шемс смиренно наблюдала за происходящим, морально настраивая себя не отдёргивать руку сразу, лишь только в поле зрения мелькнёт синий металл. Но вот она почувствовала, как мужские пальцы скользят по локтю и крепко обхватывают её запястье. В голове мелькнула идея зажмуриться, только Льюэллин оказался быстрее её мыслей. Неуловимое движение, и острое лезвие ножа оставляет глубокий порез на нежной перламутровой коже. Шемс смотрит на молодого мужчину, а перед глазами проплывают страницы из дневника, подробно описывающие совершённые им убийства. Помнит ли он всех своих жертв или уже

давно сбился со счёта? Что-то во взгляде Шемс заставляет его нахмурить брови.

Иона потрясла сосуд, взбалтывая содержимое. Льюэллин резким движением нанёс себе порез и последним пролил жертвенную кровь. Кромешная тьма сомкнулась над ними, заставляя Шемс отбросить все предрассудки и непроизвольно вжаться спиной в находившееся позади сильное мужское тело. И на душе становится даже чуть бодрее, когда в ответ решительные руки опускаются на плечи и легонько сжимают их.

Мёртвая тишина, нарушаемая только монотонным бормотанием Ионы, читавшей таинственное заклинание, длится несколько минут, а кажется, что целую вечность. Вдруг, неведомо откуда поднимается ледяной ветер, взвевает волосы Шемс и устремляется вперёд, крушит на своём пути расставленные на полу свечи и настенные канделябры, волшебные щиты и барьеры, ломает и собирает мусор в единый мощный поток. Магический ураган, разбушевавшийся в доме, порождает дождь со снегом и, повинувшись колдовским чарам, со всей дури обрушивается на заблокированную дверь. Против воли вырванные силы, стремительно покидают Шемс, уносимые чёрным ветром. Слишком медленно тянется время. Долго, чудовищно-долго совершается пытка. Ноги разом слабеют, и желание сопротивляться тускнеет вместе с летящим в пропасть сознанием. Вот-вот жизнь покинет изнемогшее тело. Ритуал в конец лишает её сил и, впадая в беспамятство, Шемс уже не чувствует, как Льюэллин отпускает руки, позволяя ей мягко соскользнуть на пол.

Кое-как пересилив внутреннюю слабость, Шемс вскочила с постели и постаралась восстановить в памяти цепочку вчерашних событий. Разбуженная требовательным стуком в дверь, она не успела даже взглянуть на себя в зеркало, однако догадывалась по паршивому самочувствию, что зеркало её не порадует.

— Ты в порядке? — Тиббот стоял на пороге, опершись ладонями о дверные косяки. Девушку поразили его враз осунувшиеся черты. А ещё наводили на мысли о поспешных утренних сборах, свободно падающие на лицо, недосушенные огненно-рыжие пряди волос, за которыми ему ни капельки не удалось скрыть синеющие глубокие тени под покрасневшими глазами.

— А ты как думаешь? — Шемс тихо огрызнулась, но всё же посторонилась, пропуская парня в комнату.

— Думаю ты гораздо выносливее, чем кажешься на первый взгляд. И настырнее.

— Поиздеваться явился?

— Нет, не за этим. У тебя сегодня дежурство. Решил, что это подходящий повод подмазаться и завоевать твоё расположение, пока буду помогать тебе с уборкой.

Шемс скорчила скептическую гримасу. Но его совершенно измождённый вид призывал проявить хоть немного дружелюбия.

— Вот держи, — она протянула ему мамин дневник. — И только посмей потом не вернуть!

— Спасибо, — благодарная улыбка коснулась его губ. — Я верну обязательно.

Она потратила в ванной буквально десять минут, не совсем понимая, как сильно опаздывает на своё первое дежурство, и чем это опоздание для неё может обернуться. Хотя, судя по настроению Тиббота, вроде бы впадать в панику ещё рано. Она небрежно кинула влажное полотенце на стиральную машину и, проникнувшись благородной решимостью, направилась исполнять возложенные на неё обязанности.

— Чем вчера всё закончилось? Кажется, я пропустила момент развязки.

— Я отключился сразу после тебя. Затем выбыл Даррель, за ним Иона. Льюэллин продержался дольше всех. Как бы то ни было, наших сверхчеловеческих усилий всё равно не хватило, чтобы проломить барьер. Только представь, вся эта напряжённая подготовка, растянувшаяся на несколько месяцев!.. И столько заверений в надёжности плана, всем казалось, каждый шаг продуман до мелочей. И вот Властвующая наконец-то даёт добро на проведение ритуала, а итог... Сама видела. Собственно, в глубине души я знал, что это безнадежно.

В небольшом чулане, расположенном по правой стороне коридора, включался электрический свет, что существенно упрощало поиски среди хранившегося тут инвентаря: вёдер, швабр, тряпок...

— Не понимаю, — сетовала Шемс, добавляя в воду моющее средство, пахнущее лимоном, — почему мы этим занимаемся? Этот дом может нагружать холодильник всевозможными яствами, сколько душе угодно забавлять тебя пейзажами за окном, хоть реалистичными, хоть порождёнными твоей же собственной фантазией, создавать комнаты с мебелью и предметами декора, но не может элементарно убрать с пола грязь!

— Хм... Хороший вопрос, — Тиббот крепил на стены новые канделябры, и пока

зажжённых свечей было немного, казалось, будто трепещущие огоньки плывут прямо по воздуху. — А ты попробуй взглянуть на это с другой стороны. Тебя обеспечивают тёплым кровом, пищей, бытовыми удобствами, так будет ли в связи с этим считаться нормальной практикой требовать, чтобы кто-то вечно ещё и подчищал за тобой? Мы не стремимся подчинить Дом своей власти, да и не в наших это силах, мы просто являемся его частью и живём согласно его законам. Именно поэтому вчера наша попытка чуточку переиначить пространство провалилась. Даже жертвоприношение не помогло. А суть-то в том, что наша жизнь поставлена в такие условия, при которых возможно существовать лишь в полном симбиозе с Домом.

— Хорошо. Следить за собой и не оставлять хвост пыли или гору невымытой посуды — это наша святая обязанность, но только не я весь этот бедлам устроила, — Шемс повела рукой, указывая на бесформенные зеленоватые потёки, чередующиеся с кровавыми пятнышками и разбросанным повсюду мусором. — Честнее было бы, если бы каждый прибирался за собой. Только почему-то Иона заставляет именно меня это делать, не из личной ли неприязни?

— Или тебе просто на каждом шагу мерещатся злые козни...

— Ничего себе, обвинение! А ты не думаешь, что моя подозрительность вполне обоснована? Я в чужом доме, который находится под властью не то злой ведьмы, не то демона... Живу здесь среди едва знакомых людей, преимущественно не слишком-то приветливых, а порой и откровенно враждебно настроенных, как в случае и Ионой. Ты понимаешь, Тиббот, что мне одиноко и страшно до чёртиков?

— Прости, Шемс, но ты ведь прекрасно понимала на что идёшь. А насчёт Ионы... Её мы теперь долго не увидим, — Тиббот отвернулся. — Иона приняла на себя всю ответственность за вчерашнюю неудачу, а остальным лучше не знать какую расплату приготовила для неё Властвующая. Вот и выходит, что собрать с пола мусор и оттереть грязь со стен — это настолько незначительное неудобство по сравнению с тем, что могло бы и всё ещё может с нами произойти, если вдруг раскроется хоть один из твоих секретов...

— Посвети мне, пожалуйста, — Шемс злилась. Вместо того чтобы поддержать её Тиббот беспокоился об Ионе.

— Ого! — Тиббот поднял руку с подсвечником повыше, — пожалуй, нам здесь не обойтись без стремянки.

Большое пятно на стене никак не желало смываться и пришлось усердно тереть его щёткой.

— При таком-то освещении — это не уборка, это её халтурное подобие, — запасы терпения у Шемс были на исходе.

— Не переживай, у нас отлично получается. Поверь моему богатому опыту по части наведения порядка.

— А вот, кстати, сколько тебе лет, Тиббот?

— А в твоей справочной тетрадке об этом не сказано? — шутливо спросил напарник, страхуя забравшуюся на стремянку Шемс и при этом стараясь ненароком не дотронуться до её голых ног. — Признаюсь по секрету, как близкому другу, пару месяцев назад уже сто шестьдесят девять исполнилось.

— Ух ты, ничего себе! — искренне поразила Шемс. — Скоро юбилей.

— На самом деле я совсем их не чувствую. Я имею в виду прошедшие годы. Мне ведь было всего двадцать, когда я пришёл сюда, а потом... будто и не жил вовсе. Хотя конкретно

сегодня ощущаю себя настоящей древней развалиной, на целую тысячу, ну или как минимум лет на пятьсот. К счастью, не каждый день такое случается, чтобы терять силы до неспособности осилить дорогу в постель.

Шемс чуть покачнулась на стремянке, но Тиббот сразу среагировал, схватив её за колени, и поскольку Шемс не запротестовала, то и Тиббот немного осмелел, в том числе и в придерживании девичьих ног.

— Но ты свободен от обязательств перед Властвующей! Ты можешь уйти, когда пожелаешь?

— Могу. Я не присягал на вечное служение, как, впрочем, и на временное. Только дело в том, что за пределами дома исчезает и моё бессмертие. А я хочу жить, Шемс, и хочу оставаться молодым. Пусть люди и дальше верят в бесконечный круговорот рождения и смерти, но для себя я выбрал иной путь.

— Серьёзно? Даже несмотря на то что в эту самую минуту Властвующая пытается Иону, потому что та недостаточно хорошо выполнила свою работу? Пусть, я молодая, но не дура. Ты сам говорил, что за всё приходится платить. Неестественно долгая жизнь тоже требует определённой платы. Признайся, как часто ты сам выполняешь грязную работу? Сколько раз ты пачкал полы и стены этого дома чужой кровью? И чем ты оправдывал собственные злодеяния?

— Я не маньяк, Шемс, не нужно думать, что мне доставляет радость чужая боль!

Шемс посмотрела на него сверху долгим взглядом, будто и впрямь могла в полутьме различить выражение его лица, а затем ловко спрыгнула вниз и зашагала вперёд, в неосвещённый мрак коридора.

«Дом,пусти меня» — мысленно пожелала она, прикладывая ладошку к деревянному дверному полотну, вроде бы неуязвимому для всякой противоборствующей магии.

Когда дверь без проблем открылась и в широком проходе появился длинный прямоугольник света, Шемс самодовольно обернулась к Тибботу.

— Ну и чего встал истуканом? Пошли, представлю тебя Евгении.

С высоты пузатого старомодного шкафа, угрюмо и неприветливо призрак взирал на без приглашения прибывших.

— Не буду я с вами разговаривать, я занята.

— Мы ведь условились объединиться во имя общего дела, — напомнила Шемс.

Тиббот, в свою очередь, учтиво улыбнулся Евгении, но глаза его из-под широких бровей поглядывали по сторонам настороженно. Внимательный взгляд скользнул по человеческим останкам в гробу, затем по плотно закупоренным склянкам, рядами расставленным на открытых полках шкафа и вновь остановился на бледном лице, чётко обозначенном слабым фосфоресцирующим сиянием.

— Недурно, недурно! Евгения? Ибо прежде мы встречались друг с другом всего каких-то пару раз, благо вот кажется появилась замечательная возможность составить своё мнение на личных ощущениях, так сказать, не опираясь на чужие толки и всякие нелепые предрассудки, — вид у Тиббота ребячливый, но в голосе проскальзывают нотки высокомерия.

— Изначально неверный подход, за который тут могут и покарать, если что не так сделаешь. Но тебе, Тиббот, ведь не нужно напоминать об этом? А знаешь, ещё есть призраки — опасные, прячась в тенях, неслышно скользящие вдоль стен, улавливающие движения и малейшие звуки, внимающие приглушённым голосам, где-то неподалёку. Однако ж всем

известно, смысл речей заложен глубже слов, — глаза Евгении разгорались угрожающим огнём. — Красавица Иона вождедела прикосновения, а ты вождедел её. Вы услаждались приторными ласками, оставаясь, как вам казалось, наедине друг с другом и смеялись надо мной. Этой ведьме до сих пор не надоело хвастаться, как она оттачивала секреты мастерства сковывающей магии и как отработывала на мне технические навыки, причиняя страшную боль.

— Семнадцать лет мы гадали, что происходит за этой дверью, скрывает ли дом призрака, или вся комната давно растворилось в небытие, — Тиббот перестал изображать беззаботность. Глаза, направленные на привидение, полоснули стальным холодом, делая его куда больше похожим на старшего брата, чем обычно казалось. — Плохие вещи случаются со всеми, всегда и везде, и не только по воле Властвующей, но, каким бы адом порой не казалась жизнь, у меня никогда не возникало желания убить себя. Несправедливо обвинять Иону или кого-то другого в своей смерти. Может пора, наконец-то, обрести покой, вместо неприкаянных блужданий по ненавистному тебе дому?

— На твоё несчастье, у меня появилась идея получше, — зловещим тоном сообщила Евгения.

Шемс растерянно переводила взгляд с одного на другого, не понимая почему они ссорятся. Всё должно было быть иначе. Они ведь союзники, а не враги.

С пыльной полки старого шкафа резко взмыл вверх кривой, в виде полумесяца, ритуальный нож, и со скоростью арбалетной стрелы просвистел по комнате, оставив на плече парня глубокий кровавый след.

— Тиббот! — Шемс закричали и кинулась было на помощь, но неведомая сила отшвырнула её прочь.

— Ты способна на физическое воздействие?! — Тиббот смотрел на привидение, а в его расширенных глазах плескался настоящий испуг и удивление. — Хочешь превратить меня в орудие мести? Что ж давай, только чего добьёшься? Вряд ли моя смерть опечалит Сатис.

Шемс снова закричала, брыкаясь изо всех сил, в плену невидимых пут. По всем признакам происходило что-то очень-очень нехорошее. Тиббот упал на спину, кожа на его лице стремительно приобретала пугающе серый, неживой оттенок, глаза остекленели и слепо смотрели на высокий белый потолок. А тем временем по всей комнате одна за другой сами собой загорались чёрные свечи и слетевшие с низкого столика рунные камешки, подчиняясь чьей-то злой воле, двигались по полу, пачкаясь в растекающейся кровавой лужице, и складывались замысловатым рисунком.

— Евгения, что ты натворила?! — Шемс мотала головой, отказываясь верить в происходящее. — Тиббот хотел помочь... Зачем ты всё испортила?..

— Он и поможет, — привидение слетела со шкафа, как раз в тот момент, когда магические камешки окончательно сложились в геометрическую фигуру и вспыхнули красным. — Вот, прочти это вслух, — в руки Шемс влетел немного помятый пожелтевший от времени тетрадный лист, исписанный синими чернилами. — Ах да, ещё понадобится пара капелек твоей крови.

— Не стану я этого делать!

— Шемс, я думала мы с тобой друзья.

— Я тоже так думала. Отпусти Тиббота, Евгения, умоляю отпусти. Нельзя же так...

— Думаешь, он поступил бы с тобой иначе? Шемс, дорогая, послушай меня, это мой шанс вернуться. Если ты завершишь ритуал, я смогу занять тело Тиббота. Я снова буду жить.

Понимаешь?!

Шемс ошарашенно моргала, пытаясь прийти в себя.

— Это не работает, — тихо выдавила она, наконец.

— Уже почти сработало, разве не видишь?

— Я не о том. Тебя же сразу разоблачат. Или думаешь Льюэллин не заметит подмены?

Заметит. И что тогда?

На миг по светлому лицу привидения пробежала тень сомнения.

Шемс глубоко вздохнула:

— Отпусти его, Евгения, пока ещё не слишком поздно.

— Я не могу. Он расскажет обо мне. Сатис начнёт охоту, и все предыдущие попытки разрушить барьер покажутся нам детской шалостью, когда придётся очутиться с глазу на глаз с разъярённым демоном. А ты ведь тоже замешана. Не надейся, кара никого не обойдёт стороной.

— Нет не расскажет, я с ним поговорю. Он не подведёт. Не поступай так с Тибботом, не уподобляйся Сатис, — Шемс плакала. — Пожалуйста!

— Чёрт! Чёрт! Чёрт! — время шло и ритуальные действия постепенно теряли свою силу. — Ладно, будь по-твоему, — привидение отвернулось и с завидной легкостью вновь вспорхнуло на шкаф. — Лишь бы потом не пожалеть об этом.

Руны потухли и к облегчению Шемс лицо Тиббота начало приобретать живые краски, а равномерные движения грудной клетки свидетельствовали о вернувшемся к нему дыханию.

— Тиббот не предаст, я уверена.

— А если встанет выбор между нами и Льюэллином, кого думаешь он выберет?

Шемс запнулась, растерянно наблюдая за пробуждением Тиббота.

— То-то и оно, — усмехнулась сверху Евгения, — ты и сама понимаешь, что доверие — вещь хрупкая и ненадёжная. Тебе уже рассказали, что Льюэллин продал свою душу, чтобы спасти жизнь младшего брата? Нет? Тогда при случае попроси своего приятеля поведать тебе нехитрую историю их знакомства с Сатис. А то даже мне подробности неизвестны. И нечего так на меня смотреть. Информация нужна для дела, а не удовлетворения моего тщеславия.

Тиббот тем временем поднялся на ноги и немного дезориентировано взглянул на Шемс.

— Это тебя я должен благодарить за своё спасение?

Евгения опередила девушку, вклинившись немного досадливым тоном из своего убежища на шкаф:

— Мы посоветовались и решили, что живой ты будешь нам полезнее.

— Вот уж мудрое решение, — с хрипотцой выдохнул Тиббот и, слегка покачиваясь, направился к выходу. — С нетерпением буду ждать нашей следующей встречи.

Шемс махнула на прощание Евгении и, виновато потупившись, поплелась за ним.

— Обиделся, да? — слова прозвучали заискивающе.

— Нет, Шемс, с чего бы? Ты всего лишь заманила меня в ловушку, где абсолютно двинутое привидение пыталось убить меня каким-то извращённым магическим способом.

— А вот и нет, твоё убийство не входило в её планы. Этот ритуал... Прости-и-и!.. Клянусь, Евгения не делилась со мной своей затеей... Отвратительно, что она собиралась вселиться в твоё тело, но её можно понять. Вполне естественно, что она цепляется за любую возможность вернуться к жизни. Да, не самое удачное решение, но... мы ведь стремимся к одной цели — избавлению от Сатис.

Тиббот резко развернулся. Они стояли нос к носу, и взгляд парня был далёк от добродушного. Потом он неожиданно рассмеялся, зло и горько:

— И что вы сразу не сказали? Прямо камень с души упал. Вдруг так захотелось вернуться и повторить этот бесценный опыт.

— Ну прости, прости, прости, — сведя брови домиком, жалобно проныла девушка, затем робко напомнила: — Нам с тобой ещё нужно закончить уборку.

— Всё нормально, Шемс, правда. Я бы посоветовал соблюдать осторожность, не впутываться в опасные эксперименты, но наверняка ведь врождённый здравый смысл и так поможет тебе не наделать глупостей, — с нескрываемым сарказмом Тиббот посмотрел на девушку, затем нарочито-вежливо кивнул. — Если ты не против, какое-то время мне бы хотелось побыть одному в тишине и спокойствии.

Ну точно обиделся. Шемс осталась стоять одна, смущённо кусая губы. Вот ведь как нехорошо вышло. Время шло, голова кружилась и мысли путались, а она всё ждала чего-то в растерянности. Но никто не спешил оказаться рядом, выразить поддержку, утешить. И вообще, сама во всём виновата. Шемс решительно стёрла рукавом слезинки, набежавшие на глаза. Грусть грустью, но чувство ответственности за возложенную на неё обязанность побороло желание всё бросить и отправиться смотреть через окна своих комнат на выдуманный мир.

Она развесила по стенам последние светильники и, чуть поколебавшись, попросила дом добавить по всему периметру потолка и пола светодиодную ленту. Удивительно, но в этот раз план сработал блестяще. Заканчивала уборку Шемс уже, пусть и не при хорошем ярком освещении люстр, но тем не менее на все поверхности теперь падал желтоватый рассеянный свет, что значительно упрощало работу и не вынуждало изо всех сил напрягать зрение.

Настроение сразу поменялось в лучшую сторону. Давненько не была она так довольна собой. И вот тут возникла проблема в умеренности. Шемс так увлеклась, что уже не могла остановиться. После того, как малый коридор блестел чистотой, она, следуя исключительно собственному вдохновению, и главный коридор подвергла кардинальным переменам. Теперь каждая ниша в стене, каждая картина подсвечивались тёплыми оттенками светодиодов. Хотя, пожалуй, самым смелым решением всё-таки было превратить чёрный матовый потолок в ночное небо, такое глубокое, со звёздами, спиральными галактиками и планетами, до мурашек по спине волнующее, таинственное и загадочное.

Закончив, Шемс оценивающе посмотрела на результат и удовлетворённо потёрла ладони. Достаточно светло, чтобы отчётливо видеть ошарашенные лица поклоняющихся. Пусть в будущем Иона хорошенечко подумает, прежде чем заставлять новеньких выполнять

всякие дурацкие задания.

Сосредоточенный вид и закушенная губа красноречиво сообщали о явном нетерпении, — «Так, чтобы тут ещё преобразить, раз и навсегда?».

Дверь в библиотеку отличалась от большинства дверей в доме. Высокая из массива тёмного дерева, украшена художественной ковкой и обрамлена полуколоннами, вдавленными в стену, она поддалась слишком легко нажиму руки и гостеприимно распахнулась, приглашая войти. Вспыхнули свечи, заключённые в хрустальные светильники на входе, помогая рассмотреть удобные кожаные диваны, кресла и два широких письменных стола, позади которых тонули в полутьме длинные деревянные ряды стеллажей, заставленных книгами.

«Да чего у них везде, как у крота в пещере?» — Шемс сокрушённо поморщилась.

Щурясь, она перевела взгляд на большую картину, украшавшую стену. Там на переднем плане по центру лужайки с сиреневым клевером рос мощный дуб, написанный тёмными красками. Позади виднелся двухэтажный каменный дом с застеклённой верандой, под окнами которой розовые кусты тонули среди белёсых клубов тумана. В правом нижнем углу стояла подпись художника «Т. Гриффин 1875 г.».

— Тиббот Гриффин? — прошептала Шемс, пробуя на вкус фамилию Тиббота.

Картина висела аккуратно над невысокой круглой витриной, хранившей на своих стеклянных полках внушительную коллекцию артефактов, наверняка волшебных. Девушка уже было протянула к одному из них руку, когда позади раздался подозрительный шорох.

— Эй! — воскликнула Шемс, нервно оглядываясь по сторонам. — Кто здесь?

— Всего лишь я, — известил призрак Евгении, появившись из глубин библиотеки. — Привлекаю твоё внимание. Хочешь поговорить?

— Неужто начались приступы раскаяния? — Шемс негодуяюще взглянула на привидение. — Можешь дать убедительные объяснения, к чему было устраивать подобные выходки? Между прочим, это полностью твоя заслуга, что Тиббот на меня злится.

— Я поддалась искушению. Признаю.

— Может и мне стоит опасаться твоих подлых прёмчиков, приняв во внимание обстоятельства?

— Тут уж как посмотреть. У меня есть знания, а у твоего тела магия, — хитро прищурилось привидение. — К тому же, из-за твоего сопливого возраста, Сатис не может ни прибить тебя, ни взять на службу. Однажды мелькнула такая мысль, но от заманчивой идеи пришлось отказаться. Не бойся, Шемс, мы найдём другой способ бороться с демоном. Вместе.

— Почему Властвующая не может причинять вред несовершеннолетним?

— Она может, например, мучить тебя кошмарами.

— У неё только однажды получилось, — призналась Шемс. — С тех пор, по тем или иным причинам я сплю, как убитая. Не помню даже, как вчера очутилась в своей постели.

— Я видела, как Льюэллин среди ночи уносил тебя из коридора.

— Правда? Вроде бы он тут главным злодеем считается? Но как-то непохоже. Неоднозначный он человек, ведь так?

— Главный злодей тут — Властвующая. И, кстати, остальных уже вряд ли можно назвать людьми. Мы все, включая тебя, попав сюда, превращаемся в нечто иное...

— Невозможно измениться настолько, чтобы напрочь позабыть свою жизнь до... этого места.

— Они жили в том доме, — Евгения ткнула прозрачным пальцем в висевшую на стене картину. Время от времени Тиббот вспоминает те времена, преимущественно в компании Ионы, когда голубки от обычного трёпа переходят к ностальгии. Льюэллин, на моей памяти, не упомянул о своей семье ни разу.

— Ты знаешь, что с ними случилось?

— Это то, что нам нужно выяснить. Иначе говоря, собрать по крупицам всю историю поклоняющихся, найти заклинание или то, благодаря чему Сатис появилась в нашем мире, так мы сможем обнаружить её слабые места.

— Кое-что мы уже знаем, например, про её явную нелюбовь к свету.

— Свет она не любит, но не боится его, во всяком случае электрического. Нельзя исключено, что и тебя она считает угрозой, тогда нам остаётся лишь понять, как использовать это против неё.

— Разве избавиться от меня не проще простого? Прогнать? Убить? Даже при определённых опасениях, всегда ведь можно повернуть любой трюк руками поклоняющихся, а самой остаться, как бы ни при чём?

— Может она хочет изучить природу исходящей от тебя опасности, — привидение пожало плечами. — Вдобавок не забывай, что решающее значение имеет отношение к тебе самого дома. Поверь мне, на этот раз он невероятно гостеприимен и щедр. Предположим, что Властвующая не желает вступать с ним в противоречия.

— Потому что у неё для этого недостаточно сил?

— Давай начнём сначала. Расспроси Тиббота, раз уж он вызвался помогать.

— А может ты сама? — Шемс не сдержала ехидства. — А я попробую поискать здесь. Вдруг в старых газетах или журналах есть какие-нибудь упоминания, косвенные намёки, связанные с появлением Властвующей.

— Ты шутишь? Хочешь, чтобы Тиббот плюнул мне в лицо? Или, может, как-то иначе представляешь себе нашу беседу?

— Тебе всё равно придётся извиниться, если и правда надеешься на его помощь, — видя, что Евгения явно колеблется, Шемс добавила: — Попробуй! Чего ты теряешь?

— Ладно, ты права. Подловлю его на выходе из покоев, — с подозрительно смиренным выражением девушка-призрак прошла сквозь дверь. Однако, прежде чем Евгения окончательно исчезла, до слуха донесся приглушённый шёпот её проклятий, относящихся к Тибботу.

— Удачи! — выкрикнула Шемс ей вслед и, принимая деловитый вид, шагнула к стеллажам.

Девушку ждал поиск путей решения новой злободневной задачи, в чём, сказать по правде, она всерьёз рассчитывала на помощь дома.

Библиотека выглядела внушительной, но всё же не производила впечатления достаточно огромного вместилища для хранения всех-всех печатных изданий человечества. Шемс подумала, что возможно тут всё должно работать по принципу волшебного холодильника. Она запрокинула голову, разглядывая огромные, уходящие под роскошный кессонный потолок, книжные стеллажи.

— Дом?.. Ты меня слышишь? Помоги найти информацию... любую... имеющую связь с Властвующей.

На первый взгляд, как будто ничего не поменялось. Вокруг по-прежнему царил невозмутимая тишина. И даже звуки шагов странным образом поглощались и превращались

в ползувки, будто в пол был встроены некий звукоизолятор.

Шемс неторопливо прошла туда и обратно вдоль одного из длинных стеллажей, осторожно касаясь книжных переплётов, и параллельно запуская на полную мощность внутренний взор. Увы, сейчас интуиция молчала. Надо признать, сверхъестественное чутьё Шемс всегда вело себя нестабильно, как и способность видеть сквозь стены редко срабатывала по заказу. В большинстве случаев магия проявлялась спонтанной реакцией на внешние раздражители. Единственное, что Шемс удавалось на отлично — это создавать облака мерцающих искр, ну и прятать в магическом кармане нож К-2, пожалуй, самую бесполезную вещь, не способную по-настоящему поразить никого из обитателей дома Властвующей. Вот и выходило, что даже от профессионального боевого ножа толку тут ноль. Что же касается мерцающих искр? Что ж, до сих пор для такого колдовства также не находилось практического применения.

В глубоком раздумье девушка обогнула стеллаж и двинулась дальше в недра библиотечного зала. Вероятно, если бы она не была всецело погружена мыслями в своё бедственное положение, то наверняка сумела бы яснее разглядеть очертания существа, неожиданно мелькнувшего на пересечении одной из книжных «улиц». А так, лишь краем глаза удалось уловить тёмную фигуру, рождающую ассоциации, то ли с гигантским, точно не меньше метра, котом, передвигающимся на задних лапах, то ли с человекоподобной обезьяной чёрного цвета. В общем, показавшееся на секунду нечто, не напоминало ничего конкретного, зато достаточно сильно напрягло.

Шемс замерла на полушаге, насторожённо прислушиваясь, но вокруг по-прежнему было тихо. Тихо, темно и рядом ни души. Только она и это... Ощущение уязвимости накрыло с головой. Крадучись Шемс двинулась назад в выходу, то и дело оглядываясь и лихорадочно припоминая заклинание, позволяющее достать из магического кармана своё оружие, на случай самообороны.

Новая загадка породила множество новых вопросов, но думалось исключительно о том, какая же оказывается огромная у них библиотека, с запутанными лабиринтами книжных полок, и как чертовски медленно сокращается расстояние до двери. Тем не менее, пусть понемногу, но оно сокращалось. Шемс выбралась из книжного окружения, оставалось обогнуть массивный письменный стол, и всё.

Дверь распахнулась, когда Шемс, наплевав на осторожность, уже на всех порах неслась к ней. Судя по задумчивому недоумению, читавшемуся на лице Дарреля в этот самый момент вошедшего в библиотеку, мысли мужчины тоже были чем-то встревожены. Даррель шагнул через порог, ногой затворив за собой дверь, и Шемс, не успевшая вовремя затормозить, буквально врезалась в него, едва не сбив с ног.

— Ого! За тобой гонятся чудовища или это ты так рада встречи со мной? — Даррель освободился от повисшей на нём Шемс. Не сказать, чтобы он сделал это грубо, но весьма настойчиво.

Девушка покраснела от обиды. Даже прикоснуться побрезговал, будто для него она хуже прокажённой. Разочарованный вздох сорвался с губ, пальцы рук машинально сцепились в замок и, отступив на шаг, Шемс принялась сбивчиво объяснять:

— Мне показалось, я что-то заметила... Вы случайно не держите в доме обезьян? По моему, я видела одну, и сейчас она прячется где-то среди книг.

Вид у Дарреля стал ещё более озадаченный.

— Обезьяна?

— Ага, примерно вот такая, — Шемс показала рукой на уровне своего пояса рост неведомого существа. — И проворная.

— Да вроде нет. В нашем зоопарке и без диких животных творится чёрт-те что.

— Это точно! — она с энтузиазмом согласилась.

— Так может это была просто тень? От стеллажной стойки, например. Ты шла, огонёк трепыхнулся от движения воздуха, и тени тотчас зашевелились.

— Ну не знаю...

Шемс саму ещё продолжало потряхивать от пережитого, даже ладони вспотели. Но теперь версия Дарреля звучала как будто логично — мало ли что ей могло почудиться в этом сумраке, при зыбком свете свечей.

— А какой рост у Властвующей? — с тревогой в голосе уточнила она. И тут же призналась себе, что столкнулась она с Сатис на самом деле, одним лёгким испугом не удалось бы отделаться.

— Несколько выше, и она совсем не похожа на обезьянку, — на этот раз по лицу Дарреля скользнула лёгкая улыбка. Затем он отвернулся, звонко щёлкнул пальцами, и освещение над столами заметно усилилось, а на краю одного, прямо из ниоткуда выросла солидная стопка ведущих мировых газет.

— Так вот где надо искать заказанные книги! — Шемс от досады стукнула себя по лбу.

— Охота на воображаемых мартышек — это чепуха на постном масле, — продолжая убеждать девушку в своей правоте, Даррель, тем временем, устроился в кожаном кресле и открыл верхнюю газету. — Ты бы глянула, что у нас там творится, — не поднимая глаз, он мотнул головой в сторону коридора. — Я разрываюсь от внутренних противоречий, между желанием не пропустить выражение лица Льюэллина, когда тот обнаружит новый уровень яркости нашей подсветки, но при этом не имею ни малейшего желания становиться посланником с непростой миссией — доставить эту новость Властвующей.

— Что-то я не пойму, так всё-таки боится она яркого света или нет?

— Не боится, но, скажем так, он ей неприятен. Так стало быть, ты уже видела?

— А солнечного? — Шемс якобы не услышала адресованного ей вопроса.

А вот Даррель без труда различил в её голосе нотки надежны. Он даже оторвался от чтения, чтобы строго посмотреть на девушку.

— Нет, Шемс. Властвующая — не вампир из готического романа, и она не превратится в пепел под лучами солнца.

— Почему ты так уверен?

— Потому что она не явилась в этот мир вместе с домом. Он был сотворён уже здесь. Один идиот полтора столетия назад совершил ритуал призыва демона. И, как легко можно догадаться, между появлением Сатис в Великобритании и возведением дома здесь должно было пройти некоторое время.

— А ты знаешь, кто был тем идиотом?

— Только по слухам. Я ведь тогда ещё даже не родился. Кажется, это был какой-то учёный археолог. Не припоминаю, чтобы кто-то при мне упоминал его имя. Но ты можешь расспросить подробности у Тиббота. В те годы они жили по соседству.

— Правда?! — горячо удивилась Шемс, но сразу же сникла. — Не больно-то Тиббот щедр на подробности.

— И, надо сказать, тут я его понимаю. Тема эта скользкая, а для Тиббота с Льюэллином похоже, куда более болезненная, чем для остальных.

— Так ты не знаешь, что стало с тем археологом, проводившим ритуал?

— Сатис его съела. Вообще-то нет тут ничего удивительного, ибо голодному демону нужно было восстановить силы.

Шемс передёрнуло от отвращения.

— А что случилось потом?

— И не припомнить в который раз мне задают этот вопрос. Я давно сбился со счёту... Да много чего случилось. После того как первый приступ голода был утолён, Сатис присмотрелась к окружающему её новому миру и поняла, что столкнётся с серьёзными проблемами, если останется в своём истинном обличии. Поэтому, ещё не до конца освоившись, она принялась искать тело, в которое можно вселиться и жить спокойно дальше, не вызывая подозрений. Человеческое тело. И первой на кого Сатис наткнулась, оказалась мать того самого археолога. Старая, больная женщина, практически находившаяся одной ногой в могиле. Не слишком удачный выбор. Однако на тот момент Сатис ещё плохо разбиралась в нюансах человеческой биологии.

— Но она же могла потом в любой момент поменять тело.

— Будто это так просто. Требуется сложный ритуал и большие затраты сил. Душа демона слишком велика для земных существ, она разрывает их изнутри. Дом магией защищает тела от увядания, но вернуть молодость он никому не может. Сатис же безусловно очень могущественна, но вынуждена львиную долю усилий тратить на поддержание функционирования занятой ею плоти. Процесс перемещения ещё больше ослабит её и, возможно, сделает уязвимой.

— Эм... Ты уверен? — Шемс вспомнила Тиббота, достаточно быстро пришедшего в себя, после нападения Евгении.

— Властвующая уверена.

— Значит она решила навсегда остаться в теле той старухи?

— Я этого не говорил. Властвующая достаточно быстро поняла свою ошибку и немедленно начала поиски идеального кандидата. Уж не знаю, как быстро сформировались

основные требования: молодое здоровое тело, наличие магических способностей, а также подходящие для проведения ритуала место и время. Это значит, что должны совпасть множество деталей: расположение звёзд, определённая фаза луны... Если сделать всё идеально, кое-кто получит и бессмертие, и могущество, и абсолютную свободу действий в этом мире.

Прокручивая в голове рассказ Дарреля, Шемс отошла от стола. Взгляд привлечённый мягкими приглушёнными красками коснулся большого полотна в лаконичной раме из двойного багета. словно невидимым магнитом её потянуло к картине, сохранившей и передающей зрителю атмосферу нежного уединения и ленивого сонного утра, утопающего в белом тумане. Эта картина столь разительно отличалась от фэнтезийных работ Тиббота, развешенных по стенам коридора, а потому с трудом верилось, что они были написаны одним человеком. Картина дышала таким умиротворением, что Шемс стало больно. Странная тоска по родному прошлому заползла в сердце, пронзая, будто жало осы, отравляя кровь, будто яд гадюки. И так вдруг нестерпимо захотелось вернуться домой, к солнцу, к нормальным живым людям.

— Кажется, я поняла, как это работает, — сказала она негромко, сумев-таки сдержать слёзы и внезапно улыбнулась. — И я нисколько не злюсь на тебя. Знаю, ты просто выполняешь порученную тебе работу, параллельно борясь с собственными эмоциями.

— Это ты о чём? — Даррелю пришлось вновь оторваться от чтения, чтобы перевести недоумевающий взгляд на девушку. Она стояла в стороне, хрупкая и какая-то потерянная, скрестив руки на груди и прожигая его зелёным огнём глаз.

— Властвующая приказала тебе мучить меня!

— Мне казалось, мы просто разговариваем. Разве нет? И осторожнее, пожалуйста, не задень артефакты, большинство из них — часть бесценной коллекции.

— Знаю, что сглупила, притащившись сюда. Тиббот так считает... А я... А куда мне было деваться? Мама умерла, папа — будто чужой человек!.. Наверно было бы проще прыгнуть с моста. Есть в нашем городе один подходящий, прямо над путями, где товарняки ходят... Но я не отважилась.

— Это ещё что? Мне подростковых истерик только не хватало, — на мужском лице появилась тень растерянности. — Прекращай плакать.

— Я не плачу!

— Вот и ладненько. Но всё же прими к сведению, что ничьих приказов я не выполнял и никакого сознательного намерения изводить тебя у меня и в мыслях не было. Это просто эмоции, самые обыкновенные человеческие эмоции. Давай-ка я покамест отведу тебя к Тибботу, или может сама, а?..

На губах Шемс расцвела презрительная усмешка, а в глазах затаились сверкающие слезинки.

— Тиббот недвусмысленно дал понять, что ему я, как и тебе — стала костью поперек горла.

Она резко развернулась, намереваясь выскочить за дверь, но её заставило остановиться звяканье за спиной и стук падающего на пол предмета, определённо сулящий очередные неприятности.

— Я же предупреждал, осторожно с артефактами, — едва сдерживаясь, сквозь зубы процедил Даррель.

— Да не прикасалась я к ним! Вроде бы, — поспешила возразила она, но не слишком

уверенно.

Оба синхронно перевели взгляд на пол, где прямо под ногами Шемс валялась малахитовая табакерка в золотой оправе, вернее то, что от неё осталось. Забавная фигурка чёртика на пружинке вывалилась и хаотично болталась туда-сюда, а крышечка как-то очень неудачно отлетела в сторону и — о ужас! — от края и до самой середины на ней появилась хорошо заметная трещина.

Шемс медленно собрала развалившиеся части. Пружина, почему-то разноцветная: из белых, красных и чёрных витков, под её пальцами издала тонкий жалобный звук.

— Это ведь просто игрушка? — глаза с мольбой устремились на Дарреля.

— Не думаю, — тот поднялся со своего места и в голосе его вдруг появилась хрипотца.

Похоже он и сам испугался не меньше.

Отобрав артефакт, Даррель медлил в нерешительности.

— Не говори Властвующей, — воспользовавшись задержкой, Шемс бессознательно ухватила за рукав его тонкого свитера, но быстро спохватилась, отпустила и смущённо спрятала руки за спину. — Я поговорю с Тибботом, может он сумеет её починить.

— Это магическая вещь, а Тиббот даже близко не маг.

— Меня накажут?

— Я сам посмотрю, что можно с этим сделать.

— Правда?

— Пока ничего не обещаю. Мне ещё нужно понять его назначение, — Даррель поспешил вернуться за стол, опасаясь подвергнуться благодарным объятиям. — А ты бы тем временем поумерила свой пыл, а ещё лучше начала бы оттачивать контроль над эмоциями. В этом месте подобные навыки имеют определяющее значение.

— Всё равно спасибо, — ей вдруг так захотелось рассказать ему, назвать папой, но, наверно, сейчас ещё не время. По крайней мере Даррель определённо не готов к новостям такого рода.

— Ну давай беги к Тибботу или к себе... В общем не переживай раньше времени.

Напоследок Шемс украдкой взглянула на потрёпанный корешок книги, в самом низу под стопкой свежей прессы, заказанной Даррелем. В его присутствии вытащить книгу она не решилась. Дом выполнил и её заказ, предоставил сведения. Замечательно! Надо только выбрать подходящее время, чтобы вернуться за ними.

Подростковый возраст, как правило, ярко выражается в перепадах настроения. Утомлённая изнурительной уборкой и уроками свежих событий Шемс в одиночестве сидела на кухне и с виноватым видом набивала свой желудок вредной едой и сладкой газировкой. Естественно, неуютное чувство занозой засело в голове, да так, что даже гора шоколадных батончиков не помогала подавить переживания. Особенно переживалось из-за инцидента с Тибботом. И сколько бы она неуклюже не оправдывала себя — легче не становилось.

Шемс понятия не имела, удалось ли Евгении поговорить с ним, покидал ли вообще Тиббот свои покои с тех пор, как они виделись в последний раз. А тут ещё привязалась и не давала покоя навязчивая мысль о воображаемых ею всевозможных побочных реакциях организма после перенесённого им заклятия... Словом, возник соблазн сходить и лично проверить в порядке ли он?..

Вот так неожиданно выяснилось, что ей вдруг стало не хватать его присутствия, загадочных ухмылок, неизвестно когда успевших стать привычными, не хватало его голоса за спиной, с приятной бархатистостью, вселяющего покой в разум.

А вдруг он никогда её не простит?! При этой мысли горло сжалось, и жуткое, жуткое чувство одиночества наваливалось железобетонной плитой, грозя раздавить.

Свечи горели всюду — на столе, на подоконнике, на кухонной столешнице. Отблески пламени загадочно переливались в тёмном оконном стекле, по которому вот уже вторые сутки неумолимо били плотные струи дождя. Очевидно, кто-то в доме пожелал любоваться ненастными сумерками. И Шемс подумала, что погода в фальшивом окне абсолютно точно передаёт задуманный внутри дома эмоциональный фон.

Она зевнула и, сложив руки перед собой, опустила на них потяжелевшую голову.

— Ты тоже это чувствуешь — апатию и злость на всех вокруг? — её несколько не смущало обсуждать свои чувства с домом, безотчётно воспринимая его не как неодушевлённый объект, созданный высокими магическими технологиями, а как разумное, живое существо. — Конечно я оказалась не готова. Признаю, что некоторые мои ожидания были обманчивы. Но с другой стороны, что я потеряла? Правильно, ничего! Потому что нечего мне было терять. И уж точно, направляясь сюда, я никому не желала зла... — она запнулась. — Ну почти никому...

Странная длинная тень, как живая, шустро скользнула по окну, прерывая сумбурный поток мыслей, пробежала по стене и скрылась под столом. Шемс рывком выпрямилась, стряхивая с себя уныние. Осмотрелась, заглянула под стол. Всё казалось спокойно, никаких следов посторонних не наблюдалось. Но что-то всё-таки изменилось. Что-то витало рядом, в вязкой воздушной пустоте, скорбное и тревожащее, навевающее воспоминания о полузабытом ночном кошмаре.

Нехарактерное яркое пятно света падало через открытую дверь. И Шемс не могла отвести от двери взгляда, скованная неприятным предчувствием.

Ощущение туго сжатой пружины в себе слегка поутихло, когда, через световое пятно в кухню вошёл Льюэллин. При виде его Шемс даже протяжно выдохнула скопившееся напряжение.

— Фух... Этот дом непременно меня доведёт до инфаркта своими странностями. Разумеется, если раньше не ужокошит Властвующая.

Льюэллин медленно обернул к девушке лицо.

— А ты не давай повод укокошить тебя.

Несмотря на отсутствие полноценного освещения его черты обрели исключительную отчётливость. «Всё это чрезвычайно глупо!», — проскочила мимолётная мысль. Нужно обладать орлиным зрением, чтобы так видеть: бледный матовый оттенок кожи, на щеках глубокие тени от ресниц, длинных и густых, будто девичьих. Шемс без труда могла различить каждую деталь до последнего тонкого волоска. И одновременно с этим мужчина казался ей абсолютно незнакомым.

— Я, кажется, догадываюсь зачем ты явился — хочешь уличить меня в сумасбродстве и устроить мне взбучку?

— Я думаю как раз, что тебе понадобится много сил в попытках изменить заведённый порядок вещей, в месте, не допускающим своеволия. Такое необязательно тотчас пресекать на корню, какое-то время можно наблюдать из-за кулис, пока одно поражение за другим превращает в ад жизнь смутьяна, и как, наконец, приходит понимание, что участь его предрешена.

— Расскажи об этом Дому, — Шемс задиристо вскинула подбородок. — Ведь совершенно ясно, что без его содействия я бы не смогла подкорректировать этот ваш порядок вещей. Ты вчера вон пытался и не в одиночку, между прочим. Так что это не мне, а кое-кому другому следует не переоценивать свои силы. Валишь с больной головы на здоровую.

Определённо, она не узнавала в нём прежнего Льюэллина. Он смотрел неподвижным взглядом, в котором не было места гуманным чувствам, лишь беспощадная жестокость. На проявление отзывчивости и душевности девушка, понятное дело, и не рассчитывала, но честно пыталась отыскать хотя бы тень прежней отрешённости, застывшей в ярких зрачках. Увы, их наполняла лишь зловещая тьма.

Внутренняя дрожь прокатилась по всему телу, и Шемс немедленно пожалела о вырвавшихся словах. Только было уже поздно.

— Следуй за мной, — как-то заторможено, будто нехотя Льюэллин повернулся к ней спиной.

— Куда? — не на шутку испуганная Шемс потребовала уточнений.

— Тебя желает видеть Властвующая.

— Прямо сейчас?.. Но я ведь... — она хотела сказать, «Ещё ребёнок», но поняла бессмысленность дальнейшего препирательства, а просто поднялась и с видом приговорённого поплелась за ним.

Её ждёт встреча с Властвующей... Нет, её ждёт встреча с демоном. Время шуток кончилось.

Почему она это делает? Зачем покорно выполняет самоубийственные указания, вместо того, чтобы сопротивляться, кричать, звать на помощь? Как будто ею руководит чья-то злая воля... А она, обреченная на заклятие, ведёт себя тихо, и даже вот почти добровольно направляется на встречу своей участи.

На ватных ногах она поднялась по той самой чёрной лестнице, кажущейся сейчас в затуманенном паникой сознании ещё более устрашающей, чем обычно. Впереди единственная приоткрытая дверь завершала небольшой тёмный коридор второго этажа, сквозь оставленную щель пробивался голубоватый свет. Шедший впереди Льюэллин, не мешкая распахнул её настежь и обернулся, предлагая Шемс зайти внутрь. Не в силах

противиться, будто под влиянием гипноза или заклятия, она вновь подчинилась.

Взгляду Шемс предстал огромный светлый зал, совсем без окон. Как видно Властвующая не нуждалась даже в их имитации. Опасливо озираясь вокруг, девушка поразилась глухой ватной тишине, в которой слышался лишь тонкий стон металла от медленно вращающейся под потолком причудливой конструкции, да собственное взволнованное дыхание. Тяжёлые голубые шторы на деревянных карнизах, присобранные во множество складок, хранили каменную неподвижность и полностью скрывали одну из стен. В нескольких метрах от Шемс, на постаменте, возвышающемся над полом, кто-то установил белую ванну. В полном недоумении она обернулась, ожидая получить разъяснения от своего провожатого, но тот куда-то канул, будто его и не было, хотя Шемс могла бы поклясться, что не слышала никаких удаляющихся шагов.

Беспомощной, растерянной, ей оставалось лишь смотреть, как тонкая окровавленная рука поднимается из ванны и судорожно цепляется за бортик, размазывая по белоснежной поверхности ярко-красные пятна и подтёки. Всё было столь нереально и чудовищно, что Шемс никак не могла понять, что это за безумие такое творится. Уничтожая остатки мужества, душу сковало шоковое оцепление, подобное тяжёлым оковам. И вновь, не владея собственным телом, будто повинуюсь чужой воле, Шемс шагнула вперёд, чтобы увидеть того, кто находится в ванне.

Глаза Ионы были широко распахнуты и смотрели прямо на Шемс. Мокрые волосы беспорядочно облепили искажённое страданиями лицо.

Воды в ванне не было, только дно заливала большая лужа крови, да по бокам темнели густо заляпанные бурыми пятнами стенки. И обнажённое тело внутри, вздрагивающее, когда в очередной раз надрезалась нежная кожа...

Иона всё делала сама, таковы были правила наказания. Рука дрожала, но поклоняющаяся продолжала упорно, зубчатым лезвием наносить себе рваные, глубокие порезы. Затем, когда порезов становилось достаточно, она опускала нож, поднимала чашу с расплавленным свинцом, сжимала зубы, не допуская не единого стоны, и медленно по капле лила в истекающие кровью раны.

Именно этот её обезумивший от боли взгляд помог Шемс, наконец-то, избавиться от колдовского наваждения. Она дёрнулась вперёд, намереваясь положить конец отвратительным самоистязаниям.

— Наверно мне следует упомянуть о рисках, прежде чем предоставить тебе свободу дальнейших действий? — голос Льюэллина за спиной показался ей громом среди ясного неба, хотя, на самом деле, больше походил на приглушённое яростное шипение и вообще звучал как-то странно.

Шемс вновь застыла на полушаге в позе истукана, готовая в любой момент рвануть прочь. Тревожная тишина длилась бесконечно. Но вот что-то острое царапнуло кожу на шее под ухом, и доведённая до предела девушка с визгом отпрянула в сторону.

По телу волнами пробежал озноб. Зажав рукой саднящую кожу, Шемс подняла взгляд, в поисках Льюэллина, но всё оказалось ещё хуже. Вместо ожидаемого мужчины, она посмотрела на высокую, крепкую старуху с босыми ногами, в длинном тёмно-синем платье, похожем на монашескую сутану.

Властвующая неторопливо облизала длинный желтоватый ноготь.

— Усвой уже, они — лишь сломанные тени, а ты не властна над тенями. В конечном счёте и ты отчаешься и поблекнешь. Не обманывайся надеждой на заступничество

союзников и друзей, здесь у тебя их нет. Бедняжка. Даже над собой у тебя нет власти, — её голос постепенно менялся, теряя красивый глубокий тембр Льюэллина, искажался, делаясь всё более скрипуче-шепчущим. — Не думай, что ты мне ровня.

Старческие слезящиеся глаза метнулись к ванне, где Иона запрокидывала голову, до скрипа стискивала зубы, выгибалась дугой, и вернулись к Шемс, которая ждала, что вот-вот непременно выдержка изменит закалённой поклоняющейся, и Иона закричит: страшно, что есть силы, срывая горло.

— Дом говорит мне, ты скучаешь по солнцу. Это так? — продолжала вещать старая ведьма, в то время, как её преданная помощница, так и не проронила ни единого звука.

— Перестань её мучить! — вместо ответа практически потребовала Шемс, и тут же инстинктивно отступила назад.

— Странно. Раньше обитатели моего дома на здоровье не жаловались, тебя вот только глаза что-то подводить стали, не видишь будто ничего за пеленой заблуждений. Приглядишься и заметишь, как Иона сама себя наказывает за то что подвела меня.

— Но она не хочет этого... Никто не хочет, — возражение на этот раз прозвучало совсем уж нерешительно, а сама Шемс продолжила потихоньку пятиться, подступая всё ближе к бархатным шторам.

— Разве? — прошелестела Властвующая и у Шемс действительно что-то случилось со зрением. Перед глазами зарябило, будто от мельтешения едва различимой сыпи, и очертания высокой фигуры старухи поплыли, размазались, но через пару секунд всё уже вернулось в прежнее состояние. — Плата — это всегда боль. Но ты убедишься, как я великодушна. Я даю вам выбор. Подумай, что бы выбрала ты? Душевную боль? От которой не избавиться, не отмахнуться. Ты будешь сторгать в ней, как в огненной бездне, не имеющей пределов... Она, как пылающая лава, готовая поглотить тебя... как бездонное жерло вулкана, опаляющее своим дыханием... Моя верная Иона всегда выбирает боль физическую. Любая боль закаляет, но физическая делает неуязвимой. Пока терзается тело в душе воздвигается барьер, неприступная ледяная стена, прочная, как кожа горгульи, надёжная, как сфинкс. За ней можно укрыться. Последнее идеальное убежище, безопасное, сотворённое в самых удалённых, тёмных глубинах души. Укрываться всегда легче во тьме.

— Может и этот дом, без окон и света, тоже строился с претензией на убежище, чтобы спрятаться от чего-то с чем невозможно справиться? — сказав это, Шемс сама поразилась своей дерзости или же скорее глупости.

К счастью, Властвующая, кажется, даже не обратила внимания на наглые слова, слетевшие с уст девушки, не иначе как по безрассудной недалёковидности. Должно быть, она сочла их результатом временного помутнения рассудка от пережитого страха. И это было не далеко от истины.

Старуха резко замолчала, прикрыла глаза и чуть склонила голову, будто прислушивалась к чему-то. Шемс невольно затаила дыхание, гадая, услышит ли она от той ещё хоть слово или Властвующая уже забыла о её присутствии, и наступил тот самый благоприятный момент, чтобы незаметно убраться восвояси.

Что-то громыхнуло. И раскатистым рокотом резануло по ушам, будто горсть крупного дождя или града брошенная на металлическую крышу, да так, что завибрировали пол и стены. Шемс непонимающе оглянулась кругом, — «Что происходит?». Пришлось взмахнуть руками, чтобы устоять на ногах — пол тоже двигался, буквально вздымался волнами и проваливался в расползающиеся повсюду трещины. Шемс потянулась, пытаясь ухватиться за

шпоры, но не успела, не дотянулась. Под ней разверзлась пустота. Дыхание перехватило от нахлынувшего ужаса и сердце замерло от ощущения стремительного падения.

В следующее мгновение она проснулась.

Осознание пробуждения приходило с запозданием. Мозг начинал воспринимать реальность, но мысли всё ещё здорово путались.

Шемс медленно оторвала голову от столешницы и мутными спросонья глазами уставилась на склонившегося над ней Льюэллина.

Она всё ещё находилась на кухне. Локоть неловко скользнул по глянцевой столешнице, зашуршали разбросанные обертки от конфет и шоколадок, хрустальный стакан с недопитой колой зашатался, но не упал, лишь чуть сместился, попав в поле света и засверкал, преломляя падающие лучи от свечей в своих гранях.

— Где Тиббот? — раздражение в интонации Льюэллина намекало, что вопрос он задаёт не в первый раз.

— Не знаю. Мы... мы поругались, — прохрипела Шемс пересохшим горлом.

Густые брови на невозмутимом лице чуть сдвинулись, и, уловив эту лёгкую демонстрацию подлинных эмоции, девушке внезапно захотелось обнять мужчину и расцеловать от души. Она буквально расцвела улыбкой и щёки заалели красными пятнами от радости видеть его настоящего, неповторимого из плоти и крови, а не какую-то там халтурную подделку низкого пошиба.

Наверно сейчас она выглядела глупо, потому что Льюэллин-то в ответ смотрел строго и явно неодобрительно. Только мнение своё он так и оставил при себе и продолжения их беседы не последовало, потому что в этот момент на кухне показался Тиббот, растрёпанный и не на шутку встревоженный.

— Вот ты где! — он резво подскочил и схватил Шемс за руку. — Пошли, надо поговорить.

— К Властвующей? — в глазах девушки отразился ещё не до конца побеждённый страх.

— Тьфу ты господи, — поморщился Тиббот. — Вот ты наказание моё. Нет, мы идём ко мне. И давай, пожалуйста, без зачем и почему. Просто так надо. Потом объясню...

Прерывая его, откуда-то из недр стен послышалось глухое дребезжание. Какой-то потусторонний отзвук неизвестного происхождения доносился со всех сторон, даже пол под ногами начал вибрировать, не так мощно, как недавно во сне, но всё же сходство было, что наводило на подозрения о землетрясении. Шемс догадалась, что именно этот звук, искажённый, преобразованный иллюзиями сновидения и заставил её очнуться. Но что он означает, Шемс не понимала, однако по обеспокоенному виду Тиббота догадывалась — определённо ничего хорошего.

В гостиной Тиббота стоял сильный запах жжёной травы. Этюдник и прочая творческая атрибутика перекочевали беспорядочной грудой со стола в дальний угол, освободив место для объёмистой книги, раскрытой на странице с иллюстрацией заклинания защиты от эктоплазменных существ. Свечи на полу, расставленные в форме оккультного символа, горели ровно и неподвижно, освещая тёмное помещение тусклым светом, и отражаясь в двух небольших зеркалах, установленных друг напротив друга с намерением создать иллюзию бесконечности, тонушую в бесчисленном мерцании золотистых звёздочек.

— Ты чем это тут занимался? — Шемс прошла вперёд, аккуратно перешагивая крошечные огоньки, тем самым заставляя их трепетать от движения воздуха.

— Созданием защиты от привидений, — Тиббот будто слегка смутился. — Увы, окончательно и бесповоротно избавиться от них нереально. Можно либо отпугнуть, либо развеять... временно.

Он с сожалением вздохнул, включил верхний свет, быстро собрал с пола все свечи, потушил их и без колебаний выбросил в мусорную корзину.

— Ты же вроде не колдун? — пожелтевшие страницы старинной книги зашелестели под рукой Шемс. — Как же ты собирался творить магию?

— Ну дык благодаря твоей новой подруге появилось искушение попробовать. Но, таки да, моя магическая убогость никуда не исчезла.

— Эм... А ты знаешь, ведь Евгения искренне сожалеет. Она даже искала тебя, чтобы принести извинения. И, кстати, если ты забыл или не знал, магия проявляет себя не только в использовании колдовских заклинаний. Я ведь видела твои картины, от них прямо-таки веет волшебством, другим, особенным, наполненным добротой и любовью.

— Кому-то легко далось искусство лести? — Тиббот усмехнулся. — Ты чувствуешь? От меня сразу так и повеяло дружелюбной отходчивостью. Что же, в обмен на твои комплименты готов списать попытку моего убийства на дурацкое недоразумение.

Шемс хоть и чувствовала, что у его внезапного великодушия есть иные причины, и где-то кроется подвох, но всё равно не смогла удержаться от улыбки и, стараясь не выдать своего волнения, демонстративно уткнулась в книгу. Из букв слагались слова, из слов заклинания, непонятные вначале завитки, мало-помалу оформлялись в рисунки, являясь очевидно пошаговыми инструкциями, но смысл их больше не доходил до сознания. Механически Шемс перевернула очередную страницу и, пожалв плечами, совершенно справедливо заметила:

— Вообще не понимаю, как ты мог заподозрить меня в обмане и тем более в предательстве. Отвык от общения с порядочными людьми? — она подняла голову от книги и поняла, что он смотрит на неё не отрываясь.

— Похоже на то, — Тиббот кивнул. А в глазах почему-то сквозила усталая безысходность. — Думается мне, надобно сказать правду Даррелю. Никто не заслуживает нести в одиночку бремя грехов, даже если однажды сам выбрал этот путь, потому что никто не совершенен.

— Подходящий момент ещё не наступил, — уклончиво вздохнула девушка и неожиданно сменила тему. — Так ты объяснишь, что это были за дребезжащие звуки? Я вначале испугалась, уж не началось ли под горой извержение какого-нибудь древнего

вулкана.

Тиббот резко отвёл взгляд.

— Здесь нет действующих вулканов. Нет ураганов, наводнений, нет привязки ко времени... И мы ни мёртвые, ни живые, нелепые и жуткие создания неизменные из года в год, из века в век существуем во власти снов... Не нужно было приводить тебя сюда, Шемс. Для нас впереди один только мрак и никакой надежды.

— Ну ты чего, Тиббот, опять завёл старую пластинку? Всё! Дело сделано, назад пути нет.

— Это было оповещение. Редкие гости заходят сюда, но когда заходят — этим сигналом дом сообщает об их появлении.

Шемс поняла и побледнела.

— Там пришёл новый человек? Тиббот, вы ведь не станете его убивать?

— Если магия в нём не проявится, гостю уготовано стать очередной кормушкой для Сатис. Ты ничего не можешь сделать, Шемс, постарайся просто не думать об этом. Льюэллин обо всём позаботится.

— Знаю я, как он позаботится! Читала в дневнике, — Шемс рванула к двери, но та оказалась заперта. — Тиббот, не выводи меня, открой немедленно!

Тот через силу усмехнулся и успокаивающе поднял руки:

— Я ничего не делал, Шемс. Это не я, это Дом.

— Неправда! — девушка неверяще обернулась к парню. — Так же нельзя! Нельзя бездействовать, когда на твоих глазах совершается преступление. Это равнозначно соучастию!

— Тут ничем не поможешь, себе сделаешь только хуже, — Тиббот пытался её образумить. — Твои попытки всё это изменить никогда не сработают при использовании стратегии воплей и необдуманных действий.

— И сколько же людей мы принесём в жертву? Сколько ждать, пока хитроумный план родится сам собой?

Первым порывом было схватить что-нибудь тяжёлое и расколотить неподдающуюся дверь. К примеру, тот кофейный столик, стоявший между ней и Тибботом, вполне бы подошёл.

— Ну хорошо. Вот скажи мне, Шемс, что бы ты сделала? Как, ну как бы ты остановила Льюэллина?

— А вот так! — негодующая Шемс сдвинула брови и, пробормотав короткое заклинание, проделала секундную манипуляцию рукой, и вуаля — глаза мстительно блестят, а пальцы поглаживают рукоять длинного боевого ножа с остро отточенной сталью.

— А ты подготовилась не абы как — вполне толково, — в голосе Тиббота прозвучало удивление, немного потешившее тщеславие девушки. — Если его ещё зачаровать на поражение бессмертной плоти, вот как мой, к примеру, — он вынул из-за пояса свой нож, чтобы спокойно положить на низкую столешницу. И Шемс с завистью отметила, как отливало густой синевой и излучало колдовскую энергетику узкое, чуть выгнутой лезвие, — тогда да, для поклоняющихся ты могла бы стать нешуточной угрозой.

— Я не успела застаться эбеновым деревом.

— Я могу добыть его для тебя, могу помочь с поиском заклинания. Допустим, ты получишь силу, оружие, а заодно шанс расправиться со мной и остальными поклоняющимися, но что дальше? Против Властвующей эти ножи бесполезны.

— Кто-нибудь уже проверял?

— Она сама раздала их нам.

— Я ходила в боевую секцию.

— В поединке с Сатис это не поможет. Нужно искать иной способ.

Шемс упрямо отвернулась.

— Дом, сейчас же открывай эту чёртову дверь! — потребовала она, яростно ударив кулаком по деревянному полотну, и оно плавно откатилось в сторону.

Несколько секунд Шемс заторможено взирала на открывшийся выход, затем, резко сорвавшись с места, выбежала в коридор.

Конечно же она опоздала. Иначе и быть не могло, учитывая, сколько было потрачено времени на пустую болтовню. А дом-то... тоже хорош, — кипятилась Шемс, — разыгрывал солидарность, а в решающий момент поменял сторону. Тоже мне, карьерист беспринципный.

Примчавшись к опознавательному кругу, Шемс застала лишь заливающую его лужу крови, уже начавшую подсыхать. Если бы только она пришла сюда сразу, наверняка, ещё что-то можно было сделать, как-то помешать, хотя бы попытаться спасти человека... Но она не сделала ничего.

Льюэллин, опустившись на колени, вытирал тёмное пятно, но при появлении Шемс оторвался от своего жуткого занятия и неувовимо быстро выпрямился. Его взгляд оценивающе прошёлся по её лицу, затем устремился на стоящего за её спиной Тиббота.

— Не сумел задержать её дольше?

— Действительно веришь, что я дерзну начать с домом состязание, в котором заведомо в проигрышном положении?

Шемс не слушала их, её переполняли боль и отчаяние, и неясно осознаваемая потребность избавиться от бушующих внутри эмоций. Она подскочила к Льюэллину и изо всей силы толкнула его в грудь.

— Ненавижу тебя!.. — заорала Шемс. — Ненавижу всех вас. Убийцы!

Девушку, чьи глаза блестели слезами, Льюэллин встретил твёрдым, окаменевшим взглядом и прежним полным равнодушием на лице. Она же в ответ буквально буравила ему переносицу. Волна за волной неистощимой, жгучей ярости, вздымались всё неистовее с каждой секундой и рвались наружу, жаждущие мести, крови, смертей и разрушений, а бешено бьющееся сердце тонуло в их тёмной глубине, задыхалось, раскалывалось на кусочки... Но вот, прерывая управляющие ею злые силы хаоса, слышатся лёгкие шаги сзади и дыхание, и прикосновение тёплых рук, обнимающих её, вынуждающих отвлечься от боли, чтобы всецело сосредоточиться на этих новых ощущениях.

— Тихо, тихо, успокойся, милая. Всё это не твоя вина, — звучит над ухом знакомый шёпот Тиббота. Рефлекторно она пытается отстраниться, но он ещё крепче прижимает её к груди. — Вспомни, Сатис чувствует плохие эмоции, ты только оказываешь ей услугу. Погаси их.

Шемс разом сникла, податливо вверяясь ему — человеку, которого только что люто ненавидела. Не осталось ни чувств, ни сил, ничего, кроме пустоты. В воцарившейся тишине она взглянула на Льюэллина ничего не выражающим взглядом, после чего позволила Тибботу увести себя.

Тем не менее тупая апатия, с которой девушка держалась словно безвольная, беспомощная кукла, вскоре ослабла. Легонько придерживая и направляя, Тиббот проводил её в светлую, уютную гостиную, где за окнами над холмами и сказочным лесом,

полыхающим осенними красками, сияло тёмно-голубое небо, усадил на диван и сам устроился рядом, по-прежнему не отпуская из объятий. Она и не желала освободиться, наоборот, доверчиво прильнув, положила голову ему на грудь и закрыла глаза.

— Кто это был, женщина или мужчина?

— Какая разница? Отдыхай, Шемс. А, впрочем, можешь больше не сдерживаться. Если плакать хочется... поплачь.

— Но ведь слёзы — это тоже выход эмоций. Разве нам можно плакать?

— Конечно. Все могут плакать, когда им грустно. Иногда это даже необходимо.

— Наверно Льюэллин совсем не умеет плакать.

— Это следствие внутреннего надлома. Лью всегда стремился защищать меня, с раннего детства и даже потом, когда оказалось, что взваленный на плечи крест волочить ему не по силам.

— Слабо верится, что он покорно подчинился несправедливости.

— Зато в то, что недостойные поступки совершаются исключительно по злему умыслу, верится охотно?.. Наша семья годами избегала пожилой леди из соседнего поместья, породившего много сплетен и кривотолков про жестокие чёрные мессы, бесовские культы и прочие бесчинства. Но как-то раз я встретил её в нашем саду. Конечно, я не сразу её заметил. Там вдоль всех дорожек были высокие зелёные стены и каждая клумба, как укрытие. Высокая, с властными манерами и громадным чёрным зонтом, она рвала рябину, даже скорее с каким-то безумным остервенением обдирала кисти вместе с ветвями.

— Зачем ей зонт? От дождя? — в воображении Шемс нарисовалась причудливая и дикая картина.

— Раньше она всё время ходила с ним. Своеобразная магическая защита, навреде завесы, оберегающей наш дом, только порядком слабее. Понятно, в ту пору обо всём этом я не имел ни малейшего понятия, как и о самой природе Сатис, и её целях. Мне следовало тотчас бежать прочь, но я остался и даже посмел поинтересоваться причинами столь возмутительного поведения. И уж вот тогда она набросилась на меня... вдавливала рёбра в лёгкие, выжимая воздух, безжалостно ломала кости, рвала кожу челюстями, утыканными множеством зазубренных зубов... Несколькими днями позже она вернулась, чтобы посмотреть, как покидают меня остатки жизни. Льюэллин тогда беспрекословно согласился на каждое её условие.

— Звучит чудовищно.

— А это и было чудовищно. Чудовищно больно.

— Если она сперва пользовалась зачарованным зонтом, как сейчас домом, скрываясь от кого-то или от чего-то, значит на то существует причина, и Сатис есть чего бояться?

— Уверен, что есть. На каждую силу всегда отыщется противник с силами превосходящими.

— Это когда поодиночке, как Сатис, — тихонько пробормотала Шемс. — А когда вместе — эта уже непобедимая сила.

— Да, Шемс, мы справимся. Не беспокойся, малышка, с тобой всё будет в порядке. Так оно и бывает, сначала плохо, а потом плохое проходит и становится хорошо и легко, — его пальцы, чуть касаясь, гладили её волосы, а она потихоньку засыпала.

Ей снились голоса, чьих обладателей она не видела, лишь ощущала их незримое присутствие. Миражи неясных фраз сплетались в вереницы слов, не поддающихся буквальному толкованию, улавливались лишь оттенки интонаций. Весёлый и ласковый мамин долетал с вкраплениями красивых музыкальных мелодий, перемежающихся шумом морских волн, участливый Татьяна — сквозил беспокойством и тревогой, погружал в чувство вины... Злобное шипение Сатис врвалось в сон, давило, вытесняя знакомый мир и вырисовывая другую реальность... Был ещё голос, непохожий на другие голоса, ночной, сияющий, звенящий, словно из таинственно-переливчатой туманности он обращался к Шемс, успокаивал и внушал какую-то уверенность.

Проснувшись, она обнаружила, что Тиббот уже ушёл. Весьма любезно с его стороны было, прежде чем покинуть комнату, заботливо укрыть девушку пледом и даже подоткнуть края.

Закончив переодеваться, Шемс посмотрела на себя в зеркало и заключила — такая жизнь ей не на пользу. Лихорадочный блеск воспалённых глаз на бледном осунувшемся лице, и в целом нездоровый вид выражал навеки поселившуюся в этих стенах и передающуюся ей тоскливую потерянность.

— Дом, мне нужна косметика.

Тушь, румяна и остальные бьюти штучки немедленно обнаружили в ящичке столика-консоли, придвинутого вплотную к зеркальному полотну. Однако, помимо загаданных дорогих косметических наборов, там же Шемс обнаружила малахитовую табакерку, точную копию той, что ещё вчера так некстати разбилась в библиотеке. Или это она самая и есть?

— Что ещё за намёки? — девушка покрутила табакерку в руках, слегка обескураженная подобной странностью, внимательно осмотрела — вещица выглядела, как новая.

На кухню Шемс заявила с непроницаемым видом и при полном марафете, потому что решила до поры до времени вести себя, как обычно, будто и не случилось вчера ничего. И всё же, привычная обычность сегодня совершенно не касалась её внешнего вида. Шемс нарядилась в короткий жёлтый сарафан с квадратным вырезом на спине, а привычные кроссовки сменила стильными босоножками на высоком каблуке, которые, как выяснилось, выгодно подчёркивали стройные ноги, и вообще, меняли осанку с фигурой почти до неузнаваемости. Задрав подбородок повыше и настраиваясь держаться непринуждённо, она прошествовала к столу с сидящим за ним Даррелем.

— Ты не против? — кивнула Шемс на початую бутылку элитного коньяка и не дожидаясь реакции, протянула руку, чтобы самой щедро наполнить пузатый бокал. Подняла его, манерно оттопырив мизинчик, и украдкой взглянула на возившего у плиты Тиббота.

— Чертовски отлично выглядишь, Шемс, — сразу отметил тот и прямодушно добавил: — А вот пить по утрам лучше парное молоко или чай.

Шемс поморщилась. Парное молоко, по её мнению, уж точно не относилось к той категории напитков, которыми заведено угощать хорошеньких барышень. Весь замысел и состоял в том, чтобы предстать в совершенно ином свете, чем прежде — несломленной, красивой и повзрослевшей леди в изящном платье. В общем реакция Тиббота была совсем не той, на которую Шемс рассчитывала.

— Ого! А девочка-то быстро созрела, — голос прозвучал за спиной знакомый,

вызывающий неприятное чувство тревоги, и услышав в нём ничем не прикрытое презрение, Шемс невольно вздрогнула. Появившаяся в кухне Иона выглядела на удивление свежей и не менее соблазнительной, чем всегда. — Для кого вырядилась?

— А ну-ка цыц. Прикуси язычок, Иона, — голос Тиббот излучал дружелюбие, однако предостерегающий взгляд, брошенный в её сторону, сумел-таки усмирить вздорный нрав темнокожей красавицы. — Вот что за привычка, скажи, опошлять всё хорошее? А могла бы, как приличный человек, вместе с нами порадоваться собственному возвращению.

Ограничившись театральным вздохом и закатыванием глаз, Иона звонко процокала высокими шпильками к кухонным шкафам и уже через минуту с головой погрузилась в свои привычные обязанности — приготовление зелий и отваров.

Шемс же спрятала поглубже неуверенность, возникшую при появлении Ионы, отставила в сторону так и не пригубленный бокал, и по-заговорщически прищутив зелёные глаза, устремила их на Дарреля:

— Спасибо за помощь с табакеркой! Ну типа круто у тебя получилось, да ещё так оперативно, чувствуется работа первоклассного чародея. Ручка вращается, чёртик выскакивает, от трещины и следа не осталось.

— Ну и славно, — Даррелю понадобилось совершить над собой некоторое усилие, чтобы выплыть из собственных мыслей и рассеянно взглянуть на Шемс. — Только я понятия не имею о чём ты говоришь.

— Да про табакерку! Вчера в библиотеке упала и разбилась. Ты ещё отругал меня, а потом пообещал, что всё исправишь.

— Ой, точно! — Даррель хлопнул себя по лбу. — Слушай, я ведь там же её, кажется, и оставил... Извини, Шемс, забыл, но сегодня, даю слово, обязательно с ней поработаю.

— Да не нужно уже ничего делать, — поджатые губы выдали обиду. — Говорю же, она, как новая. Ну раз это не твоя заслуга, тогда я забираю назад своё «спасибо».

Рука Тиббота поставила перед девушкой тарелку, наполненную яичницей с беконом и украшенную сладкими миниатюрными черри.

— Эй, малыш, смотри, что я тебе принёс, — проворковал ей в макушку его тёплый голос. — Ну чего опять надулась, как мышь на крупу?

Значит она мышь, тоскливо подумала Шемс. Ни зайка, ни котёнок, а просто мышь. Для экспериментов Сатис сгодится, а большего и не требуется.

Она слышала его слова по-своему, искажала суть, даже, скорее всего, сама стремилась их пересочинить, а фактически, поставить любую подобную ситуацию с ног на голову. Зачем? Хороший вопрос. Если начать копаться во всяких чувствах и переживаниях, значит придётся признаваться себе, чего она на самом деле хочет... А тем временем, неприятное чувство уязвлённости гадкой змейкой жалило, скользило по краю сознания, не давая покоя. Шемс не хотелось, чтобы жители дома подтрунивали над ней, ей хотелось, чтобы они её уважали. И это, как минимум.

Не желая ни с кем встречаться глазами, она опустила голову ниже и молча проглотила незатейливый, но вкусный завтрак.

То, что под влиянием эмоций люди совершают глупости для Шемс секретом не являлось. Однако, когда внутренний протест созрел, и настойчиво ищет выход, стоит только чуток поддаться, и всё, контроль потерян... Вот и Шемс умом понимала, что лучше бы притормозить, но уже не могла остановиться.

Полоски светодиодов в малом коридоре никуда не исчезли и по-прежнему создавали

приятный приглушённый свет, рассеивая потёмки, что за долгие годы стали для поклоняющихся спутниками жизни. Но даже тут проявилось влияние тёмного колдовства. Вряд ли обыкновенная тень от подвесной конструкции, скорее всё-таки магия Сатис погрузила круг в пелену мрака, и видно только, как свечи по контуру дружно устремляют вверх тонкие и чуткие золотистые огонёчки, зачаровывая взор, истекая каплями воска.

Шемс заранее продумала и выждала нужный момент.

Помня прошлый опыт, она сначала сунула руку в густую тень, осторожно соприкасаясь с этой стихией, словно приветствуя, давая время познать себя и принять. Затем вступила в круг. И сразу начались чудеса. Внезапный треск свечей нарушил покой священного пространства, огоньки затрепетали и окрасились радужными цветами, а Шемс с удовлетворением ощутила поднимающуюся изнутри силу. Кожа замерцала, будто звёздное небо, сквозь поры проступила невесомая пыльца и неподвластная силе притяжения взмыла, чтобы в неторопливой кутерьме роиться вокруг Шемс в пределах колдовского круга. Тьма не расступалась полностью, но становилось всё более прозрачной — это мерцание звёздной пыли делало её похожей на кусочек космических просторов.

На один миг появилось настойчивое желание сбежать, когда за углом послышались приближающиеся шаги. Шемс вдохнула поглубже, расправила плечи и намеренно позволила магии проявить себя во всей красе. Безмятежная улыбка заиграла на её губах, а глаза, по ведьмовски горящие тёмно-зелёным пламенем, устремились с пристальным интересом на появившегося в коридоре Льюэллина.

Шемс представила, какой она, должно быть, виделась ему сейчас. Тонкий женский силуэт с копной кудрявых волос, фосфоресцирующее сияние холодного серебра и тёплого золота.

Он замер на бесконечно долгие секунды, всматриваясь в её лицо. Наверное, даже узнал не сразу. Затем, белым призраком скользнул вперёд, но как-то осторожно, будто колебался или не был до конца уверен, какое принять решение. И вновь замер перед очерченной на полу линией. Напряжённый взгляд прощупывал маячащее перед ним видение, неотрывно следил за её лицом. Осмысливал. А Шемс испытывала странное спокойствие. Выступив из мрака, она плавно приблизилась к нему, губы тронула мимолётная улыбка. Их разделял теперь лишь обозначенный свечами контур.

Продолжая свою коварную игру, Шемс провела тыльной стороной ладони по мужской щеке и заметила, как дрогнули его ресницы, как приоткрылись губы. Сияющие огоньки, интимно помигивали, тихо, как снег, порхая уже за пределами круга, постепенно осыпаясь на его волосы и плечи. Что-то заставило дыхание участиться, а сердце забиться сильнее, но неизведанные желания не пугали, а напротив окутывали негой и блаженством. Так странно, так близко друг от друга, что Шемс чувствовала его дыхание и запах кожи. Сладкое ощущение собственного могущества и власти над мужчиной кружило голову, улыбка её стала более призывной, в глазах зажглось предвкушение. Не давая времени прийти в себя, она вдруг подалась к нему всем телом и поцеловала.

Его губы оказались горячими и мягкими, и по коже Шемс пробежали колкие мурашки. Она затаила дыхание, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Ответный поцелуй Льюэллина ещё сильнее взбудоражил кровь — яркий и свободный, как сон, а ещё нежный и осторожный, будто его руки и губы касались не живой девушки, а хрупкой фарфоровой статуэтки, которую страшно сломать.

Их окутывала магия, та, что служила Шемс, неизведанная, неуправляемая. Но Шемс и

не нуждалась сейчас в её исследовании. Важно, что с помощью своих необычных способностей, многократно увеличенных магией круга, ей удалось ослабить бдительность Льюэллина до такой степени, что он не увидел, как блеснул в темноте нож и через мгновение острое лезвие глубоко вошло в тело мужчины.

Он отпрянул и с удивлением взглянул на Шемс, затем опустил глаза, и неверяще уставился на её тонкую руку, крепко сжимающую тёмную рукоять. Она резко вытащила нож и обтёрла кровь о короткий подол сарафана. Затем, покидая круг, взглянула с холодной надменностью на падающего на колени Льюэллина.

— Больно? Это хорошо, — мстительно выдохнула она напоследок. — Ничего личного, просто решила вот потренировать техники приготовления десертных блюд для Властвующей. Как удобно, что у тебя потрясающая регенерация.

Окно показывало, что свинцовые тучи над островом густо сыпят снег. За его седой пеленой маячила вдаль, будто облачённая в снежно-ледовые одеяния, гряда холмов, и тропинка уже исчезла под пушистым голубым покрывалом, чистым, нетронутым, ничем неосквернённым. И сонными громадами высились, щедро припорошённые снежной крупой, сказочной красоты деревья.

Зима, разумеется, пришла не только на волшебный остров, но и в реальный мир, вернее в мир, который Шемс привыкла считать своей реальностью. Сама она бы давно запуталась в днях и числах, но дом милостиво добавил на стену её комнаты перекидной календарь с милым шаловливым чёртиком, на каждой странице переживающим какую-нибудь забавную историю, этаким герой яркого комикса. И вот Шемс проснулась, взглянула на дату... и пригорюнилась.

Вспомнилось, как ровно год назад они втроём: Шемс, мама и Татьяна отправились за город кататься на лыжах. Небольшой дачный домик принадлежал Татьяниним знакомым и находился в шаговой доступности к неплохой горнолыжной трассе, пологой и широченной. Летом, место это, как правило тихое и спокойное, а вот зимой, в хорошую погоду, кишит «понаехавшими» городскими обывателями.

Шемс поразительно чётко помнила покрасневшие на морозе мамины щёки и выбившиеся из-под светлой шапки непослушные чёрные кудри, её ликующий вопль и звонкий смех, когда они неслись с горы вниз, ловко петляя, догоняя и обгоняя друг друга... Звук скользящих по снегу лыж, а на виражах мелькают в глазах, небо, солнце, облака и сверкающий на солнце снег. Это было одно из тех воспоминаний от которых становится тепло на душе и ощущается лёгкая грусть под влиянием обаяния безвозвратно прошедших мгновений.

Дачный домик в тот день был в их полном распоряжении. Они хорошо протопили печь и в уже прогретом помещении раскладывали настольные игры и уплетали горячий ужин, обсуждая события минувшего дня. А ещё у них был торт со свечками и сердечные поздравления, и счастье в глазах.

Татьяна, помнится, утверждала, что самое важное в приготовлении глинтвейна — это подобрать правильное вино. Мрак за окном быстро погружал заснеженный посёлок в тишину, но так и не посмел проникнуть в домики с сияющими окнами, и те потому казались маленькими сказочными островками, выступающими из огромного и темного океана ночи. Мама тихо слушала Татьянины истории, с удовольствием потягивала из трубочки терпкий, горячий напиток с ароматом корицы и апельсина, смотрела отстранённым взглядом и немного рассеянно улыбалась. За печной дверцей уютно потрескивали поленья, светились раскалённые угли. Шемс, заморожённая огнём, расслабленно развалилась в кресле, согревая руки чашкой горячего какао, и наблюдала, как рождаются из пламени искры, выстреливают и рассыпаются миллионами крохотных звёзд. Только вот не выскочить им наружу, жаропрочное стекло не пускает, надёжно преграждая путь к расстеленным на полу лоскутным половикам...

Мысли вернулись из прошлого в настоящее. С пепельно-платинового неба на остров по-прежнему падали невесомые снежинки. И долго-долго Шемс не могла оторвать от них глаз. Казалось бы, ерунда, банальность, однако поди ж ты, как цепляет! Такое великолепие, аж

дух захватывает. А как манит лес, застывший в великом безмолвии! Блуждающим взором не улавливается ни малейшего шевеления среди побелевших деревьев, пространство выглядит абсолютно безветренно и как-то умиротворённо, будто великий чародей в красной шубе и с седой бородой, по взмаху волшебной палочки, погрузил заоконный мир в сонное царство.

Отчего-то именно теперь Шемс почувствовала себя той самой искрой, запертой внутри финской печи. Магия тонкими струйками прокатилась по её телу и высвободилась преобразовавшись в мерцающую пыльцу. Шемс поймала её ладошками и, вложив в неё всю ясность своих намерений, всю волю и неослабевающий порыв, направила пыльцу в окно и дальше сквозь него, в области неведомого. И всё равно потом не сразу поверила своим глазам, хотя пальцы уже ухватили появившуюся ниоткуда оконную ручку, потянули створку на себя, и окно легко распахнулось.

Запах морозной свежести сквозняком ворвался в спальню вместе с роем мелких снежинками. Шемс подставила им руку, правда те не оценили гостеприимства и, едва коснувшись тёплой кожи, тотчас растаяли, но Шемс несколько не расстроилась. «Настоящее. Всё это настоящее!», — восторженно вздыхала девушка, стараясь, как можно глубже втянуть в себя чистейший воздух, со вкусом зимнего леса.

— Такс-с-с, — она перегнулась через подоконник, свесив голову вниз, и на глаз прикинула расстояние до земли. — «Высоковато, пожалуй, но не так уж чтобы прям наверняка свернуть себе шею. Не больше двух метров, но надо позаботиться о последующем возвращении».

Найденные простыни без всякого колдовства быстро превратились в прочный канат с узлами, один край которого был привязан к ножке кровати, а другой свободно болтался за окном. В гардеробной нашлись тёплые штаны и спортивная куртка с высоким воротником.

Шемс застегнула молнию до самого горла, и не чувствуя ни страха, ни тени сомнения, ловко выбралась наружу.

— Ничего себе! — очутившись на земле, она осмотрелась вокруг. — Извини, что называла тебя воображаемым... А они там боятся поверить в чудеса! Но это ненадолго.

Под ногами звонко хрустнул снежок, от дыхания в воздух поднимались белёсые облачка пара.

«Интересно, я сама это сделала или всё-таки дом помог?» — промелькнула мысль, но тотчас бала вытиснута настойчивым желанием прокатиться вон с того пологого холма, будто бы размещённого тут с единственной целью — устроить лыжные покатушки. Но в таком случае, где взять лыжи?

Еле сдерживая нетерпение, девушка вскарабкалась по простыням обратно в дом, и немедленно ринулась на поиски.

Так, надо ещё сообразить, где искать. Но как Шемс не металась по комнатам, многократно громко и чётко формулируя свою цель, на сей раз исполнять её требования дом отчего-то не спешил. Она обшарила все уголки в спальне, заглянула под диван в гостиной, проверила каждый сантиметр ванной, всё безрезультатно.

«Дом, ну ты издеваешься что ли?» — злилась Шемс. — «Куда упрятал? Ну хоть подсказку дай какую-нибудь, намекни, что я на верном пути».

Вопреки желанию пришлось скинуть куртку и покинуть своё излюбленное убежище, чтобы продолжить поиски в других частях дома.

Выскочив в коридор, впопыхах она чуть было не налетела на Льюэллина. После того случая, когда Шемс так искусно засадила ему под ребро нож, в ней поселилось отчаянное

стремление свести к минимуму их случайные встречи, что, по понятным причинам, сделать было весьма непросто. И вот именно сейчас, когда поторопилась, не проверила нет ли кого на пути, будто назло, ей, конечно же, опять не повезло с ним столкнуться. Оба поспешно отвели глаза, демонстративно игнорируя друг друга, и соблюдая солидную дистанцию, разошлись в разные стороны.

— Тиббот, так, просто навскидку, где в этом доме можно достать лыжи? — сходу выпалила Шемс, влетев на кухню и встретив там парня.

— Они тебе зачем? — искренне удивился тот.

Шемс с раздражением закатила глаза.

— Так есть версии, где они могут храниться? Ну? Попробуй соображать быстрее.

— В кладовке смотрела?

— Точно! — Шемс хлопнула себя по лбу и устремилась прочь.

Тиббот задумчиво покачал головой и пошёл за ней.

Шемс была недовольна. Вот чего он привязался? Объяснений ждёт? Так не дождётсЯ. Или по её виду недостаточно ясно, что к откровениям сегодня она не расположена. Теперь придётся искать повод, чтоб избавиться от этого приставаЛы.

— Шемс, а ты сейчас очень занята? — «приставала» умело продемонстрировал заискивающие интонации. — Мне, видишь ли, помощь твоя нужна в одном деле...

— Это в каком же? — в голову, уже по привычке, закрались нехорошие подозрения.

— Эй, зачем же сразу нервничать? Я всего-навсего хотел попросить тебя, открыть дверь в склеп Евгении.

— Зачем? Вы разве помирились? Почему я не в курсе?

— Да не то что бы... Просто наткнулся на днях на неё, блуждающую в коридоре... В общем у нас дело одно общее, не решённое... Надо бы обговорить, а без тебя мне туда ну никак не попасть, знаешь ведь.

Общее дело у них. Шемс всё больше хмурилась. Что ещё за дела такие они решают в обход неё? Секретиками обзавелись, тоже мне друзья называются.

— А почему мне ничего об этом не известно?

— Ну так пошли и тебя посвятим.

Продолжая мысленное ворчание, Шемс устремилась к запечатанной комнате.

Тут, к счастью, проблем не возникло. Как и прежде стоило лишь приложить ладонь к двери и пожелать, как полотно мягко откатилось в сторону. Шемс не раздумывая скользнула внутрь, и замерла разинув рот от изумления.

Склеп было не узнать. Все стены сплошь увешаны пушистой мишурой и разноцветными шарами, поблёскивающими от падающего на них света мигающих лампочек. Бросались в глаза, оформленные красивым каллиграфическим почерком, поздравительные надписи, среди золочёных звёзд, и повсюду на полу, на избавленных от пыли стеллажах, букеты, букеты, букеты с живыми цветами. Невысокий стеклянный столик, предусмотрительно отодвинутый подальше от гроба с иссушенной мумией, ломится от праздничного угощения.

— По-здра-вля-ем! — хором завопили Тиббот и Евгения. — С Днём рождения, Шемс!

А она продолжала стоять, как вкопанная, силясь подобрать слова, но подкативший к горлу ком мешал говорить и оставалось только ждать, когда он растворится.

— А я и не подозревала, что ты помнишь, — шепнула она, подняв на Тиббота глаза, и сморгнула навернувшиеся слёзы.

— Так, — он строго не неё посмотрел. — Именинникам у нас плакать запрещается! —

И обнял за худенькие, чуть дрожащие плечи, привлекая к себе, осторожно, бережно.

— Вот именно, — поддакнул призрак Евгении из-под потолка. — Мы тут неделю к дикому веселью готовились, так что отставить слёзы.

— Но как же Властвующая?..

— Сатис не чувствует эту комнату, — пояснил Тиббот, отпуская девушку. — Не переживай, Шемс, здесь мы скрыты от её внимания.

На столе среди прочих лакомств стояли несколько бутылок шампанского, на одном из которых Шемс разглядела этикетку с надписью «Детское».

— А это для кого? — в её усмешке явно сквозила лукавая ирония.

— Эм-м, видать я малость сглупил, — Тиббот расплылся в улыбке. — Да, вот это подойдёт больше, — раскупорив одну из бутылок, он наполнил два бокала.

— За тебя, Шемс.

— За твои прошлые и будущие достижения! — вторила ему Евгения, весело порхая в своём окровавленном призрачном одеянии.

Приятный звон хрусталя и прохладная свежесть искристого алкоголя исправно излечивали от тревог, укрепляя нервы.

То ли в результате случайного стечения обстоятельств, или же в том кроется предопределённость всех творений вселенной, её непостижимый промысел, только в зловещем доме, до сей поры считавшимся исключительной обителью тёмных сил, отыскалось внезапно небольшое пятнышко света, куда зло оказалось неспособно дотянуться своими ядовитыми зубами. И сегодня там был самый чудесный праздник, вероятно имеющий для участников какое-то символическое значение. Возможно, он открывал им очередные тайные двери во что-то новое — неизведанное. Но в тот час они, конечно, ни о чём подобном не размышляли, а просто пили, танцевали, смеялись и мечтали.

Среди книг с заклинаниями, мёртвых пауков и пары склянок с человеческим прахом, на нижней полке шкафа хранилось зеркало на подставке, не вызывающее подозрений и не привлекающее особого внимания. Неожиданно на его поверхности проявились круглые глазки с чёрными щёлочками вертикальных зрачков в светящейся ярким янтарём радужке, внимательно оценили обстановку, медленно моргнули и, никем не замеченные, вновь исчезли.

— Получается, это моя заслуга в том, что вы помирились, — сказала Шемс захмелевшим голосом.

— Назовём это перемирием, — прошелестел в ответ фантомный голос призрака. — Стратегическое сотрудничество всяко ведь лучше разобщённости. Мы с Тибботом об этом поговорили и, вроде бы, сумели достичь приемлемого компромисса.

Тиббот сидел на полу, опираясь локтями о бортик гроба, держал в одной руке полупустую бутылку, а в другой порцию куриного шашлыка на шпажке.

— Слишком туманное определение, — сомнительно покачал он головой. — Ну да ладно, на крепкую дружбу я и не претендовал, да и присваивать себе чужие лавры не намеревался. Кстати, Шемс, ты так и не объяснила на кой чёрт сдались тебе тут лыжи.

— Вообще-то я и не обязана тебе что-то объяснять, — напыщенным тоном заявила девушка. — Да уж ладно! Поклянитесь хранить тайну и... ну... В общем, идёте ко мне — это нужно видеть.

— погоди, Шемс, ты вероятно как-то упустила из виду, что я не могу посещать чужие покои, — слегка укоризненно напомнило привидение.

— Это проблема, наверно, должна как-то решаться, — Шемс одновременно ощутила растерянность и раздражение. В этот раз желание похвастаться большим успехом оказалось сильнее сочувствия. — Есть идеи?

— Жизнь призрака имеет множество недостатков. К моему разочарованию, одного желания мало, чтобы вновь обрести тело. Я не могу уйти в вечность и не могу жить полноценной человеческой жизнью, вот, что особенно удручает. Впрочем, ничто не бывает вечным, перемены рано или поздно всегда случаются, они уже начались. Ни от кого из обитателей дома не ускользнуло ощущение невероятных метаморфоз... Это вдохновляет...

— Мы потом тебе доложим обстановку во всех подробностях, — перебил Тиббот и поспешно поднялся. Видно всякая неизвестность его тяготила и не давала покоя внутренняя потребность, как можно быстрее прояснить ситуацию.

Нужные лыжи в кладовке нашлись не с первой попытки, и такая накладка привела Шемс к выводу, что Дом совершенно не разбирался в видах лыж и прочих связанных с ними деталях. Оттого и ботинки пришлось подбирать долго, проверяя, чтобы тёплые, комфортные и под бэккантрийное крепление подходили.

Ещё одна небольшая задержка произошла практически на пороге покоев. К ним навстречу двигался Льюэллин, и застигнутые врасплох оба сообщника, при виде него явно растерялись. Соблюдая приличную дистанцию, Льюэллин остановился. Под его вопрошающим взглядом Шемс почувствовала себя неудобно. Безусловно их амуниция вызывала недоумение.

— Э-э-э... забавляемся, — не слишком уверенно попытался оправдаться Тиббот.

— Вы здесь не для этого, — холодно отрезал его брат, но всё же прошёл мимо, не требуя более внятных разъяснений.

Сконфуженный Тиббот лишь посмотрел ему вслед, а потом весь в сомнениях и противоречиях последовал за Шемс.

— Та-да-да-дам! — широко улыбаясь, та картинно застыла возле распахнутого настежь окна, ожидая, пока парень придёт в себя. — Такого ты точно не предполагал, ну признайся.

— Мать честная, ты активировала портал! — он смотрел слишком серьёзно, даже со страхом.

— Неплохо, правда же? Прямо магический ништяк.

— И похоже уже спускалась туда? На секунду тебя нельзя без присмотра оставить, — Тиббот чуть опомнился, сразу подхватил скрученные простыни. — Нужно закрыть его, Шемс.

— Эй, хватит тут хозяйничать! — свои простыни девушка решительно у него отобрала и, взобравшись на подоконник, демонстративно перекинула ноги через раму, готовясь в любой момент сползти вниз.

— Это не наш мир, Шемс. Никто не знает, какая угроза может там таиться.

— Это мой остров, — его реакция вызывала у Шемс искреннее возмущение. — Я его придумала! По идеи, вся его хитроумная система не должна видеть во мне врага.

— Неужели ты та, кто создаёт и разрушает миры? Нет, Шемс, ты — человек. Конечно, не совсем обычный, у тебя есть магия, но нет власти ни над островом, ни над его обитателями. В своих фантазиях ты связываешь явления из разных областей, однако вспомни, что за пределами этих стен мы теряем свою неуязвимость.

— И зачем только я тебе рассказала? Успокойся, Тиббот, нет там монстров. Я уже три месяца из этого окна любуюсь исключительно природой, да безобидными мелкими зверушками... Уже три месяца, — тихим эхом повторила она свои же слова. — Почти побил мамин рекорд...

— Монстры не всегда имеют уродливую внешность, — голос Тиббота тоже стал тише.

— Как твой брат, например? — девушка искоса заглянула ему в лицо.

— Нет, Шемс, Льюэлин не превратился в монстра, даже несмотря на подстёгивающие к тому обстоятельства. Да любой бы на его месте сломался! И ты тоже, не сомневайся. Ты сопереживаешь гостям, терзаешься ощущением какой-то чудовищной несправедливости, только все испытываемые тобой страдания — это лишь вершина айсберга. Шемс, ты даже не представляешь настолько далеко в понимании того, что происходит тут на самом деле.

Она с каменным лицом выслушала его речь, устремив на Тиббота немигающий взгляд, в котором теперь плескались горечь и гнев. Как же оказывается легко человек может обесценить чужую боль. Все её прежние усилия, ночные кошмары, явь, что ранит до глубины души, кажутся ему незначительным пустяком? Даже то, что недавно она пережила потерю матери, для неё — страшное потрясение, для него — полузабытый эпизод!

— Я тебя не принуждаю, можешь оставаться тут со своими жалкими убеждениями, — зло отчеканив слова, она покрепче обхватила лыжи и нырнула через окно наружу.

Зачем оборачиваться? Вперёд и только вперёд! Обида жжёт горло, но скоро это пройдёт. Нужно только подняться на вершину вон того холма, возвышающегося над могучими древесными кронами, укрытыми белоснежным серебром, а затем ринуться вниз по пологому склону, вмиг позабыв обо всём, кроме неба и сказочного зимнего леса под ним, разгоняясь всё быстрее и быстрее, безрассудно нарушая покой и безмятежность

неизведанного края.

За спиной послышался звук поскрипывающего снега и недовольное ворчание Тиббота. Ага, не усидел всё же, смело бросился вдогонку. Значит, ее судьба ему важнее барской воли, как бы остальные не старались убедить Шемс в обратном. Обида быстро уползла прочь, а её место немедленно заняла озорная радость.

Он догнал её и, продолжая путь рядышком, вдоль замёрзшего озера, примирительно подтолкнул локтем.

— Только чур вести себя прилично, руки не распускать. Беззащитных маглов обижать нехорошо.

— А ты не нарывайся, мне и не придётся, — краем глаза она заметила, как в уголках губ Тиббота прячется обаятельная мальчишеская улыбка.

Подъём вышел утомительным и долгим. Но вот они на самой вершине с замирающими сердцами взирают на безмолвный лес, в глубине которого виден холм с примыкающим к нему заколдованным домом. Видны отсюда и другие холмы с беломраморными вершинами, возвышающиеся вдалеке. Снегопад будто бы поредел и окрестности просматривались яснее, но небо оставалось хмурым, к тому же, потихоньку на остров спускались сумерки.

— Что мы творим? — произнёс Тиббот задумчиво. — Запредельную дерзость и своеволие. Я чувствую обречённость идущего на голгофу человека, но вместе с тем, непостижимым уму образом переживаю какой-то невероятный душевный подъём.

— Это прорывается на свободу твой мятежный дух, — Шемс усмехнулась. — Давай наперегонки вон до той большой коряги.

— И что я получу, когда выиграю? — Тиббот хитро поднял бровь. — Достойные призы предусмотрены? А можно я выберу сам?

— Ха-ха. Ты бы лучше беспокоился, как совсем не отстать.

— Посмотрим, что останется от твоей заносчивости через пять минут. Хотя наверно я мог бы поддаться твоему обаянию и уступить, — он продолжал беззлобно подсмеиваться над Шемс. — Тебе даже мышцы напрягать не обязательно, достаточно просто потребовать на правах именинницы.

Шемс возвела глаза к небу, уверенная, что парень просто рисуется перед ней. Красивые редкие снежинки медленно ложились на лицо, волосы, плечи. Рваные клочья низких туч давили сверху мрачной тяжестью, и наползающая ночь грозила вскоре погрузить землю в непроглядную мглу.

— Это что там, птицы? — шурясь показала девушка рукой в сторону горного хребта.

Тиббот посмотрел в указанном направлении. И действительно, на темнеющем горизонте появилось несколько чёрных точек, быстрорастущих по мере приближения. Издали движущиеся нечто напоминая стройный птичий клин, только вот сезон как будто неподходящий.

— Слушай, Шемс, давай свалим отсюда, пока чего плохого не вышло. Не нравится мне эти ночные птахи.

Вот теперь она была целиком с ним согласна. Перелётный ли инстинкт движет теми птицами, или обитающие в этом неизведанном мире крылатые хищники отправились на коллективную охоту, выяснять особого желания не возникало. Энергично кивнув, Шемс двинула лыжи по снегу, аккуратно устремившись вниз.

Бок о бок плавно скользили они по склону, проворно петляя между встречавшихся на пути деревьев, а позади разрастаясь и наступая на пятки, догоняла надвигающаяся ночь.

Условный ориентир, в виде бесформенной чёрной коряги, они преодолении одновременно, но никто не стал заострять внимание на подобной детали, потому что насторожённый слух уже улавливал, ещё отдалённое, но уже вполне отчётливое хлопанье крыльев. Шемс бросила испуганный взгляд на Тиббота. Он мчался рядом, не обгоняя и не отставая ни на шаг, а его предельно сосредоточенный взгляд был устремлён вперёд. «Не солгал», — подумала Шемс. «Техникой езды на лыжах Тиббот владеет безупречно». Она обязательно расспросит, где это он так напрактиковался. Потом. Вот доберутся до дома...

Шемс оглянулась через плечо на своих преследователей, но ничего толком не разглядела, кроме плотных теней, неумолимо приближающихся.

Но вот и дом.

— Скорее снимай их! — крикнул Тиббот, сам поспешно расстёгивая лыжные крепления. — Давай помогу.

Шемс, поддавшись панике, лихорадочно вцепилась в свисающий конец простыни и полезла вверх. А за спиной уже совсем-совсем близко неизвестные существа протягивали из воздуха свои жуткие когти.

Тиббот подхватил девушку и приподнял так чтобы та смогла ухватиться за подоконник, затем без промедления начать взбираться следом сам. Шемс быстро перекатилась внутрь, упала на пол своей комнаты, и в следующую секунду окно захлопнулось.

Шемс вскочила, держась за ушибленный бок.

— Нет! Стой! Подожди! Тиббот ведь снаружи!

Она пробовала колдовать, но в таком смятённом состоянии магия оказалась совершенно непродуктивной. А Дом, похоже решил не дожидаться, когда сознание девушки настроится на нужный лад, и будто назло, остров за стеклом быстренько сменила панорама, сверкающей яркими огнями, ночной площади Трокадеро.

— Что ты натворил?! Верни всё обратно! — она тщетно взывала к Дому. — Это ведь наш Тиббот... Твой поклоняющийся... Ты не можешь так с ним поступить. Пожалуйста... умоляю... не бросай его на растерзание тем тварям...

К несчастью, сегодня, как, впрочем, и всегда, Дом в ответ безмолвствовал.

Торопливый топот слышится за непрозрачной стеклянной дверью, после чего заплаканная и растрёпанная Шемс вихрем врывается в склеп Евгения.

— О, господи! Что случилось? — воскликнуло приведение при виде девушки.

А у Шемс голос дрожал и речь без конца сбивалась, когда она путано говорила о случившемся несчастье.

— Главное, что ты уцелела, — озабоченно заключила Евгения. — Милая, прошу будь осторожнее. Магия — это прекрасно, но бездумное её использование однажды может привести к настоящей трагедии.

— Я же не знала, я не видела раньше этих существ! Остров всегда казался таким безмятежным... будто... будто это самое уютное и безопасное место во вселенной. Понимаешь? Я и подумать не могла...

— Ну ничего, ничего, успокойся, отдышись, надо собраться с мыслями. Это ещё не конец света. Для начала нам придётся сострять тебе подходящее алиби, ведь рано или поздно исчезновение Тиббота заметят.

— Я думала, ты сможешь мне найти способ вернуть его, — Шемс вытерла слёзы, во взгляде, устремлённом на призрака читалось недоумение.

— Милая, я понимаю твой самоотверженный порыв, но, — Евгения печально повела головой, — давай мыслить здраво. Вспомни, за пределами дома магическая регенерация не работает. Даже если его не растерзали до смерти те хищные твари, он всё равно очень скоро погибнет от холода, ибо теперь он обычный смертный. Мне тоже жаль Тиббота, пусть тебе и сложно в это поверить. Я вижу осуждение в твоих глазах и страдание, которые ты испытываешь исключительно в интересах Сатис. Пойми, в сложившихся обстоятельствах мы не можем его спасти.

Шемс отвернулась, поправила на себе одежду, собрала в хвост растрёпанные волосы, скрепив их на затылке. Все движения неестественные, какие-то механические, словно у заводной куклы.

— Это полностью моя вина, значит и моя ответственность, — сказала она мрачно, направляясь к выходу. — Ты как хочешь, а я буду искать способ вернуться за Тибботом, искать до тех пор, пока не умрёт последняя надежда. И я знаю, кто точно не откажет мне в помощи.

— Остановись, Шемс. Сообщать Льюэллину о вероятной гибели его брата ещё бóльшая ошибка. Он же убьёт тебя прежде чем до конца дослушает!

— И я на него даже не обижусь, — отозвалась девушка, а затем скрылась за дверью.

Ну почему, когда кто-то срочно нужен, его днём с огнём не сыщешь? Шемс заглянула на кухню, на практике осваивая навыки самоконтроля.

— Не знаете где Льюэллин? — максимально беззаботным тоном поинтересовалась она у Дарреля и Ионы, застав обоих за привычными им занятиями.

— Прислуживает Властвующей, — ответил Даррель, с любопытством поглядывая на девушку, но задавать лишних вопросов не стал, просто залпом осушил свой бокал.

А вот Иона притворится вежливой не умела, поэтому завидев Шемс, тут же злорадно оскалилась:

— Коль настолько освоилась, то и хватит слоняться без дела. На-ка вот отнеси отвар на

второй этаж.

Шемс оторопело хлопнула ресницами, машинально принимая всученный ей закрытый глиняный горшок.

— Да не слушай ты её, — Даррель махнул рукой. — Тебе наверх вообще запрещено подниматься.

— Ага, понятно, — Шемс аккуратно отставила Ионино варево в сторону и поспешила покинуть кухню.

Теперь её план заключался в том, чтобы подловить Льюэллина, карауля его под лестницей.

Фантастические картины, выполненный Тибботом, глядели со стен неммым укором, заставляя сердце изнывать от боли, и время изводило своей бесконечно тянущейся унылой размеренностью. Когда каждая минута на счету — невыносимо ожидание.

Шемс закрыла лицо ладоням и тихонько бормотала самой себе ободряющие слова о том, что всё наладится и будет хорошо. А когда жизнь пойдёт на лад, может быть она даже признается Тибботу, что кажется немножко в него влюблена. Если духу хватит.

Холодный металл коснулся горла, заставляя замереть испуганной мышкой, задержать дыхание и ни единого лишнего движения, чтобы ненароком не лишиться головы. Медленно, стараясь не провоцировать нападавшего, Шемс опустила руки и открыла глаза.

— Согласись, с самого начала у нас сложились натянутые отношения, — злобно прошипела Иона ей в ухо. — Проще говоря, я на дух тебя не переношу. А ты меня. Так ведь? Хотела забрать себе душу Тиббота? Я всё твоё дерьмо насквозь вижу. Ох аукнется это тебе.

Нож продолжал вдавливаться в шею и сохранять выдержку становилось всё труднее. Неужели жизнь может быть такой бессмысленной, а финал бесславным, хоть и вполне закономерным? Поклоняющаяся действительно решила её убить? Или всего лишь немного покалечить, чтобы ублажить Сатис чужой болью? Уровень напряжённости возрос до такой степени, что казалось вот-вот между ними послышится треск электрических разрядов.

— Зачем запугивать того, кто и так до смерти боится? — Льюэллин, беззвучно ступая по чёрному лестничному ковровину, в тусклом освещении пролётов, не торопясь спускался вниз. — Аккуратнее, Иона, пока статус девушки не подтверждён, не нужно играть с ней, доказывая своё мастерство. К тому же, у Шемс своеобразная логика, так что имей в виду, её непредсказуемость поступков может даже тебя поставить в незавидное положение.

Иона спрятала нож и отступила, позволяя Шемс вздохнуть свободнее, но прежде чем скрыться в своих покоях коварно ухмыльнулась:

— Так вы уверены, что это моя личная инициатива... Ну-ну, ладно, спешить нам некуда. Потешиться при случае успеется.

Шемс, унимая сердце, вглядывалась в черты лица приближающегося мужчины, невозмутимые, без эмоций, будто бы тот давно разучился видеть отличия между добром и злом, радостью и горем, ненавистью и любовью. Только, ну не верилось Шемс, что каждым его действием движет не более чем холоднокровный расчёт.

— Что Иона имела в виду? — спросила у него девушка. — Властвующая приказала вам меня убить?

— Если бы это было так, ты была бы уже мертва, — заверил Льюэллин, и поскольку Шемс продолжала неосмотрительно стоять прямо у него на пути, позволил своему лицу принять предупреждающее выражение и вспыхнуть опасным огоньком в холодных и прозрачных, как лёд, бирюзовых глазах. — Тебе что-то нужно?

— Н-да... Это насчёт Тиббота, — девушка посмотрела на него с опаской.

«Что сказать?.. Как сказать?». Замявшись, она лихорадочно искала слова. «Как объяснить случившееся, чтоб не выглядеть слишком во всём виноватой?». Льюэллин вопросительно склонил голову набок, ожидая продолжения, при этом ничуть не помогая в борьбе с охватившем её замешательством.

Игра светотени, будто намёк на легкий, скользящий по воздуху силуэт, мелькнувший за его спиной, отвлек внимание Шемс. Девушка украдкой взглянула на полукруглую нишу в стене, во мраке которой пару секунд назад укрылась Евгения и оттуда энергично посылала недвусмысленные знаки для Шемс.

— Так что там у вас с Тибботом? — Льюэллин прервал затянувшуюся паузу.

— Э-э-э... Тиббот просил передать, что ненадолго покинет дом. У него какие-то дела... там в городе. Но он очень скоро вернётся, — промямлила Шемс чуть дыша.

Густые тёмные брови Льюэллина сдвинулись к переносице, а в широких зрачках заметалось отражение пламени от свечей в канделябрах, придавая ему дьявольский вид.

— Ты врёшь. Тиббот никогда не покинет дом, не предупредив остальных. Спрошу ещё раз, что тебе нужно на самом деле?

— Так вот он и предупредил... через меня. В конце концов моё дело сторона, сами разбирайтесь между собой, кто перед кем отчитываться должен, — Шемс попыталась притвориться оскорблённой.

— Это сработало в прошлый раз... Надо же было так дёшево купиться... Только вот я не повторяю прежних ошибок. Если надеешься выкинуть ещё какую-нибудь пакость, то просто пока предупрежу, моё терпение не безгранично, не советую его испытывать очередной глупой выходкой, иначе, даю слово, даже Тиббот не сумеет тебя защитить.

— Я поняла, — Шемс смиренно опустила глаза. — Прости меня.

Ещё несколько секунд она стояла потупившись, чувствуя себя неуютно в этой давящей обстановке, под его пронизывающим взглядом, сочащимся столь неприкрытой неприязнью, к какой Шемс оказалось совершенно не готова. «Они же все здесь привычные к боли», — думала она. — «Долгие годы живут среди непрерывных пыток и скорби. Так, что же это тогда, неужто уязвлённое самолюбие? Отчего же именно её удар ножом, так задел?».

Она не отважилась поднять глаза даже когда Льюэллин повернулся спиной и пошёл прочь.

— Ну что, убедилась? — Евгения подлетела к Шемс, когда мужчина скрылся за дверью одной из комнат. — А представь, если бы ты рассказала ему правду!

— Он всё ещё ненавидит меня за тот случай.

— Ну... ты всего лишь позволила ему почувствовать то, что чувствуют его, так называемые, гости. Какая-то девчонка, почти ребёнок, а сумела развести его, взрослого мужчину, словно сопливого мальчишку. Думаю, это скорее досада на себя... или обида, которую он пытается выдать за ненависть.

— Это всё неважно, — Шемс обречённо махнула рукой. — Неважно, что думает обо мне Льюэллин, неважно, что Иона жаждет моей смерти...

— Да подожди ты, — Евгения облетела её по кругу, с опаской осмотрелась по сторонам, затем приблизила своё лицо к Шемс и торопливо зашептала: — Быть может мы и сумеем снова открыть портал на остров. У меня на этот счёт появились кое-какие мысли.

— Правда? — Шемс взглянула на привидение со вспыхнувшей вновь надеждой. — Что я должна сделать?

— Я не уверена наверняка, что это сработает, — вздохнуло приведение. — К тому же, это может быть смертельно опасно. Но ты бы всё равно ведь не отступила от своего решения?..

— Рассказывай.

На всякий случай они отошли подальше от лестницы, будто окутанной зловещими тенями.

— Внизу есть подвал, а из него выход в небольшую тупиковую пещеру, — начала Евгения. — Не знаю насколько моя информация правдива, но будто бы там внизу обитает душа этого дома. Точнее там находится храм — главный источник его силы.

— Душа этого дома? — эхом повторила Шемс. — Что это значит?.. А я ведь знала, чувствовала, что Дом — это живое, мыслящее существо, а не какой-то там электронный мозг.

— Это значит, что если ты желаешь наладить более тесный контакт с нашим Домом, который вроде бы и без того уже не раз демонстрировал в отношении тебя повышенную лояльность, тогда придётся спуститься вниз.

— С чего ты взяла, что Дом поможет, только если я спущусь в пещеру, почему он не может помочь, когда я прошу его отсюда?

— Я же сказала, что не уверена, что это вообще сработает. Но Дом любит принимать дары. Возможно, если ты положишь на его алтарь нечто ценное, самое дорогое, что у тебя есть, он окажет тебе эту услугу. Во-всяком случае иногда они так поступают...

Шемс скорчила кислую мину.

— Напоминает пиар компанию — базовый пакет в подарок, а за дополнительные услуги берётся абонентская плата... Но у меня ничего нет. Может быть мамин дневник подошёл бы, но он остался в покоях Тиббота, а без помощи Льюэллина мне теперь туда не попасть.

— Пожалуй, также в качестве дара подошла бы смерть очередного гостя. Ну а почему нет? Здесь регулярно приносятся подобные жертвы. Момент смерти, особенно насильственной, всегда усиливает действие колдовства. Как назло, последнего гостя неделю назад задушила Иона. Придётся подождать некоторое время.

— Мы не будем ждать никаких гостей, — Шемс сердито топнула ногой и пообещала: — Я достану мамин дневник.

Не прошло и двух минут, как девушка вновь с покаянным видом переминалась с ноги на ногу под испепеляющим взглядом Льюэллина. Он открыл дверь на её настойчивый стук и, как ей показалось, даже слегка опешил.

— Ты меня преследуешь?

Да, это прозвучало грубо, но Шемс приказала себе не поддаваться на провокацию. Она извиняюще приподняла уголки губ и заискивающе заглянула ему в глаза.

— Мне нужна помощь, — откровенно призналась девушка. — Знаю, у тебя есть веские причины не доверять мне и, вероятно, ненавидеть меня, только, прошу давай отложим наши разногласия на потом. Если желаешь отомстить соответствующим образом, я готова добровольно искупить вину.

— Мой нож, в отличие от твоего, не столь безобиден, голубая сталь и эбеновое дерево с лёгкостью разрушат магию этого дома, хранящую тебя.

— О чём ты? Знаешь ведь, я не пыталась тебя убить!

Ему всё-таки удалось вывести Шемс из равновесия своим ровным тоном и стеной

отчуждённости.

— Что тебе нужно?

— Только ты можешь войти в покои Тиббота в его отсутствие... Там остался дневник моей мамы... Тиббот собирался вернуть его, только не успел... Ну так вот, не мог бы ты...

— Что значит не успел? Только не начинай снова нести тот нелепый бред, про якобы его спонтанную отлучку. Где Тиббот? Что ты с ним сделала?

Шемс закусила губу, лихорадочно стараясь сочинить более-менее правдоподобную легенду. Не то чтобы Шемс не умела врать, но когда ледяной взгляд, пронизывающий насквозь до последней клеточки, приковывает, обездвиживает, сулит страшную расправу, вдохновение, будто назло, иссякает, покидает на середине пути и упорно не желает возвращаться.

— Мамин дневник — это всё, что у меня от неё осталось. Это единственная память. Я собиралась принести его в дар душе дома, — её тихий голос наполнила искренняя боль и горечь. — Я не знаю, как это вышло, но, каким-то образом у меня получилось открыть портал из своей комнаты на остров. И сначала всё было хорошо... мы играли в снежки, катались на лыжах... а потом появились эти существа... Я успела выбраться, а он... остался там.

Шемс умолкла и подняла глаза полные слёз. Ну вот она и рассказала правду. Дальше, всё зависит от того, как это воспримет Льюэллин. А он продолжал неподвижно стоять на пороге и в ошеломлённом молчании смотреть на девушку. Его совершенно окаменевшее лицо побелело, будто мрамор, а в чуть прищуренных светлых глазах плескалась растерянность.

— Новые лыжи, лыжные ботинки, костюмы... Так это был не глупый розыгрыш, — он сказал это глухо, в пространство, отпечатывая каждое слово внутри себя.

Девушка невольно задалась вопросом, что он почувствовал теперь, когда понял, что это была их последняя встреча с братом. Ведь не может же и он принять эту новость, подобно Евгении, с поражающей чёрствостью?

— Пожалуйста, давай поскорее вернём его, — жалобно предложила Шемс, и Льюэллин вздрогнул.

Будто очнувшись от ступора, молодой мужчина схватил девушку за шиворот и отволок в её собственные покои, пару раз встряхнул хорошенько и потребовал воскресить в памяти мельчайшие подробности их с Тибботом роковой прогулки.

Шемс очень старалась, веря, что любой факт, любая, на первый взгляд, незначительная деталь может оказаться важной.

Потом Льюэллин долго молча смотрел в окно на погружённый в водоворот ночного веселья, пульсирующий блеском электрических гирлянд, предрождественский Париж. А глаза пусты и безжизненны, будто он смотрит и не видит, пребывая в вязком плену тяжелых мыслей. Льюэллин даже не поинтересовался откуда Шемс стало известно про храм в пещере.

— Дневника не достаточно для обмена на человеческую жизнь, — заключил он, наконец, прежним ровным тоном, — а душу свою я уже заложил.

Испуганная Шемс забилась в уголок дивана, и вся сжалась в комочек.

— Наверняка есть другой способ, — сдавленным полушёпотом произнесла она.

— Возможно. Где-то среди колдовских книг, древних артефактов или рунических знаков кроется ответ, но на поиски нужно время, а его у нас нет, — Льюэллин медленно

обернулся к Шемс, и она отшатнулась, заметив в его руке заколдованный нож. Он сделал шаг вперёд и решительным жестом протянул оружие ей. — Возьми. Когда спустимся вниз...

Девушка в ужасе замотала головой.

— Нет, я не смогу. Я не убийца! Что скажет Тиббот, узнав, что ценой его жизни стала твоя смерть? Он же меня никогда не простит!

— Ты буквально недавно сама утверждала, что готова понести ответственность — вот тебе и возможность, и урок. Шемс, Властвующая меня чувствует, и она не позволит мне по собственной воле пролить свою кровь на алтарь. Тебе придётся сделать это и в другой раз сначала думай, прежде чем снова наломать дров. Так что если у тебя нет плана получше, то нам пора идти.

Льюэллин ушёл готовить дьявольское зелье в состав которого входили редкие ингредиенты и заодно запастись прочими магическими атрибутами, необходимыми для предстоящего действия. А Шемс всё сидела, прижавшись лицом к плюшевой подушке, побелевшими пальцами сжимая чёрную рукоять оружия, несущего им всем неотвратимую смерть, и у неё совсем не осталось сил, будто ни жива ни мертва. Их план слишком радикальный и ненадёжный, да и где гарантии, что всё пойдёт не так как должно, а непоправимые вещи уже не случились. Так шаг за шагом паутина сомнений и тревог оплетает всё крепче, сосёт под ложечкой и бросает в пот, царапает совесть, запоздалым сожалением выгрызает душу.

— Неужели этому проклятому Дому вовсе немислима жизнь без жертв? Никакой ты не мистический особняк, подчинённый злым чарам, а просто Склеп, — в хриплом, заплаканном голосе прозвучало презрение. Захотелось высказать всё что действительно накипело, может быть станет хоть немного легче. И интонации сменились на новые, более холодные, злые, по-змеиному шипящие, но под конец, и они угасли: — На грани распада плетущий свои паучьи сети, насквозь пропитанный душком тления. Такой ты и есть!

От неудобного сидения ноги затекли и Шемс завозилась, меняя положение. Какой-то твёрдый предмет притулился рядом и больно впился острым углом в ягодицу.

— Ай-й, — болезненно поморщилась девушка, доставая из-под попы знакомую табакерку. — Чего?! Да ты издеваться вздумал что ли? — крикнула она, вскочив с дивана.

Правда, немного поразмыслив, Шемс всё же убрала назойливую вещицу в магический карман, туда же следом отправился и нож Льюэллина.

Так, ладно. Чем предаваться горестным стенаниям, не лучше ли побыстрее покончить со всем этим. Она нервно одёрнула задравшийся край кофты и с тяжким сердцем покинула свои покои.

— Ну наконец-то! — Евгения метнулась к ней по воздуху. — Я уж опасалась, что утрата брата окончательно лишила Льюэллина рассудка, и он тебя того...

— Из-за моего упрямства и глупости Льюэллин теперь готовится пожертвовать собой, — мрачно сообщила Шемс. — Не представляю, как я сделаю это... Как вообще мне после такого жить?..

— Я знаю, что тебе сейчас нужно, — Евгения окинула девушку обеспокоенным взглядом. — Пойдём.

Шемс безропотно подчинилась и на ватных ногах поплелась за призраком. Они подошли к опознавательному кругу и девушке на миг показалось, будто объёмную пурпурную спираль на стене медленно обволакивает инеем. Проступая заиндевелой кисейей, мороз поднимается кверху, дробясь искрами ледяных кристаллов, разрастается, сползая на стену, растягиваясь, рвётся выше и выше под потолок... Но нет, невозможно. В воздухе определённно чувствуется комфортное тепло. А иней? Это должно быть лишь обман зрения, вызванный приглушённым освещением и неровным блеском свечей.

— Давай же, магия придаст тебе сил.

— Слишком высокая плата за возможность ощутить воздействие непонятого энергетического источника.

Тем не менее Шемс вступила в круг. Длинные нуаровые ресницы дрогнули, изумрудные

глаза засветились завораживающим звёздным светом, глубокий вдох-выдох и вот уже колдовская мощь пьянит, создаёт иллюзию неуязвимости, избранности...

— Шемс! Шемс! Хватит! — Евгения вдруг не на шутку занервничала. — Сюда идут. Надо убираться, иначе спалимся раньше времени.

Девушка резко обернулась, откликаясь на зов призрака и поняла, что поздно — на сей раз улизнуть не выйдет.

Шокированное лицо появившаяся в коридоре Ионы красноречиво говорило о грядущих больших проблемах. При виде активированного опознавательного круга, поклоняющаяся сперва застыла, точно громом поражённая, а потом взорвалась яростью:

— Ах, вот оно что! Оказывается, здесь всюду плетётся заговор. Чтоб ты знала, милочка, всего отвратительней и ненавистнее для Властвующей — ложь подлых изменников. Но мы таких давнёхонько наловчились отделявать под орех. На что ты рассчитывала? Хотела забрать себе душу Тиббота? Метишь на чужое место? Не моё место?! Только единственное, чего ты добьёшься — сгинешь навсегда, как до тебя сотни других. И твой вонючий труп в могильном колодце с аппетитом сожрут черви. А мне будет любопытно на это поглядеть...

Покончив со словесными угрозами, Иона ринулась вперёд взбесившейся фурией, от которой невозможно ожидать пощады. Реагируя скорее инстинктивно, Шемс дёрнулась в сторону, одновременно выставив в защитном жесте скрещённые руки с ножами, чтобы отразить удар и нанести свой.

А дальше она смотрела на всё будто со стороны, словно через толстое стекло. Мир стал нечётким, неузнаваемым и без звука. Лишь лицо Ионы. Глаза, смотрящие с недоверчивым удивлением, приоткрытые пухлые губы, запятнанные в уголке поблёскивающей кровью. Ладонь поклоняющейся разжалась, нож выпал, звонко бряцнув по каменному полу, ещё несколько секунд Иона с трудом хранила равновесие, а потом рухнула сама, как подкошенная.

— Она мертва? — призрак Евгении, до этого прятавшийся за полукруглым выступом в стене, изображающим колонну, выплыл в желтоватое пятно света и с опаской приблизился.

— Да нет же! — Шемс опустила взгляд на окровавленный нож в своей руке.

— Фух, отлично! — Евгения мгновенно сориентировалась в изменившейся обстановке. — Тело чур моё! Давай же, бери её скорее и тащи в подвал, пока она не очухалась. Принесём её душу в дар Дому.

Наверно, положение дел требовало сосредоточиться и хорошенько всё обдумать, только вот время на раздумья не было у них совсем.

— Чего же ты ждёшь? — видя, что девушка сомневается, Евгения сердито нахмурилась. — Тебя вроде расстроила намечающаяся смерть Льюэллина. Ну так вот, чем не подходящая ему замена? Пользуйся счастливым случаем.

— Да я никому смерти не желаю...

— Ну в конкретном случае выбор у нас невелик. Тут уж либо ты, либо тебя. Как, думаешь, поступит Иона, когда очнётся? Кому она, первым делом, помчится сообщать о твоих магических способностях? Впрочем, я считаю, вероятнее всего, эта дама захочет сначала повторить попытку проткнуть твоё брэнное тело своим ритуальным ножиком. Надо ли напоминать, что её оружие совсем не такое безобидное? Поэтому хватит пререкаться, лучше поспеши. Хотя, стой! Захвати-ка из моего склепа нож и руны.

Резкие слова вроде бы убедили девушку, или это пережитое потрясение заставило её неожиданно стать покорной...

— Я не верю, что делаю это... Просто дикий сюр какой-то, — бормоча и сокрушённо мотая головой, Шемс всё же подхватила подмышки безвольное тело поклоняющейся и поволокла его за угол, сначала в большой коридор, и дальше за летевшей впереди Евгенией, туда где под зловещей чёрной лестницей, скрывался спуск в не менее зловещий подвал.

Они были почти у цели, когда одна из дверей коридора внезапно открылась и из неё вышел Даррель, будто специально для того, чтобы наткнуться на шумно пыхтящую там Шемс.

— Что тут твориться? — мужчина явно опешил, замер в трёх шагах, удивлённо разглядывая Иону, валяющуюся с раскинутыми руками и ногами и в пропитанной кровью одежде. Потом в недоумении перевёл взгляд на Шемс. — Ты в своём уме?

Застигнутая с поличным девушка резко выпрямилась, при этом неаккуратно ударившись о выступающее из стены изваяние горгульи, со злобным выражением на каменном лице держащее когтистой лапой бронзовый подсвечник старинной работы. Шемс чувствовала румянец, жгущий её щёки, как в лихорадке и слышала, как бешенный пульс эхом отдаётся в ушах, и ещё противно ныла быстро наливающаяся на затылке шишка.

— Мы... я... это недоразумение просто, — язык заплетался от страха, мозг безуспешно искал выход.

Тем временем, воздушный силуэт призрака вырос за спиной мужчины, взметнулся туманным облаком подол сорочки, и незаметно подкравшись практически вплотную, Евгения грозно гаркнула прямо ему в ухо:

— Слушай меня молча! Если не горишь желанием оказаться рядышком со своей подругой по секте, помоги оттащить вниз моё будущее тело, и неплохо было бы убрать следы, — она выставила вперёд прозрачную руку, указывая на алую дорожку, протянувшуюся за ними.

Шемс поразило удивительное самообладание молодого мужчины. У неё самой уже начал нервно дёргаться глаз, а Даррель даже не вздрогнул. То ли десятилетия жизни под жестокой тиранией Властвующей так его закалили, то ли действие алкоголя притупляло даже обычные инстинктивные реакции. Он лишь сделал шаг в сторону и встал вполоборота, меняя угол обзора на более удобный.

Призрачная дева демонстративно выплыла вперёд, устрашающе сверкая немигающим фосфоресцирующим взглядом. И вот теперь-то уж лицо Дарреля вытянулось и побледнело. Узнал.

— Евгения? — он смотрел на неё и явно не мог поверить своим глазам. — Ты всё ещё здесь...

А она, наконец, удовлетворившись произведённым эффектом, постаралась напустить на себя ещё больше суровости:

— Не будем ворошить прошлое. Сейчас, хочется тебе того или нет, придётся выбрать чью-то сторону. Кстати, думаю, надо уточнить маленький нюанс на случай неверного решения: в нашем распоряжении теперь нож не только Ионы, но ещё и Льюэллина.

Даррель вновь опустил взгляд на лежащее на полу тело.

— Значит Иона убита? А Льюэллин?.. Тиббот?

— Да нет же! — воскликнула Шемс. — Она первая напала. Я не собиралась... И это был мой нож... не Льюэллина... не заколдованный.

— Я хочу знать, что произошло на самом деле.

— На объяснения нет времени. Прости, — Шемс разрывалась на части. — Не выдавай

нас, пожалуйста! Найди Льюэллина, он должен быть в лаборатории... Пусть поспешит. И ещё, пусть заберёт мамин дневник. Скажи, что я просила передать его тебе...

Девушка на несколько секунд замерла, борясь с болью, сжимающей сердце, и пытаясь поймать недоверчивый взгляд Дарреля. Поймала на мгновение. После чего отвернулась, и вновь подхватив Иону, толкнула ногой неприметную дверь под лестницей.

— Думаешь, не выдаст? Что-то я сомневаюсь в его порядочности, — тревожилась Евгения, пока Шемс, с трудом стаскивала свою ношу по крутым каменным ступеням.

— А что я должна была сделать?

— Успокойся. Никто не говорит про убийство. Но можно же было просто оглушить его на время каким-нибудь заклинанием.

— А потом? К тому же, Даррель ведь тоже маг. Да и я не одного подобного заклинания не знаю. Ну и... не могу я даже думать об этом...

В подвале был относительно низкий сводчатый потолок, ещё меньше света, а по углам и между деревянными балками висели клочья серой паутины, вероятно оставленной тут для придания соответствующей атмосферы. Три дубовых двери овальной формы, украшенные ажурными завитушками кованого железа, сперва смутили Шемс, но призрачная дева безошибочно указала ей верное направление.

— Вероятно тут требуется особый ключ, — предположило привидение, глядя как Шемс изо всех сил налегает на ручку, дёргает её и толкает.

— А раньше ты не могла сказать? Где я его сейчас возьму?

Евгения театрально закатила глаза.

— Глупышка, тебя даже магический барьер в мой склеп не остановил. Уверена, что и эта преграда тебе по плечу. Попробуй поговорить с Домом.

Шемс поглубже вздохнула, в первую очередь уговаривая себя заpastись терпением. Потом протянула руку, прижала ладонь к теплому дереву, и закрыла глаза.

«Ты знаешь, что мне нужно», — мысленно обращалась она к неведомому существу, зовущемуся душой дома. — «Конечно же, ведь от тебя не скрыть ни одной из самых сокровенных тайн любого из нас, а значит ты должен догадываться наперёд какими окажутся наши пути. И если мне суждено поплатиться жизнью за свою глупую самоуверенность, то я всё равно не отступлю. И видя меня насквозь, ты не можешь усомниться в этом. С твоей помощью или без, но я не прекращу искать способ вернуться за Тибботом».

Лёгкая вибрация, идущая от двери к телу, подсказала, что воззвания Шемс услышаны.

— Что ты ему сказала? — любопытствовала Евгения.

— То, что ему и так было известно.

Мрачное спокойствие серых подвальных стен нарушил негромкий скрип петель. Массивная дверь отворилась сама собой с приветливым шелестом и так же плавно закрылась за ними.

— Почему здесь так темно?

— Зрение людей несовершенно, — голос Евгении раздался откуда-то сверху, и гулкое эхо подхватило его, вторя всё более и более зловещим тоном, нагоняя жути. — На удачу, у тебя есть я. Главное, в точности следуй моим указаниям.

Как Шемс ни шурилась, она видела лишь зияющую черноту вокруг, хоть глаз выколи. Движение вперёд к невидимой цели происходило медленно, но девушка целиком доверилась призраку и собственной интуиции, отбросив сомнения. Шаг за шагом, через завесу непроницаемого мрака, задыхаясь и кряхтя, она продолжала идти и тащить за собой тело поклоняющейся. Однако вскоре сдавленный стон Иона заставил не только притормозить, но и чуть было не дать стрекача.

— Она приходит в себя...

— Спокойно, — раздался поблизости голос Евгении. — Осталось совсем чуть-чуть. Немного левее... так... так... Отлично, мы на месте. Теперь придётся поднатужиться, чтобы возложить её на алтарь.

Шемс пошарила в темноте руками и поняла, что перед ними находится что-то вроде большой каменной глыбы.

Ценой героических усилий девушке удалось поднять поклоняющуюся на почти полтораметровую высоту и уложить на ровную, немного шершавую поверхность. И как только Шемс это сделала пещера тотчас осветилась бледно-голубым светом, льющим из четырёхугольной каменной плиты-алтаря, помещённого в неплотное кольцо острых сталагмитов. Тьма рассеялась окончательно и взору открылся просторный зал пещеры, затянутый полупрозрачной дымкой. Таинственная, тончайшая пелена проникала куда ни глянь: поднималась молочным паром к тёмному своду, петляла среди свисающих над головами сталактитов, стелилась поверх овального озера, неподвижного, будто зеркало, сверкающее чистым серебром, обволакивала выложенное камнем круглое основание колодца. Одна за другой вспыхивали расставленные там и сям свечи из чёрного воска, заставляя Шемс вздрагивать при каждом новом всполохе и беспокойно озираться по сторонам.

— Отойди, — нетерпеливо велела Евгения.

Шемс оставила на камне ритуальный нож и руны, а сама отступила к стене, краем глаза заметив встроенный в неё странный фонтанчик в форме козлиного черепа, из которого били три разноцветных струйки, смешиваясь между собой в мраморной раковине, и оттуда каскадом стекая к озеру.

Иона снова простонала и слегка пошевелила рукой.

— Скорее! — больше всего Шемс боялась преждевременного пробуждения поклоняющейся и того, как в таком случае она сама будет вынуждена поступить.

Под воздействием чар нож плавно взмыл вверх и быстро опустился, рассекая чёрную кожу лежащей на алтаре Ионы. Кровь тонкой струйкой вновь потекла по женской руке, по изящной кисти, увешанной яркими браслетами, закапала с кончиков пальцев на камень, немедленно впитываясь им.

Привидение испытующе взглянуло на Шемс, и та, проглотив комок вязкой слюны, торопливо засучила рукав толстовки и вытянула вперёд дрожащую ладонь. Всё тот же нож с

изогнутой ручкой оставил и на её коже неглубокий порез, собрав на своём лезвии новые алые капли, отправив их на алтарь, впитавший кровь так же быстро, как губка впитывает воду. Руны сложились в ритуальное заклинание и загорелись красным, сигналивая, что магия работает.

Лёгким белым облачком Евгения парила над бесчувственной Ионой.

— Шемс, послушай, дальше тебе придётся самой... Очень может быть, что Иона не захочет сдаваться без борьбы. Но что бы здесь не происходило, не позволяй ей покидать алтарь, сдерживай её физической силой или магией, хотя бы до прихода Льюэллина. Он сделает остальное.

Шемс машинально кивнула, переставая соображать от страха. Евгения послала ей ободряющую улыбку, затем взвилась под самый потолок пещеры, и оттуда стрелой ринулась вниз, чтобы исчезнуть в человеческом теле. Вопреки желанию попятится, вжаться в стену, зажмуриться, Шемс боязливо подошла к алтарю.

Пронизывающее туман голубое свечение словно набрало больше интенсивности и теперь разливалось по всему залу мягко и необыкновенно красиво. Вот только в томительной тишине, повисшей над залом и нарушаемой лишь тихим плеском воды в фонтане, да в тисках ещё более остро ощутимого чувства одиночества, высасывающего душу, было, мягко говоря, не до оценки завораживающей красоты этого места.

Ждать... ждать... ждать... Льюэллин уже должен был появиться. С каждой минутой девушка нервничала всё сильнее. А вдруг Даррель сообщил о них Властвующей? И что вообще сейчас происходит с Евгенией?..

Шемс посмотрела на Иону, кажущуюся мёртвой, в своей неестественной неподвижности. Грудь поклоняющейся больше не взымалась, длинные ресницы не подрагивали, даже лицо приобрело оттенок синевы, усилив сходство с посмертной маской. Шемс попробовала нащупать пульс у неё на шее и в ту же секунду рефлекторно отдернула руку, потому что глаза Ионы внезапно широко распахнулись.

— Евгения? Это ты?

Но надежда Шемс быстро сменилась нешуточным испугом, стоило ей лишь столкнуться с глазами, оттенка тёмного шоколада, наполненными чистой, беспредельной ненавистью. Иона сначала посмотрела на свою недавнюю победительницу, затем вокруг. Конечно, она узнала это место, об остальном без труда догадалась.

Рана поклоняющейся ещё не затянулась, но похоже дожидаться пока боль утихнет и силы окончательно восстановятся она не собиралась. Мучимая слабостью, Иона всё-таки попыталась перевернуться, банально скатиться вниз с алтаря. Как Шемсхватило духу помешать ей, девушка и сама не понимала. В какой-то момент она просто отключила эмоции, сосредоточилась на задаче, заставила себя стать той, какой клялась никогда не быть. Они боролись, Иона упиралась, но силы явно были не равны.

— У тебя отлично получилось, — Иона жутко хрипела от натуги и извивалась пойманной змеей, — столько времени водить всех за нос, прятать свою истинную суть под лживой маской беззащитности. Такая изощрённая подлость заслуживает признание Властвующей. Или всё же нет? Как-никак тебе ещё нужно убить человека, а это не так-то легко. Верно?

Тоскливая мысль, что Иона во всём права, больно кольнула сердце. Теперь уж не оправдаться и никогда в жизни не отмыться... И Шемс молчала, проклиная судьбу, но продолжая удерживать руки своей жертвы крепко прижатыми к её каменному ложу.

Долетевший до ушей скрип дверных петель принёс некоторое облегчение. Льюэллин быстро пересёк зал, было видно, что он торопился. Не говоря ни слова подошёл и довольно грубо отстранил Шемс, чуть ли не отшвырнул её в сторону. Ноги девушки в тот же миг подкосились и, внезапно обессилив, она сползла на пол, опираясь о край растущего рядом сталагмита.

Вслед за Льюэллином к алтарю приблизился Даррель. На одно короткое мгновение во взгляде Ионы вспыхнуло злорадное ликование, но уже через секунду её последняя надежда рухнула. Они пришли не помочь, а завершить начатое этой дрянной девчонкой.

Ионе было знакомо чувство предательства. Непростая уличная жизнь с ранних лет приучила полагаться только на себя. И всё же это случилось снова. Она чувствовала, как мерзкая горечь, явившаяся из полного сиротства и одиночества, растекается внутри, необратимо превращая душу в пепел. Она всё ещё была жива, но ни сил ни желания бороться за такую жизнь уже не осталось. И только сейчас, когда ожидание грядущей участи обостряло сознание, воспалённый разум задался вопросом — ради чего были все эти долгие-долгие годы раболепия и страшных наказаний?..

Ей насильно открыли рот и, удерживая за плечи, влили свежеприготовленное зелье. Иона без труда узнала этот запах: смесь полыни, жжёного лопуха и руты, настоянных на янтаре...

— Тьма никогда не отпустит вас, даже после смерти, — отравленная отчаянием Иона воспылала жаждой возмездия. Злобно отплёвываясь, она хохотала и кричала в припадке исступления: — Да каждый из вас безнадёжно увяз в своём персональном аду! Почему этого никто не признаёт? Против Дома не выработается иммунитет, он всегда будет реагировать на изменения внутри вас, приспособливаться, насаждать в души всё то, что наиболее омерзительно, паскудно, невыносимо...

Никто в ответ не проронил ни слова, не одарил напоследок сочувствующим взглядом, будто она — пустое место, будто для них её уже не существует.

— А Тиббот? Где Тиббот? — Иона вдруг начала затравленно шарить по склонившимся над ней лицам. — Он не свами? Он не знает?..

— Он не знает, — Льюэллин сказал это негромко и без эмоций.

Но эта новость внезапно заставила Иону успокоиться. Она замерла, далее позволяя беспрепятственно рисовать на своей коже колдовские символы. Смирилась.

Шемс не могла больше смотреть на это и трусливо спрятала голову в коленях, прикрывшись сверху руками. Так хотелось отгородиться от действительности, полной боли, ни слышать, ни видеть, ни чувствовать.

Сколько прошло времени? Из оцепенения Шемс вывел сдержанный голос Льюэллина:

— Теперь остаётся ждать результатов.

Девушка подняла глаза. Из сидячего положения лица Ионы видно не было, тишина и неподвижность на камне страшила неизвестностью. Если что-то пойдёт не так, у них не будет возможности исправить ошибку.

— Сколько ждать?

— Мне казалось, ты понимаешь, в наших обстоятельствах время — это всё.

Льюэллин вытер салфеткой руки, запачканные краской и кровью, в то время как его ничего не выражающие глаза блуждали по залу.

— Кто-нибудь мне скажет, нахрена это было нужно? — Даррель хмурился, в его голосе чувствовалась нервозность. — Властвующая устраивает нам какую-то проверку? Мы её

прошли?.. Или это такой новый способ посвящения — чем сильнее жертва и безжалостнее расправа, тем выше будущий статус. Она теперь одна из нас? — он кивнул в сторону Шемс.

Девушка с капелькой разочарования посмотрела ему в глаза и как будто хотела что-то сказать, однако лишь усталый вздох слетел с её губ.

— Если это такая проверка, то Сатис нарушила главное условие договора, — в глазах Льюэллина мелькнуло что-то нехорошее, но тут, некая странность, нехарактерная по представлениям поклоняющихся, отвлекла его от диалога.

Он подошёл к стене с фонтаном своеобразной конструкции, и потёр пальцами тонкий слой инея, затянувший кусочек стены. Под инеем обнаружились пятна чёрной плесени, а под ней...

— А ну-ка дай посмотреть! — Шемс подскочила, как ужаленная и выхватила из магического кармана табакерку. — Ну вот же. Вот! Тут точно такой же знак, — не утерпев и немного не рассчитав, она почти ткнула Льюэллина в нос ювелирным артефактом. — Представляешь, эта вещица постоянно меня преследует, едва ли не по всему дому на неё натываюсь. И я всё гадала, какова её функция.

Льюэллин покрутил табакерку, рассматривая со всех сторон, а затем открыл её. Игрушечный чёртик тотчас выскочил изнутри, совершенно никого своим появлением не впечатлив. А вот трёхцветная пружина под ним немного претерпела изменения — красная её часть ярко светилась, белая и чёрная оставались потухшими.

Заметив, что Льюэллин берёт с узкой подставки чашу из прозрачного стекла, Даррель протестующе замотал головой и чуть ли не завопил на всю пещеру:

— Придурок! Ты нас всех погубишь. Не надо! Я не желаю учувствовать ни в каких идиотских экспериментах.

— Кто-то хочет, чтобы мы это сделали, — Шемс без колебаний встала на сторону Льюэллина, хотя вряд ли он в этом нуждался. — Теперь я просто уверена, что Дом неспроста подавал мне все эти знаки.

И всё же Льюэллин медлил. Казалось сегодня и его, как обычного человека, точат сомнения. Однако ж, он чувствовал, что в кажущемся хаосе их жизнью есть некий скрытый смысл и связь, и неотвратимая череда событий ведёт их вперёд с пугающей быстротой, и вот-вот должны произойти знаменательные изменения. Он установил чашу таким образом, чтобы она перекрывала вытекающую из пасти черепа красную струйку, и теперь в раковине смешивались лишь белая жидкость с чёрной.

Даррель как-то безнадёжно махнул рукой, отошёл от них подальше к противоположной стене и там уселся на корточки, прислонившись к каменной поверхности с вкраплениями розового минерала. Шемс заметила в его руках тетрадь в коричневой обложке, зачарованно проследила как она раскрывается на первой странице, но вдруг неожиданно для самой себя страшно сконфузилась, поспешила отвернуться и сосредоточиться на фонтане.

Как жаль, что выбирая путь, они постоянно действуют наугад, оттого и мысли беспокойны и нет ясности, что и как будет происходить пока истина упорно ускользает от их внимания.

В первые секунды подумалось: раз ничего такого вроде бы не наблюдается, наверно они сделали что-то не то. Но едва Шемс успела расстроено прикусить губу и шмыгнуть носом, как лёгкий туман внезапно загустел, правда почему-то только вокруг неё. Вздыбился, забурился разрастаясь, и поглотил полностью, срыв девушку в беловатом облаке. Те мгновения сопровождалась странным ощущением дежавю. Мир стал расплываться перед

глазами, опора уходила из-под ног. От потери равновесия Шемс неловко покачнулась и резко остановилась, опершись об заиндевелую стену. Туман отступил, и она осмотрелась.

Пещера вроде бы прежняя, а вот что-то да не то. Блестящие ярко-зелёные глаза пробежались по залу: водяная гладь озера тиха и безмятежна, поблёскивает сквозь переливающуюся дымку, колодец тоже на своём месте... Но тут Шемс заметила, что каменный алтарь совершенно пуст. Тело Ионы исчезло, равно как и Даррель с Льюэллином.

— Эй, что за шутки? — позвала Шемс и вздрогнула, испугавшись собственного эха. — Нет. Невозможно.

— Это как посмотреть, — ответил ей чей-то довольно приятный и сильный голос.

Шемс машинально повернула голову на звук и с удивлением узрела диковинное мохнатое существо ниже человеческого роста. Голова существа украшена небольшими рожками, глаза круглые, как блюдца, жёлтые, с вытянутыми кошачьими зрачками. Пронизывающие. А за спиной существа покачивался туда-сюда хвост с накрученной на кончике металлической стрелой.

— Ты кто такой?

Кажется, его позабавил её ошарашенный вид.

— Называй меня Тихик. Разрешаю. За всё это время у нас, наконец-то, появилась первая возможность поговорить вот так наедине, без лишних ушей. Жаль ты здесь ненадолго — пока вода через край не перельётся.

— Ты чёрт? Настоящий? — Шемс старалась понять насколько реально то что она видит, и не попала ли она снова в плен насылаемых Сатис кошмаров.

— Может быть. В конечном счёте, кем бы я ни был, но уж несомненно не являюсь представителем человеческой расы. И ты тоже. Да-да знаю, звучит безумно, но как есть. Приготовься, сейчас я открою важный секрет. Дело в том, что твоё зачатие случилось исключительно благодаря моему вмешательству и вопреки тщательно соблюдавшейся схеме. Хотя технически твоими родителями стали Улана и Даррель, но лишь благодаря мне это оказалось возможным. Немножко колдовства, фальсификаций, банального везения и вот ты сейчас стоишь передо мной — живая, неповторимая, феерическая, моё творение, моё дитя. Я столько в тебя вложил...

— Я же видела тебя в библиотеке! Так это ты! Ты и есть Дом... душа дома...

— Я построил этот дом. А ты — его хозяйка. Властвующая. Но мне ещё сколько нужно тебя обучить. Меня разрывает чувство предвкушения грядущих удовольствий от нашей будущей работы, — существо, именно с чёртом вызывающее первые приходящие в голову ассоциации, улыбнулось ненормально большим ртом, продемонстрировав акульки зубы. Хотя в целом вид у него был забавный и не излучающий явной угрозы.

— Упаси боже! Сатис это точно не понравится.

— Постепенно мы разберёмся с этой проблемой.

— Ну удачи! А у меня своих проблем достаточно. Кстати говоря, мы тебе дар не за спасибо преподносили, — Шемс вдруг спохватилась. — Ты закрыл портал на остров, забыв там Тиббота. Это надо срочно исправлять. Я боюсь за него очень. Те страшные твари...

— Горгульи, — любезно подсказал чёрт Тихик.

— Да хоть драконы! Без разницы. Позволь мне вернуться за Тибботом.

— Я не собираюсь рисковать тобой, дитя. Раз почуяв наш след, они наверняка до сей поры рыщут где-то по ту сторону.

— Чего же они хотят?

— Всего лишь следуют давней традиции. На них возложена миссия отлавливать беглецов и возвращать в мир подобных нам. И я и Сатис потрудились на славу, возведя такое надёжное убежище, как наш дом, но за его пределами...

— Стоп. А я тут причём? Я не демон и не беглянка из другого мира. Я — человек.

— Всё так, да не совсем. Споспобствуя твоему появлению я вложил в тебя часть своей души, потому-то от тебя за версту несёт демоном. Горгульи же, повинуются безошибочным инстинктам, снуют меж миров, не разбирая дорог, пока не учуют запах Ада.

Отвернувшись, Шемс украдкой принялась к себе, и осторожно спросила:

— Что, и правда пахнет?

— Существуют запахи выше уровня человеческого обоняния. Просто прими как факт: с первого дня в этом доме адская частица тебя начала пробуждаться. Местная магия регенерации действует на каждого, но с тобой всё иначе. То, что до поры скрывалось в глубине твоей человеческой сущности, вырвалось наружу огненным шквалом и упрочилось навеки в момент, когда ты осознанно приговорила Иону к смерти — чёрт посмотрел в сторону настенного фонтана. — К сожалению, наше время почти истекло, но теперь ты можешь приходить сюда, когда угодно, хоть каждый день. Беседовать с тобой воочию так приятно, даже несмотря на присущую тебе сварливость.

— Что насчёт Тиббота? — подозрительный прищур зелёных глаз был призван намекнуть, что Шемс не понравилось стремление чёрта увильнуть от самой насущной на этот час темы.

— Дитя, образумься. Он всего лишь пища для Сатис, низшее существо. Я бы ещё понял твоё желание уберечь Дарреля — от плоти и крови, как ни как. Но мне совсем не по душе твоя привязанность к такому ничтожеству, как этот слабый человечиска.

— Напоминаю, я не сдамся.

— Признаться, ты меня огорчаешь... Ладно, ладно, будь по-твоему. Дарую вам полчаса. Но у меня есть условие. На остров отправится кто-то другой, кто из них, решай сама. Ты должна остаться дома. Здесь под моей защитой горгульи тебя не достанут.

— Тихик, а что с Евгенией? — напоследок Шемс хотелось рассеять туман неопределённости нависший над судьбой призрака, а то как-то непонятно у них там всё произошло.

Но отведённое время по-видимому истекло, красная вода переполнила чашу, и Шемс не услышала, что ответил ей чёрт. Вместо этого воздух наполнился стремительно нарастающим шумом, картинка окружающей реальности смазалась, но на этот раз Шемс сумела вовремя скоординироваться и правильно обрести точку опоры.

Начинаю привыкать, машинально подумала она.

Её встретили встревоженно. Даррель порывисто вскочил, подался было вперёд, но неуверенно остановился, будто боялся сделать неверный шаг. И даже Льюэллину не удалось сохранить видимость холонокровия.

— Где ты была? — беловолосая фигура поклоняющегося нависла над ней.

— У нас времени в обрез. Пошли, — Шемс схватила его за руку и потянула к выходу, но затем, спохватившись, притормозила, и быстро обернувшись к Даррелю, тихо попросила: — Дождись пробуждения Евгении, пожалуйста.

Вдвоём они ворвались в покои Шемс и стремглав бросились к окну.

— Не обманул, — Шемс с облегчением выдохнула.

— Портал построен, но путь через него запечатан, как и во всех окнах дома. Ты уверена, что сумеешь его открыть? — глаза Льюэллина пытливо изучали обстановку.

А Шемс подумалось, что вот бы прямо сейчас после всего пережитого очередная подпитка магией круга пришлась в самый раз. Но нет, некогда отвлекаться, придётся обойтись последними скудными остатками сил.

Вот чудесные крохотные искры отделились от ладоней. Не ведающие законов земного притяжения взмыли вверх и в стороны, свободно пролетев сквозь стекло, будто и не вставало на их пути преграды, а потом бесследно растворились в подлунном пространстве.

Никогда прежде Льюэллин не смотрел на Шемс таким задумчивым и в то же время изумлённым взглядом. Она даже немножко возгордилась.

— Ну иди, — девушка отступила на шаг и заботливо напомнила: — Ты главное — как можно осторожнее. Отыщешь Тиббота и сразу обратно. Не исключено, что где-то на острове горгульи всё ещё поджидают нас. Так что не задерживайтесь.

К ночи небо на острове расчистилось и замерцало рассыпавшимися звёздами. Огромная круглая луна озарила лес и горы, проливаясь на них бесконечными серебряными потоками.

Шемс проводила Льюэллину и в волнении бросила взгляд на часы — без четверти два. При всём желании хоть чем-то помочь, она не знала, что ещё может сделать, кроме как просто смотреть в распахнутое окно. Впрочем... им понадобится лестница! Это ведь гораздо удобнее, чем карабкаться по простыне. Девушка встрепенулась, сорвалась с места и исчезла за входной дверью.

— Тихик, — позвала Шемс, заглядывая в кладовку. На секунду запнулась, попробовав непривычное обращение, но быстро взяла себя в руки. — Тихик, мне нужна приставная лестница или стремянка с плоскими ступеньками.

Просьба была услышана и немедленно выполнена. Какое-то время ушло на то чтобы доставить, надо сказать, совсем нелёгкий предмет в комнату, затем спустить её через окно и надёжно установить у стены. Проверка на устойчивость показала удовлетворительный результат.

Ну где же они?!

Глаза слезились от напряжения и ледяного дыхания зимы, но продолжали всматриваться в тёмные силуэты деревьев и кустарников, в каждый уголок запорошенной снегом тропинки, на которой по-прежнему было пусто. Время таяло на глазах и Шемс совсем извелась.

Но вот, наконец-то, вдали улавливается движение. Да, это точно Льюэллин идёт на лыжах, но слишком медленно, потому что тащит на своих плечах брата... Сердце пропустило удар. Три минуты. У них всего три минуты на то чтобы преодолеть лесную полосу. Шемс замотала головой в бессильном отрицании и несогласии. Но факт — вещь упрямая. Не успеют. С такой скоростью это сделать нереально.

Две минуты. Губы искусаны, нижняя кровит, а в животе сжимается комок из страха и беспомощности. Станет ли Тихик ждать сверх строго отведённого времени? Маловероятно.

Шемс поняла, что не видит иного выхода. Не дожидаясь истечения последних секунд, она быстро перелезла через подоконник и спустилась вниз. Расчёт оправдался — окно за ней не захлопнулось. Пусть чёрт разозлится и сочтёт её лгуньей, но на верную гибель обречь не станет. Он недвусмысленно приписал её жизни какую-то особую ценность.

— Скорее! — она призывно замахала руками, больше из-за собственной внутренней нервозности, в душе прекрасно понимая, что Льюэллин и так торопится, как может.

Наконец-то, добрались. Тёплый оранжевый свет из окна освещал кусочек уличного пространства, играя бликами на снегу. И в этом пятне смещения искусственного и волшебного изменчивого лунного света Шемс увидела Тиббота: смертельно бледная кожа, мокрые рыжие волосы сосульками липли ко лбу, глаза закрыты, одежда в крови.

— Он ведь не...

— Жив, только без сознания, — заверил Льюэллин. — Быстро полезай внутрь.

— Ну уж нет, больше я такой ошибки не совершу. Только после вас.

Шемс видела, что Тиббот сильно ранен, но он был жив, а это главное, и нет сомнений, что вскоре магия дома чудесным образом исцелит жуткие раны на его теле. От этой мысли у неё немного отлегло от сердца.

Пока Льюэллин осторожно поднимал брата наверх, Шемс суежилась вниз, изо всех сил стараясь быть полезной. И вот, благодаря их общим усилиям, Тиббот всё-таки оказался внутри её спальни, а значит он спасён. Шемс устало выдохнула накопившееся напряжение, и теперь уже сама карабкалась по прочным перекладинам приставной лестницы. Льюэллин по ту сторону окна протянул девушке свою руку.

Дальше всё произошло настолько стремительно, что Шемс даже толком среагировать не успела. Вот она смотрит вверх и её взгляд встречается со светлыми, лазурного цвета глазами. Развёрнутая мужская ладонь ждёт, и её худенькая девичья ручка доверчиво тянется навстречу, а в следующий миг боль обжигает икры ног, что-то острое впивается, расцарапывая кожу, чья-то злая сила срывает с лестницы и тянет прочь. Позади слышится хлопанье крыльев и Шемс догадывается кому они принадлежат.

От неожиданности девушка вскрикнула, лестница под ней рухнула.

Льюэллин таки успел схватить Шемс, и теперь держал крепко и отпускать вроде бы не собирался. Вот только, незаметно подкравшаяся горгулья, также не желала расставаться с добычей, мощными когтями вцепилась в плоть, и рубиновые брызги крови разлетелись, орошая снег. У Шемс потемнело в глазах от боли. Ей казалось, что сейчас эти двое разорвут её на части и останутся каждый при своём. Боль разрасталась, становилась всё ярче, ослепляла разум. Сквозь помутневший рассудок до Шемс вдруг дошло, что красная вспышка — это вовсе не лопающиеся где-то внутри её головы сосуды, а взорвавшийся шар огня, выпущенный заклинанием Льюэллина в сторону напавшей на девушку крылатой твари.

Негодующий вопль за спиной это подтвердил. Заклинание отбросило горгулью в сторону, со всего размаху впечатав её в росшее неподалёку дерево. Льюэллин воспользовался моментом и немедленно втянул Шемс в окно. Створка тотчас захлопнулась, и за стеклом вместо зимнего пейзажа встал стеной непроглядный серый туман.

— Спасибо, — сидя на полу с жалким видом Шемс на несколько секунд зажмурилась, справляясь с болью.

— Ты как? — по его лицу пробежала тень обеспокоенности за неё? Или показалось? — Царапины заживут, но потребуется некоторое время.

— Я потерплю.

Они уложили Тиббота в постель, обработали и перевязали раны, обтёрли спину и грудь тёплым влажным полотенцем.

— Присмотри за ним, — попросил Льюэллин, бережно стирая со щеки брата пятнышки запёкшейся крови. — Я должен уйти... убедиться, что мы не вызвали подозрений

у Властвующей. Сейчас, как никогда следует избегать лишней суеты и опасных столкновений, случившееся ни в коем случае не должно привлечь её внимание.

— Разумеется. Я всё понимаю. Ты не беспокойся. Я ни на шаг от него не отойду до твоего возвращения. Обещаю.

Шемс присела на пол, положив подбородок на край кровати и, затаив дыхание, смотрела, как время от времени подрагивают густые ресницы на совершенно белом лице спящего парня, как чуть заметно поднимается и опускается под одеялом его грудь. Спустя несколько минут девушка осмелилась осторожно прикоснуться ладошкой к его пылающему лбу, а затем как-то невзначай подушечками пальцев стала выводить узоры на его коже.

— Просто отдыхай. Всё позади, ты дома в безопасности. И я рядом, — шептала она, блаженно улыбаясь.

Тиббот хрипло кашлянул во сне и Шемс резко отдернула руку, вдруг застыдившись нахлынувшей нежностью. Но дымка забытья по-прежнему окутывала его разум, редкое состояние покоя, без чувств, без сновидений.

Нехотя девушка перебралась в кресло, устало откинулась на мягкую спинку и принялась смотреть в потолок, борясь с одолевающей сонливостью.

— Шемс? Это правда ты, а не какой-то странный предсмертный глюк? — Тиббот открыл глаза и попробовал было приподняться, но со стоном рухнул обратно.

— Эй! Ты что такое говоришь? — Шемс стрелой метнулась снова к постели. — Конечно это я, кто же ещё. А ты лежи, лежи, рано тебе ещё вставать.

— Вот это похоже на правду, — Тиббот слабо кивнул и обвёл мутными глазами комнату. — Честно говоря не верится, что я выбрался живым из той передрыги. Думал эти твари выпотрошили меня ещё в небе, до того, как швырнули вниз... Веришь, Шемс, в моём боку торчал острый сук... кажется, я напоролся на поваленное дерево, когда катился по склону. Помню, что пытался вытащить его и не смог...

— Не нужно сейчас думать о плохом. Ты согрелся? Хочешь, принесу ещё одеяло?

Тёплый голос Шемс мастерски возвращал его их тревожной паутины мыслей.

— Не нужно, малыш. Ей-богу — всё отлично. У тебя прекрасная постель, теперь я уверен, что это самое уютное место во вселенной. Век бы так лежал себе и тобой любовался. А что произошло там... очевидно оно стоило того, чтобы теперь просто наслаждаться твоим безраздельным вниманием. Ну и немножко почувствовать себя богом — Прометеем.

— Ты явно идёшь на поправку, — личико Шемс порозовело от смущения. — Вот увидишь, мы будем заботиться о тебе не хуже всяких там докторов, только давай без дурацких шуточек. И... и прости меня, Тиббот.

— Нет тут твоей вины. Это наша жизнь, она всегда такая. А вот моему эгоизму похоже не существует предела, раз он заставляет меня радоваться тому, что ты стала частью всего этого.

Лёгкий стук в дверь в миг разрушил приватную атмосферу.

— Это должно быть Льюэллин, — Шемс с сожалением выпустила ладонь Тиббота и покинула спальню, чтобы встретить его брата.

Она не ошиблась. На пороге действительно оказался он. Шемс собиралась спросить, как прошла встреча с Сатис, но не смогла этого сделать. До сих пор так ни разу лично и не встретив Властвующую во плоти, она научилась воспринимать ту, ну почти, как некую абстрактную фигуру — вроде бы и существует где-то поблизости, а вроде и нет. И тут вот, казалось бы, простой вопрос, а грозил сделать бесплодный зловещий образ куда более реальным.

Впрочем, судя по решительному выражению лица, Льюэллину было не до Шемс с её сумбурных размышлений.

— Мне бы хотелось побыть с братом наедине.

— Да, конечно, — не сказать, чтобы Шемс сильно обиделась на то что её так нелюбезно выдворяют из собственных покоев, но всё же ощутила небольшой укол своему тщеславию. — Схожу проверю, как там Евгения и Даррель, — сказала она в пустоту, потому что Льюэллин уже скрылся в спальней, плотно закрыв за собой дверь.

Когда Шемс спустилась вниз, камень-алтарь стоял погасшим, отчего пещера, освещаемая теперь лишь свечами, тонула в неровной полумгле. Темноволосый парень и чернокожая девушка сидели прямо на полу и что-то обсуждали с меланхоличным видом. Завидев Шемс они внезапно умолкли, из чего сам собой напрашивался вывод, что обсуждали они её.

— Эй, это я — Евгения. У нас получилось! — девушка с лицом и телом Ионы нарушила затягивающуюся паузу и поднялась. Её приветливая улыбка, живой и лучистый взгляд наряду с телом казались такими непривычными, неузнаваемыми.

— Тебе придётся поработать над мимикой, иначе и не надейся обдурить Сатис.

— Ты права. Кажется, я совсем позабыла какого это управлять собственным телом, заставлять мышцы лица работать так, чтобы без труда в подходящий момент состричь нужную мину, — Евгения заключила Шемс в объятия. — Какая же ты тёплая. Не представляешь, насколько приятно осязать тепло.

— Там наверху тоже относительный порядок, — решила сообщить Шемс, хоть никто у неё и не спрашивал. — Тиббот понемногу приходит в себя. С ним сейчас Льюэллин, наверно, шпыняет брата за неосторожность. Этот всегда найдёт к чему придраться. Тибботу сейчас забота нужна, а не вот это вот выслушивание традиционных попреков.

— Ой-ой-ой, Шемс, — Евгения отстранилась, в её глазах ясно читалось осуждение. — Ситуация становится всё более отчаянной. Ну разве ж здесь место и время для влюблённостей? Не слушаешь меня, так вот спроси родителя.

Шемс отчаянно покраснела, и искоса взглянула на Дарреля, притихшего и мрачного.

Как же неловко она себя ощущала, будто навязывалась с помощью этого злосчастного дневника. Захотелось вырвать тетрадь из узловатых мужских рук, порвать в клочья, а затем сбежать куда-нибудь подальше ото всех. Впрочем, нет, не совсем... Сбежать от Тиббота ей нисколько не хочется.

— Может пойдём уже отсюда? — вяло предложила она, напрочь отбросив мысль о побеге. — Волнуюсь за Тиббота. Ну разве ж я не права? Льюэллин когда огорчается, бывает таким страшным...

— Шемс, стой! — взволнованный голос Дарреля дрогнул. Опираясь о ближайший сталагмит, он встал, но будто потеряв дар речи, осёкся и просто смотрел на неё в упрямом молчании, потерянный, опустошённый, протягивая руку, сжимающую дневник.

Искусственная натянутость сквозила в улыбке Евгении, которой она одарила этих двоих.

— Вам непременно нужно побыть вдвоём, так что лучше я поднимусь наверх одна. Да и признаться, сцены душещипательных откровений — это не моё.

Шемс проводила девушку тоскливым взглядом, потом приняла из рук Дарреля мамин дневник, и не зная, что делать дальше просто принялась скрести носком кроссовка рельефный пол пещеры.

— Шемс... — Даррель вновь обрёл дар речи. — Почему не сказала раньше?

— Ну-у-у... я же не знала, как именно тыотреагируешь, может эта новость вызовет у тебя неприязнь. Как-то было вообще не заметно, что ты мечтаешь о ребёнке.

— Так мне даже в голову такое не могло прийти. Не понимаю, как это вообще возможно.

— Ты не знаешь откуда берутся дети?

Он не сводил глаз с её лица, смотрел открыто и выжидательно.

— Мы, завлечённые в пасть преисподней, давно перешли в разряд пропащих людей, утратили смысл жизни, утратили себя... Что мы можем предложить своим детям, кроме идеи жертвенности и вечных страданий? Дети должны рождаться для счастья, а не быть рабами злых сил. Разве кто-то в здравом уме может желать родному человеку такой судьбы. Сатис сама уверяла, что магия дома делает нас не только бессмертными, но и бесплодными.

— Сатис не всесильна. Даже у демонов есть уязвимые места. Её превосходство основывается на магии сокрытия — инкапсуляции. Но магия круга ведь не берётся из ниоткуда... Магия — это энергия, и она требует жертвы. По крайней мере та, что доступна демонам возникает из страданий и смерти.

— Ты откуда знаешь?

— Моя знакомая — практикующий медиум, и она интенсивно изучает области оккультизма.

— Вот как. Не просто жажда чужих страданий, а прямая зависимость от них? Меж тем этот дом хранит грандиозную цельную систему оккультных знаний. Ты же видела нашу библиотеку. Но что в том толку, когда любая форма мысли, любое действие мгновенно становится известно Властвующей. Мы можем лишь слепо повиноваться. Любое проявление самостоятельности неизменно выводит её из себя.

— Это неправда. Теперь Дом на нашей стороне, точнее он не доносит Сатис ничего из того, что может навредить мне. Неожиданно я стала для него... хм... приоритетной ценностью, — Шемс понизила голос до шёпота. — Он говорит, что я похожа на них, что часть меня изначально принадлежит Аду.

— Кто говорит?

— Дом. У него есть тайна, и я не уверена, что имею право о ней рассказывать, — Шемс слегка поёжилась. — Может всё-таки пойдём обратно? Можно заварить чай и заказать к нему сладкого щербета.

Даррель задумчиво кивнул. Выглядел он всё ещё совершенно ошеломлённым и шёл неуверенно пошатываясь, будто медленно выходил из состояния сна.

— Господи, тебя вообще здесь быть не должно. Если бы я только знал... Мне следовало что-то сделать. Что угодно, лишь бы не допустить этого. Теперь всё видится по-другому. А тогда... вместо действительно чего-то важного я погряз в жалких и беспросветных внутренних конфликтах. Само собой разумеется, что в критический момент я оказался слеп и беспомощен.

— Мама иногда рассказывала о тебе. Но тогда это была просто иллюзия, а мне хотелось узнать тебя настоящего. Поэтому я пришла сюда. И я бы сделала это снова...

— Неоправданный риск, к которому тебя, должно быть, подтолкнула Улана. Импульсивно, а не сознательно, и наперекор всякому здравому смыслу. Её загадочное спасение не должно было стать причиной твоих проблем. Разве она не знала, какой смертельной опасности подвергает жизнь собственного ребёнка? Непостижимо, как вообще

ей удалось живой покинуть этот дом.

Шемс нахмурилась.

— Это ты сейчас пытаешься всю ответственность свалить на маму?

— Наверно я не так выразился, извини. Сама мысль, что я стал отцом никак не укладывается в голове. Безусловно, ты знала её куда дольше, вероятно, Улана старалась быть хорошей матерью, в меру своих сил.

— Она была лучшей.

Даррель досадливо пожал плечами.

— Спорно, раз умудрилась допустить твоё появление на нашем пороге. И вряд ли что-то сможет меня переубедить. Она не понаслышке знала, что тут за место. Ребёнок во власти демона — это отклонение даже по нашим нормам. Даже для Сатис — это перебор.

— Сегодня мне исполнилось семнадцать. Вернее, уже вчера. И ты, кстати, выглядишь ненамного старше. Знаешь, довольно странно смотреть на парня двадцати с небольшим лет и осознавать, что на самом деле он родился ещё в позапрошлом веке.

Даррель постепенно приходил в себя, ему даже удалось слегка усмехнуться.

— Я родился в Египте 135 лет назад. Даррель Уоллер из Александрии. Мог бы последовать по стопам родителей и стать первоклассным контрабандистом, но судьба сложилась иначе... И у меня есть дочь, о существовании которой до сегодняшнего дня я не имел никакого понятия. С ума сойти, да?

Тёмная кухня встречала их тишиной и привычным фиолетовым светом. За окном стоял густой туман. Шемс решила, что, наверно, таким образом Тихик усиливает защиту, отрубая все лишние порталы.

Добытая из шкафчика упаковка чая Пуэр и две красивые кружки неожиданно добавили уюта и теплоты в характер всего помещения.

— А я выросла в небольшом металлургическом городке. Вернее, это раньше он был металлургическим, а сейчас просто провинциальный город с полусотней тысяч жителей, пылью, неопрятными окраинами и пустым зданием бывшего завода, откуда охотники за металлом и прочим добром давным-давно растащили всё, что по силам. Единственным источником радости в этом унылом месте для меня были тренировки в спортивной секции и наши с мамой регулярные загородные прогулки.

— Мне... мне так жаль. При нашем безумном образе жизни внезапно открывшиеся обстоятельства заставляют чувствовать себя ужасно глупо, ведь я абсолютно ничего о тебе не знаю, какой была твоя жизнь. Я всё пропустил.

— Ну так вот же я, здесь. Сама могу рассказать, если тебе интересно.

Тепло от чая расплывалось по телу, по душе, побуждая к откровенности. Оказалось, так легко, так приятно, когда тебя слушают, просто говорить, выпуская всё скопившееся напряжение.

Евгения не переставала улыбаться и то, как мотылёк беззаботно кружила по покоям Ионы, то подолгу рассматривала отражение в зеркале, наслаждаясь красотой своего нового тела. Разве жизнь нам дана не для того, чтобы в конечном итоге осознать, что всё-всё с нами происходящее: мечты, совесть, крах надежд... имеет лишь сиюминутное значение? Пускай уже поздно жалеть о былых ошибках, но получив второй шанс, нужно использовать его по максимуму.

В дверь кто-то стукнул, и от этого простейшего действия сердце подскочило к горлу и забилося испуганной птицей. Девушка на миг застыла, настороженно осмысливая уже давно забытое ощущение.

— А, это ты, — выдохнула она с заметным облегчением. — Ты один? А где Шемс?

Не дожидаясь приглашения войти, Даррель переступил порог гостиной. Его узкое, обычно живое лицо, на этот раз было неподвижно, а глаза внимательно следили за Евгенией.

— Шемс спит. День выдался очень утомительным. Я отвёл её к себе, покуда её постель ещё какое-то время, скорее всего, будет занята Тибботом.

— Ах, ну да, конечно. От меня-то чего хочешь?

Даррель был слишком сосредоточен на своих мыслях, оттого сделался непривычно серьёзным, выдерживал паузы, точно обдумывал свои следующие слова, исчезло и его напускное разгильдяйство.

— Что насчёт твоих дальнейших намерений? Эту загадку лучше прояснить окончательно, — он решил не ходить вокруг да около. — Своего ты добила — получила тело для нового воплощения, но что дальше?

— А что дальше? — не поняла та.

— Кажется, Шемс доверяет тебе. Когда-нибудь ты чувствовала ответственность за что-то в своей жизни? Я вот чувствую — за ребёнка, за её судьбу. Это ведь правильно, считать своим долгом не дать Шемс стать жертвой обмана со стороны мнимых друзей.

— Человек, который жил всю жизнь, как ему удобно, решил поиграть в заботливого отца? Ладно, допускаю, что в тебе и впрямь заговорил родительский инстинкт, и всё же я была рядом с Шемс намного дольше твоего и делила с ней всё, что за эти месяцы выпало на её долю. Можешь не верить, но я не подлая и не двуличная, способна отличить добро от зла.

— Несколько часов назад ты отобрала чужое тело, и отправила дух Ионы в небытие, ради удовлетворения своих желаний.

— Технически я не принимала в этом участия. Вы с Льюэллином её убили. И если уж начистоту, то поступок Льюэллина хотя бы продиктован надеждой, что принесённая жертва спасёт его брата, а ты-то... просто делал то, что тебе велели, даже не задумываясь о причинах и последствиях. Так что не рассказывай мне тут о предательстве. Однажды вы все предали меня, бросив на растерзание Сатис, а после и вовсе думать забыли, уверившись в моём самоубийстве, а ведь я даже не помню, как совершила это с собой, даже размышлений о добровольном уходе из жизни не помню. Впрочем, возможно то был безотчётный порыв... Я почти постоянно находилась под властью какого-то гипноза.

— Ты кое-что говорила перед своей смертью. Улана пишет об этом в своём дневнике. Нечто похожее на пророчество, а может просто несла бессвязную околесицу, обезумив от пыток.

— Говорю же, не помню! В те редкие минуты, когда я выбиралась из пропасти беспомощности всё вокруг виделось, как в тумане.

Сквозь приоткрытую дверь откуда-то из глубины коридора послышались размеренные шаги, заставившие обоих умолкнуть, и минутой позже на пороге очередным незванным гостем появился Льюэллин. Взгляд ничего не выражающих голубых глаз не задержался на Дарреле дольше, чем на половину секунды, зато цепко приковался к лицу девушки.

— Иона, — заметив, как её густые брови удивлённо сошлись над тонкой переносицей, его губы тронула чуть заметная усмешка. — Оставь себе это имя, так будет легче вжиться в образ. Занять чужое тело — лишь половина достижения, а вот как переродиться в другую личность, чтобы ни словом, ни действием не вызвать ни единого подозрения? Этот вопрос, пожалуй, и для меня пока остаётся без ответа.

— И какие выводы должна я сделать из твоих смутных намёков? Льюэллин, к чему ты клонишь? Опасаешься быть замешанным в делах такого рода или считаешь, что Властвующую не убедит внешность Ионы?

— Из второго закономерно вытекает первое, — лёгкий вздох выдал его усталость. — Теперь к делу. Так понимаю, коснувшиеся тебя перемены, вызвали некоторую рассеянность, поэтому сегодня сам приготовил отвар для утреннего очищения гнойных ран Властвующей. Он на кухне, но советую поспешить.

— Я должна прямо сейчас подняться к Сатис? — и вот вся бравада в мгновение улетучивается. Теперь-то, наконец, на лице Евгении отразилось неподдельное смятение и даже страх.

Вот только Льюэллин смотрел на неё по-прежнему, без сочувствия и без тени участия.

— Ты ведь не могла не знать, что проведение ежедневных процедур и подготовка к ним входило в обязанности Ионы. Теперь любые лекарства, яды, колдовские зелья — твоя проблема, полученная по наследству. Разумеется, ты можешь попросить кого-нибудь выполнить часть работы за тебя. Вот Даррель, например, совершенно не обременён лишними заботами.

От ледяного взгляда Евгения сникла окончательно.

— Вряд ли имеет смысл ждать поддержки от лицемера, который первым наложил на меня заклинание оцепенения. К тому же заботы об обретенной дочери заслонили для него всё другое. Только посмотри, как Даррель рьяно вживается в роль отца. Он уже почти на половину суток, а то и дольше, забыл о бутылке...

— Какого ещё отца? — перебил Льюэллин. — О чём ты говоришь?

— Прости, Даррель! Кажется, ненароком я выдала ваш секрет. Но разве теперь это что-нибудь меняет? — она с подчёркнутой неприязнью взглянула на Льюэллина. — Шемс оказалась его родной дочерью. Такие вот новости. Судя по всему, Улана продолжает преподносить Даррелю сюрпризы даже после своей смерти.

И если уж бесстрастный Льюэллин явно впал в ступор и потребовалось какое-то время на молчаливое переваривание невообразимых событий, можно сделать очевидные выводы, насколько новость эта для обитателей дома оказалась сенсационной.

— Только попробуй сболтнуть о ней Сатис, — Даррель гневно ткнул пальцем в сторону Льюэллина. — И брату своему скажи, пусть держится от Шемс подальше.

Шоковый эффект продлился недолго. После мрачных, почти угрожающих интонаций в голосе Дарреля в облик Льюэллина мигом вернулась холодная отрешённость, взгляд прицельно кольнул недоверием обоих собеседников.

— Шемс и раньше давала достаточно поводов для привлечения внимания Властвующей. И раз уж ты вознамерился взять на себя новые обязательства, так подходи к делу с умом. Воспитывай Шемс, а не нас.

— Отлично! Уверен, что ты понимаешь, прознай Сатис о происхождении Шемс, ей немедленно станет известно и о том, что твой брат был в курсе всего происходящего за её спиной.

— За нашими спинами. Тебя, вроде, тоже долго не включали в список посвящённых.

— Я это переживу. Просто хочу, чтобы вы оба понимали, никому из нас не выгодно идти на попятную. Предательства Сатис не прощает, кто бы не приполз к ней, опустив шею и изображая полное раскаяние.

С сочных губ Евгении слетело возмущённое фырканье.

— После всего, что со мной было, надеюсь никому не придёт в голову подозревать и меня в пособничестве Сатис. Ведь это просто нелепо.

— Неужели? — Льюэллин изобразил на лице гримасу скептичности. — Душа Ионь навсегда оставила свой отпечаток в этом теле. А связывающая вас эмпатия может в самый неподходящий момент сыграть очень злую шутку. Тебе ещё предстоит научиться отличать свои чувства от отголосков чувств Ионы, чтобы среди внутренних противоречий сохранить себя, как единое целое, — мужчина мстительно сузил глаза и притворно-участливым тоном добавил: — Да, наверно не лишним будет упомянуть, что остывший отвар приводит Сатис в бешенство, — сказал и быстро покинул компанию, демонстрируя, как они оба ему неинтересны.

Евгения не удержала прерывистого вдоха. Паника охватывала всё сильнее, пробирала до дрожи, до замиранья сердца.

— Я схожу к Властвующей, — угрюмо буркнул Даррель.

— Почему? — облегчение боролось с волнением и недоверием.

— Не хочу, чтобы ты всех нас подставила в первый же день.

— Спасибо.

Хмурый взгляд скользнул по окну, затянутому туманной пеленой и вернулся к собеседнице, напряжённо буравя её лицо.

— Проследи за Шемс. Раз уж она тебе доверяет больше других, и ты имеешь на неё влияние, авось получится уберечь девочку от глупостей, которые она наверняка постарается совершить.

*

И душно, и жарко — пот пропитал простыни. Шемс металась в постели, как в бреду повторяя бессвязные слова. Высокий торшер с металлической лампой в пепельно-серой комнате наполнял пространство мягким рассеянным светом. Но мозг спящей создавал иную действительность. Она видела пещеру, погружённую во тьму, она стояла в одиночестве на краю чернеющей зеркальной глади, а из-под каменных укрытий, из укромных уголков выползали зловещие тени странных существ без ртов и глаз. И надо обернуться, и страшно обернуться, потому что позади из чернеющей глубины подземного колодца веет ледяным дыханием смерти, и гулко капает по щербатым плитам слёзы чьих-то душ.

То ли всхлип, то ли стон слетел с припухших губ — она опять проснулась от кошмара. Не понимая спросонья что происходит, Шемс резко села в кровати и яростно потёрла глаза пальцами. Сознание постепенно прояснялось, однако беспокойное ощущение ото сна не покидало девушку. Остаться в одиночестве в таком состоянии не было ни малейшей охоты.

Проверив свои покои и не обнаружив в них Тиббота, Шемс предсказуемо озадачилась демонстративно выставленной на столе малахитовой табакеркой.

— Тихик? Ты снова хочешь поговорить? — уточнила она у стен умильным полушёпотом.

Электрические лампочки в напольных торшерах и настенных бра дружно подмигнули, а входная дверь плавно откатилась в сторону, явив пространство пустынного коридора с бегущими по его стенам расплывчатыми тенями. Такое недвусмысленное приглашение сулило возможные открытия новых тайных знаний, и главное — это шанс отвлечься от переживания вины, с каждым часом всё глубже затягивающее в воронку тоскливой безнадёжности. Вот значит какого оно — чувствовать себя убийцей. Это хуже любого наказания.

Шемс спустилась в пещеру, предусмотрительно захватив с собой фанатик, что, как оказалось, было верным решением. Узкий луч запрыгал по пространству, погружённому во тьму, и девушка немедленно принялась за дело. Всё, как в прошлый раз: в заиндевелевшей стене фонтан с тремя разноцветными источниками и чаша, которую следует установить вот так, под ярко красную струйку... Дальше знакомое головокружение, ощущение падения... Фонарик вдруг погас и не осталось ни единого источника света.

— Рад новой встрече, дитя, — раздался приветливый голос неподалёку.

— Привет, — Шемс безрезультатно пощелкала выключателем и рассеянно заметила: — Может хотя бы свечи зажжёшь, не видно же ничего.

— Это как же не видно-то? А ты повнимательнее присмотришься.

— Мне не доступно такое суперское зрение.

— С чего ты взяла, что недоступно? Тебе доступно многое, просто некому было научить пользоваться своей силой... Нет, это не так работает. Не нужно изо всех сил щуриться, — хихикнул из темноты Тихик. — Не напрягайся. Вдохни поглубже... почувствуй окружающую тебя тьму, физически ощути её прикосновения... проникни за её пределы...

— Не получается!

— Не страшно. Начни тренироваться каждый день, и вот увидишь, результаты не заставят себя ждать. Я подскажу пару заклинаний для концентрации на первое время. Потом научишься легко справляться без них.

— А видеть сквозь стены? Эту способность я тоже смогу контролировать? — Шемс продемонстрировала заинтересованность.

— Безусловно, — подтвердил бесплотный голос. — Постепенно, незаметно для Сатис, ты проникнешь в магическую структуру, увидишь её изнутри, сольёшься с ней, станешь неотъемлемой частью всего этого. Очень скоро вся власть над домом будет принадлежать только тебе.

— Почему ты это делаешь? Разве твои действия не нарушают какие-нибудь строгие правила? Разве за подобное не предусматривается страшная кара?

— Всё ради тебя, дитя. Уже столько пунктов нарушено, что обратного пути не может быть. Конечно, мне было бы куда проще защитить тебя, если б ты сама чуть более осторожничала, например, не совалась в лапы горгулий. Надо беспокоиться о собственной безопасности, а не лезть на рожон ради смертных.

— Ты тоже их боишься? — слепо глядя в пустоту, спросила Шемс. — Они могут убить даже тебя?

— Дитя, ты не только плохо видишь, но и невнимательно слушаешь. Пора встряхнуться,

как следует. А то, заикливаясь на второстепенных вопросах, ты полностью упускаешь основную суть. Их цель вернуть беглецов в Ад. А моя цель, всеми силами, хоть немного оттянуть неизбежное.

Вернулась из пещеры Шемс с твёрдым намерением последовать совету домашнего чёрта или кем бы он там ни был... Тут ведь что главное? Чтоб успешно освоить непосланные ей сверхъестественные силы необходимо упражняться каждую свободную минуту. Ну а поскольку проблем с нехваткой времени вроде как не испытывается, то бери волю в кулак и упражняйся на здоровье хоть целыми сутками. Только для начала, спохватилась Шемс, надо проверить, как там себя чувствует Тиббот.

Попытка проникновения в магическую структуру дома и открывание дверей без помощи Тихика и на этот раз провалилась, пришлось стучать.

— А я уж было решил, что все обо мне забыли. Не слишком приятное чувство, честное слово. Зато, как же я счастлив теперь, когда ты снова рядышком, это подтверждает, что наша дружба становится крепче, — Тиббот загадочно смотрел на девушку и широко улыбался, показывая свои идеально белые, ровные зубы.

— Конечно, — Шемс тоже попробовала выжать из себя улыбку. — Твой брат разве не рассказал, что прошлую ночь мы только тем и занимались, что искали способ вернуть тебя обратно?

Радовало, что Тиббот выглядел бодрым, пусть и всё ещё довольно бледным, но его настроение и жизненный тонус определённо приходили в норму.

Устраиваясь в кресле, Шемс незаметно поправила высокие гольфы на своих ногах, прикрывающие следы от жутких когтей горгулий. Заживали они конечно впечатляюще быстро, но не сиюминутно, как это обычно происходит в фильмах про магов.

— Ну, стоило ожидать, что финал той лыжной эпопеи окажется совсем не таким романтичным, как начало. Это естественно, покуда на нас распространяется влияние Властвующей. — Тиббот прошёлся по комнате туда и обратно, присел напротив Шемс. — Я тут вот что подумал. Раз уж мы оба волей небес остались живы, так может, бросить всё к чёрту... Давай сбежим отсюда, а Шемс? Знаю, звучит безрассудно, но и вся жизнь тут — сплошные риски. У меня есть доступ к выходу. Выберем подходящий момент, и я выведу тебя наружу.

Такого поворота разговора Шемс не ожидала, поэтому сначала немного опешила. Два зелёных глаза удивлённо вперились в парня.

— Но нам некуда бежать...

— Там за дверями целый мир, Шемс. Он огромный. Обещаю, в каком-нибудь отдалённом уголке для нас обязательно найдётся спокойное местечко.

— А как же Льюэллин? Неужели ты готов бросить своего брата? И Даррель... то есть мой отец... вынужден будет остаться и до конца дней терпеть тиранию Сатис? — Шемс внутренне съёжилась, признание давалось нелегко. — Но есть и ещё кое-что. Тут случайно выяснилось, что я тоже чуть-чуть демон. Вроде как, мои человеческие гены разбавлены генами демонической расы и теперь мутировали под воздействием магической взаимосвязи с сородичами из Ада. Ну и теперь, когда эта... часть меня пробудилась, мне стало опасно покидать пределы дома. Выбор у меня один: уничтожить Сатис или уничтожат меня.

— Ого, — судя по лицу, Тиббот пришёл в растерянность. — Чем дальше, тем быстрее и катастрофичнее всё движется наперекосяк. Даже мне, человеку бывалому, не будет достаточно пары секунд, чтобы переварить такую новость. Расскажешь, как это случилось?

— Изошрённые происки Дома, — сказала Шемс уклончиво, не вдаваясь в подробности. — Прошлая ночь для всех была долгой и насыщенной. Льюэллин скрыл от Сатис эту мою идиотскую выходку, да и о прежних, как видно, тоже не сообщал, а Даррель читал мамин дневник и теперь он знает. Подозреваю, что все уже знают.

Шемс не ошиблась, почувствовав, что настроение парня заметно померкло. Отношения между поклоняющимися вовсю сквозили холодком недоверия, потому что длительное знакомство — совсем не гарант доверительного общения. Вот и Даррель с Тибботом за более чем столетнее соседство друзьями так видно и не стали.

— Надеюсь, хоть тут всё прошло гладко?

— Вроде бы. Мы поговорили и, кажется, нам удалось немного больше сблизиться, — с щемящим страхом Шемс гадала, известно ли Тибботу о смерти Ионы, сказал ли ему Льюэллин. Как же тяжело и духу не хватает быть вестником плохих вестей.

— А чего вид такой кислый? Я почти готов порадоваться за тебя, только такое чувство, что что-то здесь не так.

— Дело не в Дарреле. Просто... знаю, за плохие поступки всегда приходится расплачиваться. А я совершила очень-очень плохой поступок. Ты точно из-за этого изменишь отношение ко мне, Тиббот, станешь осуждать. Да как не осуждать-то?

— Ты всерьёз говоришь это человеку, который за последние сто сорок пять лет потерял счёт совершённым преступлениям? Шемс, что бы ты там не сделала, я не стану тебя судить, права такого не имею, да и не верю я, что ты способна на что-то подобное.

— Ну я же теперь того — полудемон.

— Все мы тут того и уже давно ... Послушай, малыш, откройся, расскажи, что с тобой происходит. Помнишь, я говорил, какая это плохая привычка держать в себе лишний груз?

Шемс сцепила руки, до боли вбиваясь ногтями в кожу, и обречённо смотрела на ковёр. Страх не желал отпустить, а становился лишь сильнее и проникал всё глубже.

— Я не хочу стать, как Сатис, я не такая, — шептали губы в каком-то отчаянном бессилии, и подступившие слёзы закапали произвольно на подол платья. — Не хочу, не хочу, не хочу!

— Эй, — Тиббот подался вперёд, вставая перед ней на колени, обнимая и легонько поглаживая спину ласковыми пальцами. Покладисто уступая, Шемс котёнком льнула к его уютной груди.

Кто-то стучал в дверь — совершенно не вовремя.

— Подожди минутку, сейчас я от него избавлюсь.

— Нет, я в порядке... Сейчас буду в порядке, — Шемс торопливо вытерла щёки, несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула.

Тиббот открыл дверь в уверенности, что чрезмерно заботливый брат в очередной раз заглянул его проведать и ошибся.

— Привет... Слушай, Иона, сейчас немного неудачное время...

Шемс будто ледяной стрелой пронзило и тут же бросило в жар.

— А я, между прочим, за тебя переживала, — насмешливо прозвучал с порога голос Ионы. — Неужели даже войти не позволишь?

— Я почти восстановился, осталось привести в порядок свои изрядно потрёпанные чувства, поразмыслить. Неужели трудно представить, что мне, как и любому человеку, требуется порой побыть одному в тишине и уединении?

— В уединении, говоришь? А разве Шемс не с тобой? Я была уверена, что отыщу её тут?

— Зачем тебе Шемс? Я ведь просил просто оставить её в покое.

— И всё же я войду.

Тиббот, вынужденный посторониться, нервно взлохматил на своей голове волосы, поглядывая вслед напористой девице.

— Привет, подруга. Удалось хоть немного поспать? Выглядишь не очень, — Евгения лукаво подмигнула Шемс, без разрешения опустилась в кресло Тиббота и с любопытством осмотрелась. Очевидно, царивший в комнате творческий бардак произвёл на неё впечатление.

Тиббот, не посвящённый в подоплёку происходящего, счёл её слова обыкновенным сарказмом.

— Прекрати цепляться, Иона. И разве ты не должна сейчас купать Властвующую?

— А, точно — моя служба. Знаете, сегодня прямо день душевности какой-то. Льюэллин приготовил варево, а Даррель любезно вызвался подменить меня в покоях Властвующей. Бога ради, не подумайте, будто я плачу чёрной неблагодарностью, помощь я ценю. Возможно, при иных обстоятельствах их поддержка даже могла бы пробудить во мне священное чувство долга, только долг мой прежде времени был уплачен стократно.

Тиббот слушал её речь несколько обалдело.

— Ты, Иона, что-то нынче сама не своя.

— Ха! Кажется, кого-то смущает, что из моей манеры говорить исчезла вульгарная грубость?

— Смена одежды на чуть более закрытую и искоренение из лексикона бранных слов не превратят тебя в истинную леди, если язвительность, исходящая изнутри, улавливается, как и прежде.

— Что ты хочешь этим сказать? — Евгения чуть не задохнулась от возмущения.

— Хватит! — Шемс порывисто вскочила, хватаясь руками за голову. — Прекратите! Это не Иона! Иона умерла, я её убила, а Евгения заняла освободившееся тело, — прокричала и, разрыдавшись, выбежала из комнаты.

Происходящее казалось чистым сумасшествием, и она ввязалась в это по доброй воле. Безусловно, там в подвале, подле алтаря с умирающей Ионой, каждый сделал свой непростой выбор. И теперь уже ничто не могло изменить принятого решения и отменить смертного приговора, приведённого в исполнение. Вот и назойливый голос в голове звучит слишком убедительно, утверждая: — «Ты чудовище, Шемс. Теперь все увидят, какое ты чудовище».

Нездоровый азарт побудил остановиться напротив лестничных ступеней.

— Ты думала, что все завидуют твоей злобной силе? Мечтают быть такими, как ты? — бросила девушка в сумрачную пустоту над лестницей, дерзко, но не слишком громко. — Нет! И даже не близко. Ты веками отсиживаешься взаперти, во тьме, просто отсрочивая момент своего поражения, я же — сама определяю своё будущее.

«Тогда, твоё будущее окажется очень коротким» — внутренний голос отозвался злой насмешкой.

Чуть позже, закрывшись в ванной, Шемс шагнула под душ, где, наконец-то, дала полную волю слезам.

— Пей, Сатис, пей, — приговаривала она в исступлении. — Авось подавишься.

Слёзы закончились, а тугие тёплые струи воды всё падали и падали сверху, растекались ласкающими потоками по коже, очищая от страха, стыда и жалости к себе. И вместе с водой,

её постепенно окутывало долгожданное спокойствие. Скрестив ноги по-турецки, Шемс уселась прямо на дно душевой кабины, расслабила мышцы, выровняла дыхание. Вдох-выдох и глаза сами по себе закрываются, будто дают возможность проникнуться, впитать, переполниться звуками, запахами, осязанием водной стихии. И вот вода брызжет уже не из обычной душевой лейки — Шемс слышит шум летнего, звенящего дождя в одном из многочисленных миров, переплетённых между собой. Под аккомпанемент барабнящих капель хотелось плыть за тем дождём в какой-то странной истоме, но Шемс знает, что может погрузиться ещё глубже — в таинственную тёмную материю, исследовать её...

Вдруг, нарушая воцарившуюся в душе безмятежность и принося хаос, в её спокойное течение мыслей откуда-то ворвался голос Тиббота. Шемс распахнула глаза и поняла, что находится уже не в своих покоях. Она даже не была в полной мере собой, представ чем-то вроде незримой бестелесной субстанции, слившись со стенами, став частью заколдованного дома. Ура! Получилось.

Ей показалось, что она прокричала это вслух, но никто её не услышал. То была всего лишь мысль, непреобразованная в звук. Шемс не могла заговорить, не могла появиться перед ними, она могла только наблюдать.

Тиббот остановился в центре комнаты, растерянно гипнотизируя карандашный эскиз на мольберте.

— ...бессмысленная смерть, ни на что не повлиявшая, — закончил он начатую ранее фразу.

— Это жизнь её была бессмысленной, — Евгения раздражённо передёрнула плечами. — Зато я теперь живая.

— А чем ты лучше? Почему считаешь себя более других достойной жизни?

Евгения примирительно вздохнула, подошла к нему поближе, и тоже взглянула на мольберт.

— Слушай, я верю, что тебе жаль Иону. Всё-таки вы были близки в некотором роде... Но она напала на Шемс с ножом поклоняющихся. Повезло, что девочка хорошо умеет драться, плохо, что Иона разгадала её магический секрет. Теперь представь себе последствия, успеи Иона выдать всех Властвующей. Каковы были бы тогда твои шансы выбраться с острова или хотя бы просто выжить?

— Мы всегда находим оправдания своей жестокости, даже не ощущая тяжести вечного притворства... Ты помнишь свой первый день в доме, Евгения?

— Хотелось бы забыть, да не получается.

— Все эти разговоры об относительности зла и компромиссах на самом деле ничего не значат, разве что на время успокоить совесть. А всё оттого что мы не способны что-либо изменить пока не изменимся сами.

— Я наблюдала за тобой восемнадцать лет. Разве прежний Тиббот был готов рисковать собственной жизнью, оберегая ребёнка Дарреля от Сатис? — Евгения повернула к нему своё лицо, случайно прикоснувшись плечом к его плечу, и оба поспешно отпрянули назад, смотря изучающими взглядами, будто увидели друг в друге нечто новое.

— Странно, да? — после неловкой заминки отозвался Тиббот задумчиво. — Тратишь почти всю жизнь на попытки изжить из себя простое человеческое сострадание, учишься чёрствости и безразличию, а потом в один прекрасный момент понимаешь, что тебе глубоко плевать на все свои прошлые принципы, и вот она снова с тобой — твоя человечность, будто никуда и не девалась.

— Мы такие, какими нас создала природа: живём чувствами, хотим любви, хоть это и делает нас незащищёнными.

На этот раз соприкосновение пальцев их рук было осознанным, и глаза встретились с глазами, чёрные пронзительные со светло-кариими. Она чуть подняла лицо, а спустя мгновение его губы нашли её, вовлекая в долгий, страстный поцелуй...

А Шемс смотрела. Вынуждена была, потому что не знала, как не смотреть, как обратиться отсюда, как, в конце концов, вернуться в своё тело.

Тихик, откуда ни возьмись выпрыгнул перед ней, подобно чёрту из табакерки, заслоня обзор двух тел, стремившихся слиться воедино.

— Тебе неприятно видеть этих двоих вместе, — со знанием дела прокомментировал он. — Ты думала, что вы команда, а тут вдруг складывается впечатление, что каждый за себя... Идём.

По воле чёрта они перенеслись в подземелье. Теперь даже без освещения всё виделось чётко и в красках, не зрением, а раскрытым сознанием, проникающим сквозь окружающую их тьму.

Тихик резво забрался на каменный алтарь, чтобы там усестыся с довольным видом, беззаботно свесив ножки, мохнатые и с копытцами.

— Почему ты так расстроилась? — любопытно спросил он.

— Не хочу говорить об этом.

— Ладно. Тогда о приятном. От души хочу тебя похвалить, — его большой рот с острыми зубами радостно осерился. — Такой огромный прогресс наметился. Я прямо горжусь тобой!

— Душ помог расслабиться... Не очень понятно, на самом деле, как это работает. Получается, теперь я, как ты, могу контролировать всё в доме? — её вдруг осенило. — И добывать различные вещи?.. и строить порталы?!

— А ты бы этого хотела?

Шемс задумалась.

— Ну, намеренно подсматривать за людьми, я б не стала.

— Фу, подсматривать — это же, как минимум неприлично! Однако, подчас бывает ужасно занимательно, особенно поначалу. Вдобавок, вдруг кому-то срочно потребуется услуга или неотложная помощь. В общем, совет мой такой: не слишком борись с искушением, только от покоев Сатис держись подальше. Пока в вашем противостоянии ты всё-таки ей не ровня.

— Поняла. Всеми доступными способами избегать встречи с Сатис. Она способна меня заметить? Я ведь сейчас типа привидения, да?

— Нет, ты не привидение. Сейчас ты — это Дом. Пока твоё тело покоится в одном конкретном месте, душа присутствует всюду, точнее там, где пожелаешь.

— А где покоится твоё тело, Тихик? — Шемс подозрительно сощурилась.

— Да тут же неподалёку, — небрежно бросил чёрт, внезапно проявив горячий интерес к стреле на кончике своего хвоста.

— Ты не хочешь, чтобы я его увидела?

— Оно не в лучшем состоянии. Слишком часто нарушались пункты договора со всеми вытекающими последствиями... Впрочем, сейчас я хочу показать тебе кое-что другое. Приготовься.

Но Шемс не собиралась так легко менять тему разговора. В памяти отчётливо всплыла

картина с истлевшими останками Евгении в открытом гробу.

— Стой! Что происходит? Что с твоим телом?

— То, что и должно происходить... Во вселенной всё закономерно и последовательно, а мы не боги, чтоб менять извечные законы или устанавливать новые собственные. Нам дано лишь наблюдать и постигать её миропорядок, — чёрт неопределённо хмыкнул и проворно соскочил с камня вниз. — Дитя моё, давай-ка лучше мы с тобой заглянем за пределы...

И вновь недолгий полет, а потом Шемс видит резкий свет. Он заливает всё вокруг: крыльцо, вершину горы, синее небо. Отражая его, переливается и искрится снег. Да это же солнце! Боже мой! Шемс стоит в одной из боковых дверей, ведущих на улицу. Горная расщелина, укутанная чистейшим белым снегом, уходит под наклоном вверх. Сугробы намело не сказать, чтоб уж очень огромные, но вышагивать по ним вот так, местами еле-еле удерживаясь на корке хрустящего наста, местами глубоко проваливаясь, как это делает одинокая женщина неподалёку, просто верх легкомыслия. Фиолетовый пуховик, купленный в прошлом году через интернет-магазин, нарядный длиннющий шарф и чёрная шапка крупной вязки из-под которой выбиваются пряди рыжих волос, всколыхнули в Шемс целую бурю противоречивых чувств.

— Что она тут делает?!

— Ты знакома с этой женщиной? — Тихик стоял в проёме по другую сторону от центральной двери. — Я не в первый раз наблюдаю её здесь. Поначалу не придавал значения. Ну забрёл случайный человек средних лет, ну бывает. Когда она появилась повторно, я присмотрелся повнимательнее. Кое-какая магия в ней ощущается, но начавшееся увядание уже не остановить. В общем, по возрасту нам не подходит. И я снова её отпустил. Но когда она заявила сюда снова, я задумался и пришёл к выводу, что приходит она не просто так. Она ищет кого-то и, надо признать, очень настойчиво.

— Это Татьяна — друг нашей семьи, — если бы Шемс могла она бы расплакалась. — Тихик, ты ведь не позволишь ей войти?

— Нет, если ты этого не хочешь, — безразлично пожал плечами чёрт.

В представлении Шемс черти, демоны, ангелы — обитатели потустороннего мира, сверхъестественные духи, отягощённые бременем нести в себе либо доброту неисчерпаемую, либо чистое зло космических масштабов. Только пока ведётся вечная война сил Света и Тьмы, в мире людей, пусть неидеальных, пусть не святых, но уж точно не являющихся отъявленными злодеями, по крайней мере, не большинство из них, отсидивается в уютненьком своём логове настоящий злобный демон. Хоть у демона, в силу особых обстоятельств, весьма ограниченные возможности, тем не менее, несмотря на старания других могущественных сверхъестественных существ, взять к примеру горгулий, влияние демона вовсе не слабеет, а наоборот, растёт и распространяется. И тут уж как ни старайся, а любое твоё благое намерение, в прямом смысле слова, ведёт в Ад. Хотела обрести отца — неожиданный бонус, приобретение биополя существей иных пластов, отличный сигнальный маяк для горгулий. Хотела завести друзей — получи в ответ предательство...

Образ Татьяны перед глазами на время вытеснил печальные мысли о Евгении в объятиях Тиббота, но ровно до того момента, пока Шемс не отправилась обедать и не наткнулась в кухне на обоих своих приятелей.

— Это невероятно вкусно, — Евгения блаженно жмурилась, наслаждаясь едой без сожалений и угрызений совести. — Попробуй, Шемс. Оказывается, Тиббот не только холсты марать умеет, но ещё и готовит, как бог.

Шемс невольно скривилась, посмотрела на Тиббота, который мило ей кивнул, стоя возле плиты в белом фартуке и с полотенцем на руке.

— Просто ты истосковалась по нормальной человеческой еде, — сухо произнесла Шемс.

— Это правда, — Евгения отпила из бокала глоток игристого вина и задержала его во рту, оценивая нюансы вкуса. — Я словно заново познаю человеческие ощущения. Иногда это потрясает и даже становится страшноватым в своей реалистичности. Ты ведь понимаешь о чём я?

— Понимаю. Раньше ты лишь наблюдала, теперь дорвавшись, торопишься воплощать в жизнь родившиеся желания.

В этот момент Тиббот поставил перед Шемс тарелку с дивно пахнущим мясом, слегка покрытым каким-то изысканным соусом.

— Бон аппетит.

Благодарности в ответ он не дождался. Глаза Шемс зло сверкнули зелёным огнём. Схватив нож и вилку, она принялась поглощать еду, совсем не чувствуя вкуса изумительного блюда.

Тиббот с Евгенией обменялись взглядами, возможно гадая, что за причина обиженно дуться появилась у девушки на этот раз.

Сиреневые блики от фиолетовых колпаков на свечах неожиданно утратили налёт таинственной мистичности и вместо этого вызвали приступы вялой меланхолии. В непрошенных причудливых мыслях представлялось, будто остатки света, живущие в них, вот-вот окончательно вытеснятся тьмой.

— Эм, — Евгения чуть рассеянно взглянула в свою пустую тарелку и промокнула губы льняной салфеткой. — Мы с Тибботом тут порылись в библиотеке...

— Вот именно, — совершенно по-деловому продолжил за неё Тиббот, — нарыли кой-какую информацию про горгулий. Ты знала, что они боятся солнечного света?

— Об этом все знают, — Шемс заносчиво фыркнула. — При свете дня они превращаются в каменные статуи.

— Ага, и служат для украшения средневековых храмов, — фыркнул Тиббот недовольный, что Шемс явно не оценила его стараний. — Это мифы для людей, которые и в горгулий-то не верит. Однако сейчас, Шемс, мы говорим про реальных, живых тварей, открывших на тебя охоту, а не про сказочных персонажей. Будь добра, отнесись к этому серьёзно.

— Значит они не каменеют?

— Каменеют вообще-то. Я к тому, что нельзя изучать врага по таким ненадёжным источникам.

— Вот именно, — снова вмешалась в разговор Евгения. — А то выходит, что Тиббот зря потратил половину ночи, переводя с латыни две страницы из фолианта пятнадцатого века.

— Ты знаешь латынь? — удивилась Шемс.

— Немного, — Тиббот скромно пожал плечами. — Смысл в том, что у нас появилась одна идея. Конечно, её ещё нужно дорабатывать, усовершенствовать... Подождите тут, я сейчас принесу один артефакт.

— Конечно. Как будто я могу куда-то отсюда деться, — мрачно бросила Шемс ему вслед.

Резко поднявшись и похватав со стала грязную посуду, она едва ли не швырком отправила их в посудомоечную машину.

— Ты в порядке? — насторожилась Евгения. — Выглядишь какой-то раздражённой.

— Всё нормально. Ну так что за гениальная идея у вас появилась?

— Сперва нужно найти кого-то, кто сможет управлять ловцом солнца. Скорее всего — это будешь ты, потому что моя магия теперь сосредоточилась на зельеварение.

— Я думала, что магия идёт из души.

— Как видно связь с телом всё же сказывается.

— Ну да, теперь ты сваливаешь всю вину на Иону, — неожиданно огрызнулась Шемс.

— Да что с тобой такое? Ты на меня злишься что ли?

— Я же сказала — всё нормально!

— А с лицом что? Судя по злобному выражению, ты совсем не прочь кого-нибудь покалечить... Эй, Шемс, если продолжать играть в молчанку, проблема не исчезнет. Друзья для того и нужны, чтобы делиться мыслями и эмоциями, ну может ещё свежими сплетням.

Шемс пристально посмотрела подруге прямо в глаза.

— Помнишь, я рассказывала о способности видеть сквозь стены?

— Да, уникальный рентгеновский взгляд. Полезный дар.

— Раньше это всегда выходила спонтанно, без всякого контроля. Теперь я могу этим управлять.

— Ого. Так это же здорово! Любое наше преимущество — слабость противника.

— Я видела, как ты целовалась с Тибботом, — скороговоркой выпалила Шемс. Задрвав подбородок, она с вызовом воззрилась на молодую колдунью.

— Вот оно что, — та запнулась, будто раздумывая и пытаясь подобрать правильные слова. — А ты видела, что было после поцелуя?

— Фу, — Шемс брезгливо передёрнула плечами. — Разумеется нет! Я не извращенка

какая-то. Знала бы, чем вы там занимаетесь, в жизни бы не сунулась.

— Да не было ничего! И быть не могло. Не то чтобы я продолжала таить к Тибботу неприязнь, но неряха-сатанист уж наверняка не способен вызвать во мне особой симпатии. Это всё из-за распутства Ионы — странное физическое влечение к мужчине, который мне даже не нравится.

— И снова виновата, конечно же, Иона. Как удобно.

— Но это правда! Льюэллин предупреждал, что есть вероятность... остаточного явления. Это тело... просто сохранило привычку... близости с Тибботом. Привычку Ионы не мою.

— Значит Тиббота влечёт не к тебе, а к телу Ионы. Понятно.

— Но-но! Теперь это моё тело. А Тиббот... Ну ты как будто мужчин не знаешь. При виде хорошеньких женщин у них напрочь отключаются мозги.

— Похоже на него. Да и пофиг, всё это вообще не должно меня касаться.

— Значит разобрались? Вот и отлично.

Тиббот вернулся через несколько минут с артефактом — подвеской собранной из кусочков перламутра, только вот не один, а в компании брата, и лица у обоих были подозрительно напряжённые.

— Властвующая желает видеть Иону, — без интонации, без выражения, ровно произнёс Льюэллин. — Немедленно.

Шемс вздрогнула, и ощущая некое подобие мысленного ступора, спросила:

— Не знаешь зачем?

Евгения стояла рядом, совершенно оглушённая внезапным поворотом событий. Тиббот, с лицом белым как полотно, пустым помертвевшим взглядом смотрел в одну точку прямо перед собой.

— Раз уж взялась играть роль, то сделай это хорошо, — напутственно призвал Льюэллин.

Справившись с застрявшим в горле комом, Евгения набрала воздуха побольше, будто готовилась нырнуть в холодную воду с разбега, и не говоря больше ни слова вышла из кухни.

— Всё ведь обойдётся? — Шемс умоляюще смотрела в лица мужчин.

— Зависит от Евгении, — неподражаемо-холодным тоном ответил Льюэллин. — Наши жизни теперь зависят от того, сумеет ли она убедить Властвующую.

— Но ты не веришь, что она сумеет? — догадалась Шемс и помертвела от ужаса.

— Надо найти Дарреля. Следует подготовиться... к возможной битве.

Шемс поняла, что все они думают об одном и том же. Едва ли кто-то из них по-настоящему способен обвести вокруг пальца древнего демона, а также сразиться с ним и победить. И Льюэллин это знал, но почему-то всё равно решил сопротивляться, даже не веря в успех.

— Хорошо, — разгоняя вихрь путанных мыслей, она подняла перед собой ладони в успокаивающем жесте. Очень трудно сосредоточиться на чём-либо, но сейчас решался вопрос буквально жизни или смерти. — Вы приготовьте оружие, а мне нужно кое-что сделать.

— Что сделать? — Тиббот схватил её за руку. — Не вздумай отходить от меня ни на шаг, Шемс.

— Разыщите Дарреля. Обещаю, я вернусь через десять минут, — но убедившись, что освободить её от пальцев, крепко сжимающих кисть, сейчас способен только меткий удар в

пах, Шемс решила попробовать пойти другим путём. — Ладно-ладно, остаюсь здесь. Просто дай мне присесть. И отпусти руку, пожалуйста... Если б я могла телепортироваться, то уже бы это сделала.

— Я построю ловушки, сколько успею, — Льюэллин мрачно вздохнул и вслед за Евгенией покинул кухню.

Шемс поспешила устроиться в позе лотоса на круглом пёстром коврикe возле высокой деревянной этажерки, обвешанной сушёными букетами трав и цветов.

— Что происходит? — недоумевал Тиббот, наблюдая за ней.

— Хочу поговорить с духом дома, попросить его о помощи. А ты мне мешаешь. Помолчи, пожалуйста.

— Уверена, что знаешь, что делаешь?

Она не ответила. Лицо спокойно, глаза закрыты. Тиббот присел рядышком, коснулся блестящих волос, шелковистой щеки и на уровне инстинкта втянул её запах, ощутил тихое размеренное дыхание. Девушка и правда казалась спящей. В любом случае оставалось только ждать, чем всё это закончится.

— Тихик ты здесь? — Шемс осмотрелась в пространстве, неосвещённом ни единым оплывшим огарком свечи.

— Приветствую, дитя.

Он откликнулся, и Шемс сочла это добрым знаком.

— Нам срочно нужна твоя помощь.

— Знаю, — он появился перед ней с задумчивым выражением на мохнатой рожице, с характерным прищуром и скупой улыбкой, в руках зачем-то вертел малахитовую табакерку. — Последние события ускорили развязку, увы, я не успел должным образом подготовиться.

— Но ты ведь нам поможешь?

— Сразиться с Сатис? А я говорил, что появились некоторые проблемы с моей физической формой? Как только Сатис увидит меня во плоти, мигом сообразит, насколько я слаб.

— Она и так поймёт рано или поздно. А нам именно сейчас очень быгодились твои знания и магия.

— Меня не нужно уговаривать. Я и так приду защитить тебя, дитя, просто пытаюсь просчитать ходы, понять, какие у нас шансы, — его улыбка стала чуть более ободряющей, но взгляд оставался прежним — выражающим какую-то дикую нечеловеческую усталость...

Шемс распахнула глаза, машинально подалась вперёд и чуть было не разбила Тибботу нос, стукнувшись о него подбородком.

— Ой! — она пугливо отстранилась. Чего это он подсел так близко? Наблюдал за ней в момент погружённости её сознания в высокие материи?

— Как прошёл разговор с духом? — Тиббот казался немного смущённым.

— Он поможет, — Шемс приняла протянутую ей ладонь и, чувствуя, как трепетно застучало сердце, поднялась на ноги. — Пошли к остальным.

Жемчужная дымка вилась, расплзалась по коридору, обволакивая картины, полукруглые ниши, заполненные статуями мифических тварей. Пламя свечей казалось слабым и далёким, а мглистый воздух полнился приторным запахом ладана с примесью других благовоний.

Даррель с Льюэллином нашли возле чёрной лестницы.

Из одного небольшого холщового мешочка Даррель доставал по одному странные камешки с небольшими отверстиями, из другого — щепотками какую-то перетёртую траву, бормотал заклинания и продевал тонкие серебристые нити в отверстия. Вдоль всех ступеней Льюэллин развешивал их и другие амулеты с узорами древних сложных плетений.

— Осторожно, — Даррель предупреждающе посмотрел на присоединившихся к ним Шемс и Тиббота. — Не наступите на пентаграмму, а то испортите. Льюэллин сделал линии невидимыми. Хотя не представляю, какой в том толк. Если спектакль Евгении провалиться, разве эти «мышинные» ловушки сумеют остановить демона, — мрачно посетовал он, параллельно продолжая мастерить подвески.

— Остановить не остановят, но возможно помогут задержать, — будничным тоном отозвался сверху Льюэллин.

— Да ей наверняка уже известна каждая деталь наших намерений.

— Нет не известна, — Шемс подошла поближе, настороженно вглядываясь в сумрак над лестницей. — Дом больше ей не подчиняется, и даже готовиться выступить на нашей стороне, что для Сатис наверняка станет неприятной неожиданностью.

— Если это правда, так может он просто путь выпустит нас отсюда, а Сатис навечно замурует внутри?

— Во-первых, дом не на нашей стороне, а на стороне Шемс, — вмешался Тиббот. — А во-вторых, для Шемс снаружи также небезопасно. Вне дома она теперь — приманка для горгулий.

— Да нет же! Кажется, Даррель прав, — озарённая внезапной мыслью, Шемс просияла. — Вы можете спастись. Я сумею сделать так, что дом не станет вас удерживать.

— А ты? — Льюэллин неторопливо спустился по ступеням и аккуратно перешагнул невидимую пентаграмму.

— Я что-нибудь придумаю, — противореча ей, неприятный, тревожный холодок зародился где-то внутри живота и пробежался по всему телу. Шемс поёжилась. — Абсолютно точно мы с домом найдём разумный способ.

Оттенки замешательства, озадаченности, недоумения отразились на мужских лицах. Постепенно их длительное задумчивое молчание начинало нервировать.

— Я тоже останусь, — заявил, наконец, Тиббот. — Пускай покуда всё это очень смахивает на безнадёжный бунт, но кто знает, мало ли как оно обернётся.

Даррель ткнул пальцем в большую спортивную сумку возле стены:

— Я забрал из библиотеки бронзовый ятаган, разящий топор и епископский жезл — неплохое дополнение к эбеновым ножам, — сообщил он с неуместным вздохом облегчения.

Льюэллин, который во время продолжительной паузы не сводил внимательных глаз с брата, кивнул и сдержанно подытожил:

— В таком случае продолжим работу.

И тотчас за его словами сверху донёсся негромкий шорох открывающейся двери и лёгкие шаги. Взгляды присутствующих устремились на площадку второго этажа, привлечённые появлением Евгении, сжимающей в руке подсвечник на две свечи, едва ли озаряющих сгустившийся вокруг мрак.

Наверно, кому-нибудь стоило спросить Евгению, как всё прошло, только все молчат, будто воды в рот набрали, и неотрывно смотрят на неё. Смотрят, как узкая ладошка опускается и скользит по резным перилам из чёрного дерева, обрамляющих лестницу. Смотрят, словно зачарованные, и сопровождают глазами каждый шаг, настороженно подмечая всякие детали, как, например, дрожащие колени или нервное движение головы в сторону покоев Властвующей. Невидно ни крови и никаких других видимых следов истязаний, а длинные белоснежные косички, в скупом освещении, ещё больше подчёркивают тёмную кожу и притягательные, почти безупречные черты лица. Может и правда всё обошлось благополучно?

Шемс посмотрела на Льюэллина. Он мог бы показаться расслабленным, если бы не предельно сосредоточенный взгляд, прикованный к дремавшим на стенах неподвижным теням.

Даррель первым разрушил общее оцепенение.

— Ставлю что угодно, что с момента твоего появления в этом доме, ни один из нас не превзошёл тебя в способности напустить жути на окружающих. Ну и что там произошло?

— Я... Я не поняла, — Евгения запинаясь, дрожащий голос, казалось принадлежит другому человеку, глаза полны страха. — Наверно, я чем-то не угодила... Она явно злиться... Приказала мне принести колье с чёрным зеркалом... Не знаете где его взять?

— То самое колье — связующее с духом-наставником? — Даррель закрыл глаза, демонстрируя обречённость.

— Наверное. Откуда мне знать?

С резким вздохом Льюэллин зарядил отравленной стрелой среднего размера арбалет и взял его на изготовку. Тиббот дёрнул Шемс за плечо, отстраняя за свою спину.

— Никто не касался этого колье уже почти восемнадцати лет, с тех самых пор, как дверь в твой склеп, где оно хранилось, была запечатана, — пояснил Льюэллин холодным ровным тоном, не отводя взгляда от повисшей наверху тьмы. — Всем поклоняющимся, включая Иону, прекрасно известно, что колье нам недоступно.

Признание сокрушительного провала, позволило ускорить шаг даже на ставших вдруг ватными ногах. Евгения находилась где-то на середине лестницы, когда стены дома огласились протяжным утробным гудением.

Звук нарастал, складывался в формы похожие на слова незнакомого языка. Зловещее монотонное пение воспалёнными шрамами злобно-багрового оттенка вплеталось в бархатную ткань тьмы. Демоническая молитва ввергала в оцепенение, заставляла чувствовать, как от её тягучего заунывного воя кровь леденеет в жилах и рассудок туманится, и поглощает безрассудное желание перестать сопротивляться, сию минуту безропотно покориться злобной воле.

Почти неотличимая в бесформенных тенях, скрывающих от взоров, на верхней площадке шевельнулась фигура. Шемс невольно задумалась над тем, давно ли в последний раз Сатис покидала свои покои. Появилась странная догадка, что с самого момента постройки дома та из своего укрытия носа не высывала, чтобы ни случилось. Значит выкурить оттуда её можно только чем-то действительно из ряда вон выходящим.

Звук резко изменил тональность, стал пронзительным, обрушился, пробивая воздух,

терзая слух, и вместе с этим звуком грубая мощь подхватила Евгению, будто невесомую пушинку, сначала с силой рванула к потолку, потом с десятиметровой высоты швырнула вниз. И если бы не Даррель, вовремя подоспевший, чтобы подхватить падающую девушку — несдобровать бы ей. Оба упали на твёрдый пол и, стиснув зубы, мужественно справлялись с болью, ослепляющей и обжигающей тела. В то же самое время Льюэллин выстрелил.

Песня оборвалась, но лишь на пару секунд. Яд не принёс ощутимого вреда демону, лишь сильнее раззадорил. Жуткое молитвопение возобновилось. И Шемс, наконец, её увидела. Впервые. Во плоти высокой неопрятной старухи, шлёпающей босыми ступнями по полу.

Не совладав с собой, Тиббот отшатнулся, побуждая и Шемс отступить ещё дальше в глубину коридора. Девушка скупым движением, отточенным каждодневной практикой, выхватила из магического кармана нож, хоть и понимала абсолютную его бесполезность, но ни голыми же руками отбиваться от рассерженного демона.

Властвующая тем временем ступила на верхнюю ступень. Узловатая старческая рука, обтянутая пергаментной кожей, поднялась к груди, в которой застряла арбалетная стрела.

— Надо было в лоб целиться, — прохрипел Даррель, поднимаясь на ноги.

Рывком старуха выдернула стрелу, после чего с непостижимой уму быстротой и меткостью отправила её вниз. Чисто рефлекторно Шемс метнула наперерез нож, и он удивительным образом попал в цель, но стрела не остановилась, а лишь слегка сбилась с курса, из-за чего пробила Даррелю не голову, как планировалось, а всего лишь плечо.

— Чёрт!

— Подожди не шевелись. — Евгения склонилась над ним, осматривая ранение. — Попробую её вытащить.

— Нет, — возразил Льюэллин. — Возникнет сильное кровотечение, это может ослабить его вплоть до потери сознания.

— Но стрела отравлена!..

— Змеиный яд, кровь демона... — Даррель взвёл глаза в потолок и слабо улыбнулся побелевшими губами. — Давай! Хуже уже не будет.

Сатис упорно продолжала спускаться с лестницы. Ловушки лишь малость замедляли передвижение: вспыхивали и пронзали рядами молний, загадочно позвякивали, коварно выстреливали туманной завесой, насыщенной едким молочно-белым соком манцинеллы. Сатис шла, одну за другой сметая преграды, будто назойливую мошкарку, липнущую на потное тело. Её лицо пергаментного цвета, изрезанное резкими морщинами, напомнило Шемс кору старого иссыхающего дерева. Жестокие глаза, налитые тьмой, внимательно следили за жалкими изменниками, собравшимися внизу.

С губ Дарреля сорвалось болезненное шипение. Это Евгении удалось одним движением вытащить из него стрелу, заставив при этом беднягу на секунду ослепнуть от боли. Боль пульсировала, кровавое пятно на одежде расплзлось всё шире, хоть Даррель и пытался зажимать рану руками. Силы таяли на глазах.

— Кинь в неё нож! — крикнул он Льюэллину. — Мои руки слишком дрожат... Ну, чего ты ждёшь?!

— Слишком рискованно.

— Ты шутишь?! Какой ещё более подходящий момент тебе нужен?

— Я не выпущу из рук оружие, которое можно повернуть против нас самих же.

Сухие старческие губы Сатис слегка тронула улыбка, а рот продолжал протяжным сиротливым воем напевать свою жуткую песню.

Шемс внезапно ощутила, как странная слабость прямо-таки валит с ног, опутывает мысли, и чёрные глаза демона, ступень за ступенью, заслоняют собой весь мир. Что это? Воздействие магии? Властвующая хочет их ослабить?

Очередная ловушка для демонов озарила слепящей вспышкой лестничный пролёт. Старуха покачнулась, но устояла. И всё же, благодаря заминке Шемс удалось оторвать взгляд от адского пламени полыхавшего в красных зрачках, хотя всего секунду назад это казалось невозможным.

Лльюэллин перезарядил арбалет и вновь направил его на старуху.

— Вам лучше уйти отсюда. Поищите, где безопаснее, — он бросил короткий взгляд в сторону брата и прячущейся за его спиной девушки.

— Это её всё равно не остановит, — Тиббот безнадежно покачал головой и крепче сжал руку Шемс.

Чужой голос, через мгновение раздавшийся позади, разом заставил сжаться души собравшихся:

— На время укрыться можно в храмовой пещере. Туда не так просто пробиться без моего согласия.

Лльюэллин резко развернул своё оружие в сторону неизвестного существа, что стояло в тени барельефа, выполненного в виде могучего сатира.

— Не стреляй! — Шемс поспешила встать на защиту Тихика.

Чёрт отреагировал на арбалет довольно мирно и даже лениво почесал лапкой своё мохнатое пузико, якобы не видел угрозы от людей, многие десятилетия живущих в его доме и по его правилам. Сегодня чёрная шерстка не блестела, не лоснилась, как прежде. Шемс поняла, до чего непривычно и тяжело видеть осунувшуюся, исхудавшую мордочку, запавшие задумчивые глаза, мерцающие тлеющими угольками. На сей раз он явился в своём физическом обличии и, откровенно говоря, телесно здоровым не выглядел.

Пение на лестнице стихло, и даже шаги замерли. Теперь Сатис неотрывно смотрела на чёрта, буквально прощупывая взглядом. Раздумывала. Наверно, трудно согласиться с очевидностью своего заблуждения, и она старалась найти хоть какое-то логичное объяснение его присутствию и следов той болезненности, вызванных, разумеется, попранием священного соглашения, заключённого между ними. Но разрозненные кусочки головоломки сложились не в её пользу, и наконец, Властвующая вынуждена была уяснить себе, что к чему. Тогда вой возобновился. Громче и злее. Её горло издавало звуки, скорее похожие на протяжный звериный крик, нежели человеческую речь, в котором тонули неразборчивые слова.

— Все внутрь! — дружелюбные интонации чёрта вдруг стали властными. Деревянная дверь под лестницей сама по себе отъехала в сторону, открывая темнеющий спуск в подвал.

Шемс тут же первой бросилась выполнять приказ, побуждая Тиббота и остальных следовать за собой. Евгения помогла подняться Даррелю. Кое-как, с поддержкой, тот доковылял до относительно безопасного пристанища. Лльюэллин замыкал их отступление.

Последнее, что увидела Шемс, обернувшись — то как Сатис преодолевает оставшиеся ступени и встаёт в центр пентаграммы, как медленно начинают светиться символы, чередуясь оттенками фиолетового, багрового и чёрного. Ещё видит Тихика, его стремительный прыжок вперёд, разворот... Прочная стрела на кончике хвоста рассекает воздух и разит старуху в живот. Кровь демона чёрной слизью проливается на пол, магические линии разгораются всё ярче и ярче, удерживая пленницу внутри круга. Но в

следующий миг, кожа старухи начинает лопаться, отваливаться лоскутами вместе со шмотками мяса, слышится жуткий хруст костей...

— Она сбрасывает человеческое обличие, — Тиббот рядом с Шемс резко выдохнул воздух. — Демон выходит наружу.

Дверь в коридор резко захлопнулась, и им не оставалось ничего другого, кроме как следовать через подвальный мрак в самое сердце дома — к подземному святилищу.

— Кто-нибудь зажгите ради бога свет, — голос Ионы заставил Шемс испуганно вздрогнуть. Не видя лица Евгении, она только теперь обратила внимание, что даже интонации той звучат поразительно похоже.

— Для этого нужна какая-то магия?

— Тут повсюду должны быть свечи. Обойдёмся простой зажигалкой, — отозвался из темноты Тиббот.

Его теплая рука, так придающая бодрости, к огорчению Шемс, вдруг исчезла, но сам Тиббот, к счастью, продолжал обеспокоенно дышать в затылок. Через пару секунд раздался резкий щелчок и маленькое пламя газовой зажигалки тускло осветило чернильную пустоту.

Вскоре многочисленные огоньки засверкали на каменном полу и по острым нависающим уступам, а на стенах заплясали тени. С прошлого их посещения здесь ничего особо не изменилось. Камень, озеро и колодец были на своих местах, только разве что иней вокруг фонтанчика немного разросся вверх и вширь.

Сквозь толстую дверь, с наложенными на неё чарами, снаружи не пробивалось ни звука. И эта неопределённость тревожила особенно сильно. Шемс нервно теребила пуговицы на кофточке, переживая, как за Тихика, оставшегося там, один на один со страшной Сатис, так и за свою собственную жизнь.

— Здесь тоже надо установить ловушки, — начал Льюэллин и осёкся, осматриваясь вокруг.

Даррель лежал возле скопления сталагмитов и едва был способен сохранять сознание. Евгения хлопотала над ним, пытаясь остановить кровотечение, которое почему-то никак не останавливалось. Тиббот не обладает магией. Шемс — лишь дитя. Если демон ворвётся в пещеру, кроме Льюэллина вступить в битву некому. Ему вновь выпало в одиночку нести ответственность за жизни остальных, но он совершенно не верит в успех этой безумной авантюры и надеется только на чудо. А значит, как всегда, не подавая вида, что считает их положение обречённым, Льюэллин откладывает арбалет в сторону, расстегивает благоразумно захваченную наверху сумку и принимается за дело.

— Я могу помочь? — Шемс несмело подошла поближе к мраморным ступеням, которые Льюэллин расчерчивал густой белой краской.

— Разве тебе не нужно быть рядом с отцом?

Чувствуя странную нерешительность, девушка оглянулась на Дарреля.

— Ему ведь сейчас очень нужен отдых. Когда Тиббот восстанавливался, то всё время спал. Кажется, так здесь работает магия исцеления — несколько часов зачарованного сна и человек снова в строю... Может Евгения для верности даст ему какое-нибудь зелье, чтобы ускорить процесс регенерации?

Льюэллин долгим взглядом изучал её лицо, будто знал что-то такое, о чём не догадывалась Шемс.

— Тут я сам справлюсь. Подручный инвентарь, в любом случае, уже на исходе.

И всё же ей просто необходимо было чем-то занять себя — сил нет бесцельно слоняться из угла в угол, предаваясь тяжёлым мыслям. Чуток повздыхав над жизненной несправедливостью, Шемс предпочла снова прилепиться к Тибботу. Его близость успокаивала. Ни с кем другим не чувствовалось такого внимательного и трепетного отношения к себе.

— Отсюда есть запасной выход? Ну или потайная комната, куда можно отступить, если Сатис ворвётся в пещеру.

— Не знаю. Вроде бы нет. Но для Дома обычное дело менять планировку на свой лад, создавать новые помещения или превращать в ничто старые. Время от времени внутреннее пространство меняется, и не всегда эти перемены сразу бросаются в глаза.

— Ну так ведь я могу посмотреть, — Шемс так обрадовалась возможности быть полезной, аж глаза загорелись.

— Нет, это опасно, — возразила Евгения, до этого молчавшая. — Чтобы управлять домом нужна практика. Много практики. Нельзя просто щёлкнуть пальцами и стать новой Властвующей. Ты наверняка попадёшь в какую-нибудь западню.

— Кто? Шемс? Шемс собирается стать новой Властвующей? — у Тиббота поползли глаза на лоб.

— Ну-у, это Тихик так сказал, — девушка сконфузилась и покраснела. — Не то чтобы я этого сильно хотела, но если это нам поможет...

— Самим нам никогда её не одолеть, — прохрипел Даррель сквозь кашель. Рука Евгении придержала его под спину помогая оставаться в сидячем положении и откашляться. Подняв зелёные глаза на Шемс, он продолжил уже спокойнее: — Помнишь нашу встречу в библиотеке? Ты ещё тогда вообразила, что среди книжных стеллажей обнаружила живую обезьяну.

— Это был Тихик.

— Существо, которое сейчас дерётся с Сатис? — захотел уточнить Тиббот.

— Да, это он — дух нашего дома.

Протяжное шипение Дарреля то ли являлось выражением недовольства из-за того что ему не дают до конца высказаться, то ли несдержанной реакцией на боль и слабость.

— Так вот, — продолжил он, — между последними выпусками Эль-Масри Эль-Йом и Дэили Ньюс Египт мне неожиданно попала одна совершенно ветхая книга с вложенной

между страницами греческой рукописью, датированной двенадцатым веком.

— Это был мой заказ, — чистосердечно призналась Шемс.

— Ну да, я так и подумал. Трудно представить, кому ещё придёт в голову оставлять на самом видном месте инструкцию по борьбе с демонами, находясь под крышей у демона. Мне и сейчас затея с переворотом кажется верхом безрассудства, а в тот момент даже мысль об этом привела в ужас. Но рукопись я прочёл.

— Ну всё, хватит предисловий, — Льюэллин стоял возле входной двери и неотрывно смотрел на Дарреля. — Так как же нам справиться с Властвующей и самим желательно уцелеть?

— Никак. Не в наших силах уничтожить демона, — Даррель начал с того, что напрочь убил надежды присутствующих. — Её уязвимость кроется лишь в страхе перед горгульями. Только они способны отправить её обратно в преисподнюю. Ещё, как вариант, провокация на разрыв священного договора, ну или хоть какой его части, на худой конец. Только вот боюсь, что сегодня нарушители — это мы.

— А какое наказание предусмотрено за нарушение такого договора? — настороженно поинтересовалась Шемс.

— Потеря бессмертия, надо полагать. Я лично считаю, чем злонамеренней неисполнение обязательств, тем страшнее последствия.

— Поэтому Тихик выглядел таким... измождённым, — Шемс вдруг осознала весь ужас случившегося. — Поэтому у тебя не останавливается кровь — регенерация больше не работает!

Тиббот выхватил нож и быстро полоснул острым лезвием себя по руке. Не опасно, но тёплая кровь выступила из свежего пореза, упала тяжёлыми гранатовыми каплями на пол. Шемс округлившими глазами проследила, как они впиваются в пыль... Тиббот стёр салфеткой красный след с абсолютно чистой здоровой кожи — от раны не осталось и царапины.

Льюэллин вместе с остальными всё это время пристально наблюдал за братом.

— Отлично! Магия дома ещё действует, и ты не заключал с Сатис соглашений. Она, кстати, тоже, — кивнул он в сторону Шемс. — Но держитесь в стороне на всякий случай. Мы не знаем степень вашей неуязвимости, да и защитные чары могут пасть в любой момент.

— А я? — подала голос Евгения, — Ведь я тоже не заключала никаких сделок с демонами.

— Зато Иона заключала. Но, возможно, это работает иначе.

— Иона никогда не предавала Сатис, — заметила Шемс.

Чтобы развеять неясность, Евгения последовала примеру Тиббота. Её рана тоже быстро затянулась, покрывшись молодой здоровой кожей.

— Вот мы и остались вдвоём у разбитого корыта, — тяжёлым взглядом исподлобья Даррель уставился на Льюэллина.

— Но ведь должен быть способ остановить это, — Шемс почти с мольбой смотрела в лица бывших поклоняющихся. — Какой-нибудь ритуал отмены...

Их мрачные гримасы говорили сами за себя. Только Тиббот похоже готов был цепляться за соломинку.

— Быть может, если уничтожить Сатис, контракт автоматом утратит силу, — но даже в его голосе не слышалось особой уверенности.

Ответить Тибботу никто не успел, потому что деревянная дверь вдруг распахнулась и по

ушам ударила волна зловещего пения. Тихик влетел в пещеру, как метеор, и силой мысли немедленно захлопнул её за собой, после чего без сил рухнул на колени.

— Какой же там погром твориться, — сообщил он бодрым голосом, не сочетающимся с его крайне потрёпанным видом. — Боюсь от твоих покоев, — он взглянул на Дарреля якобы виноватым взглядом, — остались одни руины и все «памятные вещи» погибли в вихре дьявольского пламени. Ну и глотка у Сатис, прям драконья! Мне чудом удалось предотвратить пожар. Впрочем, ещё не вечер... Хорошо, что я пока жив... Ах, ну да, вы-то тут как?

Даррель в ответ просто кивнул, но его потускневший взгляд, в котором читалась лишь какая-то отрешённость был направлен уже не на чёрта, а куда-то вдаль, в пустоту. Зато Тиббот с удивлением в упор разглядывал мохнатое существо.

— Выходит, попусту мы уверовали в одушевлённость дома. И это ты занимался обеспечением всех бытовых нужд.

— Не только этим, — Тихик немного оскорблённо поджал губы. — Мои силы не ограничиваются обширными знания в гастрономической или модной индустрии.

— Хорошо, что хоть с этим разобрались. Но всё-таки давайте вернёмся к более злободневной теме, — напомнил Льюэллин. — Самому не верится, однако, нам, похоже, придётся призвать в дом горгулий. Для этого очевидно потребуется портал. И убежище для нас, пока эти... создания разбираются с Властвующей.

Тихик широко улыбнулся:

— Я построил множество дверей из этого дома. Они присутствуют чуть ли ни в каждом помещении.

Шемс на всякий случай ещё раз внимательно осмотрела глухие стены подземной пещеры.

— То есть, двери — это наши окна?

— Двери — это выходы или входы, — загадочно пояснил Тихик. После чего поднялся и, прихрамывая, направился в сторону каменного колодца. — А вот куда они ведут или откуда, зависит от желания и мастерства строителя портала. Как жаль, что я не успел обучить тебя...

— Тихик, — Шемс робко позвала чёрта и тот обернулся, замерев подле колодца, виток за витком, будто ступенями, окружённого большими булыжниками. — Я кажется догадалась, что с тобой происходит. Пожалуйста! Если есть хоть какой-то шанс, любая возможность... Если от меня хоть что-то зависит — ты только скажи, как вам помочь...

— Это всего лишь этап. Не терзайся, дитя. Я ни в коем случае не кану в небытие. Вернувшись в Ад, моё тело возродится, и я буду жить. Просто уже не здесь.

— Правда?

— А насчёт нас как? — поинтересовался Даррель, поняв, что проблема приобрела особую актуальность.

— Ничем не могу вас утешить, — резко и довольно бестактно бросил чёрт. — Моё время на исходе, не хочу тратить его на бесплодные рассуждения. — Он вновь обернулся к Шемс. — Прости, дитя. Я не успел дать тебе необходимые знания. И наша библиотека тоже порядком пострадала, но уверен, там ещё можно найти много полезной информации. Ты справишься. Я в тебя верю... Эй, Тиббот, ловец снов всё ещё при тебе?

— Откуда?.. О, чёрт! Ты что все эти годы постоянно наблюдал за любым моим телодвижением?

— Твои нелепые телодвижения не вызывают абсолютно никакого интереса, пока они

бесполезны... Дорогое дитя, забери у него артефакт и наполни своим светом. Остальные, кто имеет силы, пусть построят защитный круг, — чёрт на несколько мгновений прервался, прислушиваясь к глухому гулу за дверью. — Как только я почувствую, что горгульи близко, я впущу сюда Сатис.

— Они явятся через колодец? — Евгения испуганно вздрогнула, и крепче сжала руку Дарреля. — Я всегда думала, что это всего лишь глубокая яма для утилизации трупов...

— Что?! — Шемс в шоке округлила глаза.

— Эти, — Евгения обвиняюще ткнула пальцем почему-то в сторону именно Льюэллина, — сбрасывали туда гостей... вернее то что от них оставалось.

Шемс вдруг ясно поняла, что не хочет знать подробностей, не хочет поддаваться слепой ярости, упиваться справедливым возмездием, готовым вот-вот обрушиться на преступные головы. Всё потом: смятённые мысли, тревожные чувства. Сейчас главная задача — выстоять. Она опустила на некогда отколотою от стены каменную глыбу и сосредоточилась на задании. Магия Льюэллина прочертила вокруг неё глубокую борозду, образовав просторный круг. Тихик некоторое время с откровенно скептической миной наблюдал, за потугами мужчины создать силовой барьер, и наконец, махнул когтистой лапкой.

— Идите все в круг. Я сам построю защиту — больше нет смысла беречь силы.

Евгения и Тиббот перетащили Дарреля внутрь и притихли в ожидании близкой развязки.

Полупрозрачная стена из радужного тумана обступила их и выросла до сумрачных пещерных сводов. Тихик остался по ту сторону. Его, теперь нечёткий, силуэт проступал на фоне сверкающего озера и казался почти нереальным.

Шемс стиснула зубы и изо всех сил старалась. Нельзя отвлекаться. Поэтому она даже не взглянула на последнюю преграду, воздвигаемую между ними и силами тьмы. Ей поручили ответственное задание, и Шемс хотела выполнить его безупречно. Ещё больше искр, больше, больше лунного серебра и солнечного золота перемешивались и впитывались в кусочки перламутра. Но постепенно искрящийся поток становился слабее, голова кружилась... Посторонние звуки исчезли, остался только навязчивый звон в ушах. Смертельная усталость одолевала, сковывала тело, утягивала в сон...

Но вот чьё-то скользящее прикосновение заставило её прерваться. Шемс стоило невероятных усилий поднять взгляд на Тиббота, присевшего на корточки рядышком.

— У тебя кровь пошла из носа, — он протянул ей носовой платок.

— Спасибо. Я тут почти доделала.

— Ты почти потеряла сознание. Так не пойдёт. Уверен, света уже достаточно.

— Я могу больше...

— Теперь просто береги себя.

Шемс проследила за его взглядом и сквозь туманную завесу увидела, как сорвало подвальную дверь и разнесло в щепки. Через большое облако поднявшейся пыли в пещеру вошёл демон. Человеческая оболочка разрушилась, и обнажилось скрывающееся под ней бесполое существо ростом два с половиной метра. Его тёмно-фиолетовая кожа, местами покрытая чёрными наростами, туго обтягивала могучие бугры мышц. А глаза! Будто внутри кто-то огни запалил: один горел фиолетовым, другой алым.

Шемс зажмурилась и заткнула уши, слишком сильны казались чары, воздействующие на разум. Стараясь отгородиться от зловещих звуков, принуждающих к повиновению, она

инстинктивно подалась ближе к Тибботу, почти прижалась. Тепло его тела, его запах действовали на неё даже без слов, придавали уверенности.

Демон ударил по защитному кругу смертельным заклятием, и оно мутным туманом стекло по невидимым куполообразным стенам, сопровождаясь тресканьем да ядовито-зелёными всполохами. Тогда существо направило свою ярость на чётра. К счастью, тому удалось вовремя отскочить в сторону и удар пришёлся точно по надземной части колодца. Сверхъестественная сила расшвыряла увесистые камни по всей пещере, аж стены затряслись. Шемс сразу подумала о возможном обвале и, судорожно вцепившись в амулет, с ужасом представляла себя заживо похороненной под обрушившимися каменными сводами.

Всё к тому и шло. Но внезапно вопреки сокрушительной бури, вызванной Сатис, по пещере разнёсся громкий хохот. Это Тихик смеялся, хватаясь за бока и корча неуместные случаю рожицы:

— Всё, остановись! — весело крикнул он демону, сам чудом уворачиваясь от очередного летевшего в него заклинания. — Сумей принять поражение, или в следующий раз порталы для тебя некому строить будет. Ну же, достаточно развлеклись, пора домой. Крылатое войско на подходе.

Демон призыву разумеется не внял и продолжал наступать, наполняя пространство гарью, пылью и своим пением, будто отравленным жалом, проникающим в разум. Звуки молитвы продолжали порождать потоки чёрной магии, и Шемс теперь физически ощущала от них боль. Внутри словно что-то ломалось или даже распадалось на части. В голове билась только одна мысль — всё что угодно, лишь бы прекратить эту пытку.

Тогда Тихик, перекрикивая царящий гул, запел свою песню, задорно, со всей мочи горланя рифмованные слова, сплетая их в незатейливый мотив, будто нарочно дразнил:

«Под солнца знойными лучами
Скитальцы тайно проходили,
А следом лунными тенями
Горгульи медленно скользили.
От предвкушенья кровь вскипела —
Зрят стражники сквозь тропы звёзд.
От Райских кущ до Адовых пределов
Нацелен взор. Расчёт их прост.
Днём смотрят с каменным надменьем,
Застелет мгла — они уж тут.
Когтями цап с восторженным стремленьем
И спешно в преисподню волокут».

Последние слова прозвучали уже в тишине. Что-то изменилось — это почувствовали все. Демон ещё раньше умолк и замер, тревожно прислушивался к чему-то вне досягаемости человеческого слуха. Секунды растянулись в вечность. Но вот и Шемс слышит этот шум. Звук нарастает и приближается. Так звучит устрашающее хлопанье множества крыльев, она-то помнит. И хриплые крики нечеловеческих созданий мечутся эхом и обрываются где-то в провале колодца.

Ещё секунда. Другая... С пронзительным воплем первая горгуля молнией ворвалась в пещеру и, расправив крылья, взвилась под потолок. Демон взвизгнул и пустился было в бегство, да только теперь уж не сбежать и не спрятаться. Защитная магия пала и не осталось в доме места, где можно укрыться от цепких лап, кроме крохотного островка в углу пещеры,

но туда демону было не пробраться.

Друг за дружкой горгульи вылетали из шахты и яростно бросались в атаку. В итоге Шемс насчитала семерых. Все они выглядели, как женщины: в длинных светло-серых плащах, с резкими чертами суровых лиц. В блестящих жестоких глазах тлели угли ада.

Одна из них подхватила Тихика, тот, впрочем, и не сопротивлялся. Взвилась вверх с победным криком, затем, сделав круг, стремглав бросилась вниз, в бездонный колодец, унося свою добычу за грань этого мира.

Остальные атаковали демона. Силы изначально были неравны. Сатис устала. Она продолжала биться яростно, но движения демона становились всё более медлительными и неточными. И всё-таки горгульям понадобилось не менее четверти часа, чтобы повергнуть и обездвигить её.

Настал миг, когда и Сатис исчезла в черноте колодца. Её дикий рёв ещё какое-то время долетал из подземных глубин, но вскоре стих и он.

Две полуптицы остались в разгромленной пещере. Хищные взгляды уставились на людей, прячущихся по ту сторону магической защиты. Та, что была помоложе приблизилась, двигаясь с неподражаемой грацией, и вскользь коснулась невидимого барьера сначала ладонью, затем крылом. Её оживление сменилось задумчивостью. Должно быть, мысленно взвешивала, как лучше поступить.

Вторая, оставаясь позади, повелительно повела рукой.

— Ну? — голос её зазвучал резко и нетерпеливо.

— Защиты хватит на пару часов, — молодая горгулья прошупывала пространство впереди себя магией. — Пожалуй, я могла бы разбить его, но велик риск обвала...

— Сделай одолжение, Чила, постереги эти души. Ты ведь успеешь до закрытия смертных врат?

— Будь спокойна, сестра. До сошествия Венеры я верну блудное дитя в родное пепелище, — глаза Чилы сузились и цепко вперились в Шемс, на губах заиграла очень недобрая улыбка.

Дымная темнота пещеры хоть и не была кромешной, но обостряла напряжённость, обволакивала, душила тяжёлым саваном, заставляя сердце стучать набатом. Заклятия Сатис погасили почти все свечи и расшвыряли их по сторонам. Из-за этого теперь ещё резче выделялись во мраке красные зрачки горгулий, горящие, как раскалённые угли? Какие нервы это выдержат? Но Шемс чувствовала жар пальцев, сжимающих ладонь. Тиббот и остальные были рядом и это придавало сил.

— Зачем вы преследуете меня?! — закричала она в темноту, когда старшая горгулья шумно взмахнула крыльями и исчезла в провале разрушенного колодца. — Я родилась здесь, в этом мире. Если мне суждено отправиться в Ад, то лишь после того, как я завершу свой жизненный путь на Земле. И тогда воздастся мне по заслугам! Это будет правильно и справедливо. Но сейчас вы совершаете ошибку.

Оставшаяся с ними Чила ответила не сразу. Сперва долго и недоверчиво разглядывала девушку. Что её удивило? Что Шемс посмела возмущаться или, что она вообще умеет разговаривать?

— Если б только ты могла осознавать, какое жалкое зрелище представляешь, выдумывая свои нескладные небылицы, — её глубокий вздох отзывался сожалением. — Пламя и сера бегут через твои вены. Моё врождённое чутьё всегда безошибочно позволяет узнать истинный дух Ада.

— А вот Сатис не узнала. Все могут ошибаться, даже могущественные создания, наделённые магическими знаниями. И ещё, могли бы добавить сюда хоть каплю благодарности, за то, что помогли вам сцапать демона.

— Ты и впрямь пытаешься торговаться? Со мной?!

— Она говорит правду, — голос Дарреля был слабым и прерывистым, однако чувствовалось, что он настроен решительно. — Да, безусловно, конечно, ваши суперспособности впечатляют: помогают отыскать следы демонов через миры и тому подобные вещи... но всё-таки, как выясняется, в отдельных случаях не могут отличить человеческую природу от демонической. Давайте генетический анализ сделаем что ли. Только, по-моему, и без него всем тут очевидно, что я — родной отец Шемс.

— Зачем я вас слушаю? — Чила отвернулась и в раздражении зашагала по пещере, к озеру, потом обратно...

— Потому что у тебя тоже есть душа, и восставшее чувство неправоты её неприятно тревожит, — Льюэллин ступил вперёд, к самому краю, почти на линию обозначенного круга. Легко, даже небрежно ткнул арбалетом в пол, будто просто опирался на него. Горгулья замерла и алчно прожгла его взглядом, но граница не была нарушена, и защита всё ещё оставалась активной. А тот, по привычке, позволяя себе держаться отстранённо и надменно, продолжал: — Ты отказываешься слушать тихий голос внутри себя, ведь иначе откроется истина, которой ты боишься больше всего на свете. Для чего ты рождена? Ты когда-нибудь думала об этом? Неужели просто ищейка? Без мнения, без позиции, без выбора... В этом твоё предназначение или тебе так сказали?

— В Аду разберутся, чьей она породы. Тебе-то, что за дело, не пойму? Просто швырните её сюда, и я оставлю вас в покое.

— Не выйдет одной ношей отделаться. Нас тут по меньшей мере двое ещё, стоящих буквально на пороге. Донесёшь всех или нам с Даррелем подождать Харона? — Льюэллин отступил, и волна белых волос, качнувшись, скользнула по его лицу, затем отвернулся, но Чила готова была поклясться, что на губах его застыла холодная улыбка.

Она нахмурилась. Он смеет смеяться над ней? Нарочно подначивает? Что ж, пусть она молода и впервые покинула родное гнездо, но вот возьмёт и покажет этому самовлюблённому негодяю, кто тут обладает настоящей силой...

Шемс вздрогнула, когда своды пещеры затряслись, а по невидимой стене побежали изумрудные молнии, и будто по стеклу, в пространстве по контуру поползла паутина трещин. Неожиданно возникло какое-то внутреннее сопротивление и Шемс инстинктивно сосредоточилась на нём, восстав против нарастающего давления. Но пальцы Тиббота крепче сжали ладонь, а его дыхание щекотнуло ухо:

— Используй ловец солнца.

Шемс медленно выдохнула, отпуская напряжение. И это показалось настолько противоестественным, когда внутри всё вопило, не желая противиться инстинктам, затмевающим голос разума. Её с горгульей взгляды скрестились, осветившись возбуждённостью, соперничеством и неприязнью.

Бреши в защите росли, добавляя напряженности. Томительность ожидания, медленный бег времени и всеобщее молчание становились всё невыносимей. Хотелось сказать или сделать хоть что-то, пусть совсем безрассудное, лишь бы скорей наступила развязка.

В итоге почему-то всё равно все они пропустили момент, когда барьер окончательно рухнул. Даже Чила пару секунд оставалась недвижна, недоумённо взирая на образовавшуюся пустоту в месте, где только что находилась преграда, отделяющая её от желанной добычи. Но вот она очнулась, губы расплылись в торжествующей улыбке и, прошипев что-то многообещающее, горгулья стремительно прыгнула вперёд. В это же самое время Шемс активировала артефакт. Уставшие от потёмок глаза зажмурились, ослеплённые ярчайшим режущим светом, внезапно озарившем пещеру.

Тишина взорвалась протестующим криком Чилы. В нем сквозило недоумение, потрясение и... обида? Горгулья метнулась в сторону, ища спасения в неверных тенях. Но слишком поздно. Крылья с шумом взметнулись вверх, серебром переливаясь под солнечным сиянием и застыли в обречённой неподвижности. Мраморным холодом сковало тело, остановило сердце, в мгновение ока превратив живое существо в каменное изваяние.

— Давайте скорее расколотим эту Чилу, пока она представляет собой уязвимую мишень, — Евгения выбежала из круга, озираясь в поисках какого-нибудь орудия поувесистее.

— Не трать силы напрасно. Горгульи не отличаются хрупкостью, — Льюэллин решительно отобрал из её рук крупный булыжник.

— Вот заодно и проверим, — Евгения не захотела униматься и попробовала булыжник вернуть, но сдержанность Льюэллина всегда органично сочеталась с его бескомпромиссностью.

— Её сёстры вернутся. Имея заложника, есть смысл подумать над деталями возможной сделкой. В любом случае, скоро рассвет. Вынесем её на улицу, и у нас будет день на поиск подходящего оружия или заклинания...

Шемс и Тиббот тоже подошли поближе. Шемс всё ещё поглядывала с опаской, но не сдержала любопытства и потрогала выточенные из гранита складки плаща. Тиббот постучал костяшками кулака по каменному плечу, а убедившись, что угроза действительно миновала, предложил:

— Запрём её в железной клетке, которую для надёжности защитим символами, заклинаниями и магическими ингредиентами.

— Хорошо, принеси клетку, — Льюэллин согласно кивнул и перевёл взгляд на Шемс. — Ты сумеешь закрыть портал?

— По... постараюсь... То есть, закрою, конечно, — спохватилась девушка и поспешила через завалы к колодцу.

— Льюэллин, — Евгения тронула плечо мужчины, привлекая внимание. — Даррелю нужна помощь.

Боковым зрением Шемс видела, как бесчувственное тело её отца подняли с пола и унесли прочь. С ним всё будет в порядке, говорила она себе. В библиотеке полно книг с целительными заклинаниями. Что-нибудь подходящее непременно отыщется. А пока важно не допустить появления новых незваных гостей... Она склонилась над чёрным провалом и прислушалась. Тихая бездна пугала и манила одновременно. Непостижимая страшная тайна притягивала, искушала поддаться, заглянуть за тонкую грань реальности. И Шемс уступила соблазну, позволив потоку сознания двигаться самостоятельно сквозь тьму.

Сперва всё шло довольно гладко. Она долго беспрепятственно скользила вниз, улавливая лишь тусклые отблески протянутых сквозь пространство нитей, похожих на тонкие-тонкие струны, в местах пересечения скреплённых более яркими руническими символами, сотканными из энергий. Появилось ощущение, будто она провалилась в зачарованный сон и неодолимая сила затягивает её всё глубже и глубже. Но вот шахта колодца становится шире, темнота понемногу отступает, рассеивается, и похожие на предутреннюю серость её окружают вязкие облака ядовитого тумана. Вдали проступают очертания огненных врат, будто распахнутая пасть чудовища, ждущего глупцов вроде Шемс...

Открытие разом отрезвило. Мысленно вопя от ужаса, она ринулась обратно, по пути срывая сияющие руны, что удерживали портал открытым.

Очнулась Шемс вновь в пещере, всё в той же позе — склонившись над колодцем. Фух, чудом пронесло.

Тишина какая-то зловещая повисла в спёртом воздухе пещеры, навалилась, как будто хотела раздавить. И хоть свет от ловца солнца по-прежнему исправно разгонял мрак,

безжизненная пустота этого места заставляла почувствовать себя весьма некомфортно.

Куда все подевались? Почему Тиббот не остался с ней? Ах да, вспомнила Шемс, он ведь отправился за магической клеткой...

Взгляд сам собой постоянно возвращался к горгулье. Даже теперь за сковавшей плоть неподвижностью, за красивыми чертами, острыми скулами, тонким хищно изогнутым носом... чудилась угроза.

— Вот же жуткое создание, — нежелание и дальше оставаться со статуей наедине заполнило её сознание.

Шемс прошла мимо и задумчиво подняла оставленный на полу арбалет. Тяжёлый. В душе одновременно сплелось столько эмоций, что она и не в состоянии разобрать. И уж совсем непривычно, что можно чувствовать свободно, без оглядки на Сатис. Она прислушалась к ощущениям и вдруг не почувствовала ничего, только какая-то ужасающая тишина, тишина сердца, словно она, как и Чила вмиг превратилась в камень, только не снаружи, а где-то там внутри.

— Ты умеешь с ним обращаться?

Негромкий голос Льюэллина показался Шемс раскатом грома и заставил испуганно вздрогнуть.

— Она же упорная, как терминатор — не уgomонится пока своего не добьётся... или не будет уничтожена.

— Мы же договорились, что не станем её убивать. Но последнее слово, разумеется, за тобой, потому как теперь ты Властвующая в этом доме.

— Это тут ни при чём, — Шемс непонимающе распахнула глаза, уставившись на него. — Не сравнивай меня с Сатис!

— Я не сравнивал.

Шемс продолжала возмущённо сопеть и сердито моргать, но чем больше думала надо всем этим, тем нерешительнее себя чувствовала.

Льюэллин, незаметно выдохнув, подошёл, чтобы забрать оружие, впрочем, девушка не особо и возражала. Она стояла, замкнувшись в своих эмоциях, вновь чувствуя себя взбалмошной девчонкой с верой в людей, верой в лучшее. Суеверный трепет, нарастающая тревога и надежда на поддержку, и ярость, и страх одновременно с облегчением оттого, что не совершила непоправимого, всё смешались в сердце. Мурашки бежали по коже и пульсацией крови по телу разрасталось жжение. Это эмоции и чувства возвращались к ней.

Шемс шла по коридору, превратившемуся в сплошные руины, переступая через осколки прежде прекрасных колонн и барельефов, раскуроченные полы и куски отвалившейся штукатурки. Стены с вырванными дверями зияли безобразными дырами. Опалённые листы книг, куски картин, сломанные канделябры стали теперь просто мусором. Да уж, работы тут, непочатый край. Справится ли она? Тихик верил, что справится, однако, у самой Шемс возникали на этот счёт большие сомнения.

Одна из немногих уцелевших дверей открылась, и навстречу девушке вышла Евгения. Несколько мгновений они оценивающе смотрели друг на друга.

— Ты в порядке? Выглядишь не очень.

— Да, нормально. Портал закрыт. Льюэллин сейчас в подвале запаковывает в клетку горгулью, — отчиталась Шемс.

— Хорошо. Зайдёшь? Даррель сейчас у меня.

— А ты куда?

— На поиски книг с рецептами исцеляющих заклинаний. Библиотека, как видишь, тоже изрядно пострадала, но, к счастью, не уничтожена полностью. Жаль, конечно, что часть магических опций пропала и дом больше не предоставляет нам доступ к запасам всех мировых хранилищ... И ладно, обойдёмся имеющимся. Уверена, надо лишь запастись терпением, в итоге что-нибудь да отыщется...

Внутри бывших покоев Ионы сохранился порядок, если не считать окровавленных полотенец и простыней, разбросанных по комнатам. Понятно, что здесь Шемс оказалась впервые, и ожидая увидеть обстановку, кричащую какой-нибудь цыганской вычурностью, была очень удивлена уютному и обворожительно простому интерьеру. Но сейчас, когда проблема Сатис и горгульей более-менее разрешилась, её мысли целиком и полностью переключились на Дарреля. Возможность самоисцеления утрачена, но всегда ведь есть другой выход, осталось его найти. Только бы успеть...

Даррель неподвижно лежал в постели: бледный, перебинтованный, укрытый одеялом с ярким рисунком мандалы. Тиббот сидел неподалёку в кресле, обитом принтованным индийским хлопком. При появлении Шемс он поднял голову от страниц одной из многочисленных книг, которыми был завален не только круглый деревянный столик, но и винтажный коврик под ним.

— А вот, наконец-то, и ты! — Тиббот старался придать голосу шутливый тон. — Я уже почти начал тревожиться, собирался отправляться на поиски.

— Он по-прежнему без сознания? — Шемс, исправляя охватившее её малодушие, подошла к Даррелю.

— Ну ещё бы! Потерять столько крови — это не шутки.

Шемс думала о том же. Такой бледный, бледнее мела, будто мертвец. Но грудь его вздымалась снова и снова, порывисто, с хрипом, в такт неровному дыханию, доказывающему, что он всё ещё жив.

— Неужели тебе его ни капельки не жаль? — в голосе Шемс слышалась бесконечная усталость.

— Бог с тобой? Тогда чем я сейчас по-твоему занимаюсь? Штудирую, между прочим, труды шаманов, магов, жрецов, владевших знаниями великих целителей.

Да, шгудирует. Вот только не ради Дарреля, а ради неё. Шемс поняла это и мгновенно прониклась благодарностью.

— А может ему просто нужно в обычную человеческую больницу? Образ Сатис больше не тaitся за нашими спинами незримой тенью, так почему же мы все до сих пор тут и надеемся на какое-то неведомое чудо?!

— Во-первых, потому что тебе всё ещё нужна защита от горгулий, а наложенные на дом чары пока с этой задачей справляются...

— Речь сейчас не обо мне. Даррелю... моему отцу, немедленно нужна квалифицированная медицинская помощь.

— Я понимаю сколько он для тебя значит, — Тиббот вздохнул с сочувствием. — Я на твоей стороне. Всегда. Только ведь не лечат в современных больницах ни отравляющих проклятий, ни ран, оставленных стрелами, пропитанных ведьмовским ядом, смешанным с кровью демона.

— Я только-только его нашла, — всхлипнула Шемс, чувствуя, как глаза заволакивает слезами.

Тиббот отложил книгу, подошёл, осторожно обнял за плечи и привлёк к себе.

— Ну, что ты, маленькая моя. Пока ведь не случилось ничего совсем уж непоправимого. Вспомни, мы ведь справились с Сатис, тем более справимся и с этой бедой.

— Я не понимала, что это так серьёзно... думала, ему, как обычно, нужно отлежаться и всё...

— Так и есть. И тебе не помешает отдохнуть. Представляешь, этот мохнатый зверь позаботился о сохранности твоих комнат, а мои — лихо так расколошматили.

— Ох... твои работы...

— Да, погибли. Но это ерунда... Ну так что? Проводить тебя в кроватку?

— Я хочу помочь с поиском лекарства.

— Ну, Шемс, смотри-ка, ведь еле на ногах стоишь. Слушай, а давай будем отдыхать по очереди. Кто больше устал — тот и первый. Я вот ни колдовал, ни в сражении ни участвовал, разреши хоть тут оказаться полезным.

— Тиббот, — Шемс задрала подбородок, заглядывая ему в глаза. — Не оставляй меня никогда, а то я точно пропаду.

— Никогда. Даже если прогонять будешь.

Его немного легкомысленное обещание, будто волшебный бальзам, помогло почувствовать себя спокойнее. И нехотя высвободившись из утешительных объятий, девушка послушно отправилась к себе.

Но, перешагнув порог собственной комнаты, Шемс на минуту остолбенела от увиденного. Нет, покои, как и предполагал Тиббот были в абсолютном порядке. Только вот одна деталь...

В приятном полумраке гостиной, в углу, рядом с большим зеркалом, вместо привычного кресла теперь красовалась трёхметровая пушистая ель, украшенная золотыми стеклянными шарами, и серебряными бантами, а на концах зелёных лапок, сверкали рыжими огоньками свечи.

Что это, думала Шемс, последний привет от Тихика? Его загадочное послание? От посетившей её соблазнительной мысли немедленно вернуться за Тибботом пришлось отмахнуться, закрыть входную дверь и самостоятельно изучить явленную ей новую загадку. Вот бы и впрямь найти под ёлочкой чудодейственное средство, исцеляющее самые ужасные

недуги. Но ничего похожего на бутылёк с колдовским снадобьем или на свиток древнего пергамента, сообщающего необходимое заклинание, там, увы, не обнаружилось. Зато обнаружилась та самая изумрудная табакерка.

— Что!? Опять? — воззвала Шемс в никуда.

Но когда забавный чёртик выскочил из-под крышки, сердце сжалось от какого-то глубокого чувства, немного неясного, сочетающего щемящую печаль, нежность и прилив слезливой сентиментальности.

— Что я должна теперь сделать? Ты столько твердил, что веришь в меня... Спасибо, конечно, за это, но вот скажи честно, всё произошло, как ты и планировал? Неужели все наши мысли и поступки настолько предсказуемы? Неужели эти адские авантюры стоят глупых игр с человеческими судьбами?.. Ну чего ты добился? Чего тебе не жилось нормальной спокойной жизнью, без жертвоприношений, без козней и интриг?.. Понимаешь? Я успела привязаться к тебе, Тихик... Мне и раньше доводилось терять близких — это больно... Мамы не стало, тебя не стало, теперь вот может не стать Дарреля. А я ведь только его нашла... Исключительно поганое чувство, как будто заблудилась в глухом лесу и выбраться из него невозможно. Знаю, я маг, наверное, даже сильный, но я не нахожу в себе этих сил. Я злюсь... И меня в дрожь бросает от мыслей, что моя демоническая сущность — это и есть моё истинное Я...

Шемс повздыхала сокрушённо, понимая, что все жалобы на вселенскую несправедливость не играют в её жизни никакой роли. Два ёлочных шара, неловко задетые плечом, столкнулись, звякнув мелодичное «дзынь». Раскрытая табакерка отправилась на консоль, а уставшие глаза коснулись собственного зеркального отражения.

Сердце глухо ёкнуло и провалилось в пропасть, повстречавшись с нечто новым из разряда колдовства и наваждений. Ни песнопение Сатис, ни встреча с горгульями, ничто, как оказалось, до этого момента не приводило Шемс в такой ужас. Она смотрела на точную копию себя и не узнавала. И дело тут вовсе не в испачканных щеках и спутанных волосах, напоминающих воронье гнездо. Лицо отражения выражало такую жестокость, что девушка невольно отшатнулась. Немигающий взгляд, свойственный холоднокровным убийцам, замер прямо на Шемс, в лице, лишённом мимики, лишь самые уголки губ кривились довольной ухмылкой.

Чьё это колдовство?! Шемс поддалась порыву и запустила в зеркало первое, что попало под руку.

Удара металлическим подсвечником стекло не выдержало, мгновенно покрывшись неровными трещинами, отчего вид у зазеркального двойника стал только более зловещим.

На миг Шемс зажмурилась, в попытке упорядочить мысли, а когда распахнула глаза, отражение вновь изменилось. Вернее, черты остались прежними, но на красивом лице появилась страшная гримаса безумия. Белые зубы скалились, горящий сумасшествием взгляд пугал до смерти.

— Что тебе нужно?! — Шемс и сама уже теряла связь с реальностью, загнипнотизированная странным и необъяснимым явлением.

Но вот двойник тихо вздохнул, как-то осунулся, маниакальная иступлённость исчезла из глаз, сменившись такой безмерной печалью, что пальцы Шемс невольно сжались в кулаки, а сердце вдруг заныло от тоски и боли, будто его пронзила невидимая игла. По щекам полились слёзы. Горячие, солёные, они капали на пол, на снежную вату под ёлкой и по эту, и по ту сторону зеркального полотна. Там также, как и здесь плавали блики, чарующе

мерцали огоньки праздничных свечей, паутинки серебряных дождинок, опоясывающие зелёное дерево, блестели и переливались в их неверном свете.

Шемс коснулась ладошкой трещин на зеркале, и отражение сделало то же самое.

— Кто ты?

Губы отражения вопрошали о том же. Зато позади него, в глубине комнаты, краем глаза выхватился ещё чей-то тёмный силуэт. Это заставило Шемс резко обернуться назад — никого. Но когда растерянный взгляд снова обратился к зеркалу, за спиной странного двойника уже стоял чёрт-Тихик.

— Ты задаёшь совершенно нелепые вопросы, дитя, — он укоризненно качнул головой. — Конечно же, это ты, кто ж ещё?

— Неправда! Я не такая! — Шемс взбудоражило его появление, а сердце, и без того тревожно стучащее, кажется, забилося ещё сильнее, если это было возможно.

— У каждой души столько граней, что эти лишь песчинка среди огромного космоса существующего внутри тебя. Дитя, ты можешь быть любой, можешь меняться, обновляться, тебе подвластно всё и в полной мере, просто не бойся обращаться к нему.

— Ты не настоящий, да? Тебя здесь нет?

Тихик обиженно поджал тонкие губы, вздохнул как-то неоднозначно и исчез. В зеркале осталось только собственное отражение Шемс, которое теперь вело себя вполне обычным образом.

Вероятно, она начинала понимать, хотя вера в безграничность собственных возможностей пока находилась в шатком положении. Да и как не переступить ту тонкую грань, чтобы не потерять себя, не превратиться однажды в одно из недавних отражений?.. И тут же в голове нарисовался Тиббот, почему-то в совершенно неподходящем ему образе ангела-хранителя. Шемс даже смутилась, но улыбнулась таким странным мыслям.

Но вот, наконец-то, удалось добраться до мягкой чистой постели, укрыться воздушным одеялом, закрыть глаза, расслабиться и заснуть.

Впервые с момента нахождения в заколдованном доме Шемс видела изумительно прекрасные сны, из оков которых её совершенно бесцеремонно вырвали.

— Прости, но ты сама просила разбудить, когда появятся новости, — заявила Евгения в ответ на протестующее мычание.

Глаза Шемс мгновенно распахнулись.

— Вы нашли лекарство?

— Точнее сказать, вроде бы нашёлся способ вылечить Дарреля, но мы пока на начальном этапе, — последовало осторожное уточнение.

— Мне нужен отец, — Шемс отстранённо усмехнулась. — На нём всё-таки лежат родительские обязанности по отношению ко мне, от которых он и так слишком долго отлынивал. Раз уж дал слово наверстать всё упущенное, так пусть держит...

Проходя через гостиную она бросила настороженный взгляд в сторону зеркала. Дом не может существовать без магии, хотя часть её всё ещё продолжает жить в этих стенах, но вскоре наступит час, когда её последние крохи иссякнут окончательно. Это лишь вопрос времени. Если бы только Шемс удалось восстановить положение...

— Из-за всего этого бедлама я и забыла, какое сегодня число, — сказала Евгения, засмотревшись, как свет от новогодней ели рассыпается на блики. — Очень атмосферно и несколько иронично.

— Он ждал меня семнадцать лет.

— Кто?

— Дом.

Выслушав отчёт Тиббота о том, что состояние Дарреля остаётся без изменений, Шемс помогла расставить на столике возле кровати больного отвары с дурманным запахом, и сама поменяла повязку, пропитанную лечебными мазями.

Даже при скудном свете свечей лицо Дарреля выглядело жутко. Но впадать в панику сейчас было совершенно неподходящее время, и Шемс старательно копировала поведение Тиббота — внешнее воплощение собранности и спокойствия. Чего только не насмотрелись обитатели дома, чего только не испытали... Говорят, всегда надо мыслить позитивно. И правда, если подумать, главным сосредоточением зла тут всегда была Сатис, с ней они справились, а с остальным справятся и подавно.

После проведения комплекса лечебных процедур Дарреля переодели, вновь укрыли одеялом и оставили в покое. Евгения плюхнулась на брошенные на пол подушки и достала из коробки большую старую книгу в чёрном переплёте. Даже не касаясь, на расстоянии вытянутой руки от собранных под обложкой уникальных заклинаний, оказалось несложно почувствовать некий трепет и исходящую со страниц энергию.

— Та ещё ночка выдалась, — короткий выдох облегчения не скрыл усталость. — Смотри, Шемс, что я нашла в покоях Сатис. Здесь собраны описания тёмных ритуалов. Есть тут и такие, которые Сатис использовала для управления домом...

Она прервалась из-за вошедшего в комнату Льюэллина, а Шемс почувствовалось, что при его появлении огоньки свечей будто бы встрепенулись и в комнате стало чуть светлее. Может и правда он это сделал?

Мужчина одним взглядом быстро оценил обстановку, в молчании облокотился плечом

на узкое ребро дверного проёма, всем видом демонстрируя внимание, мол, продолжайте, продолжайте, я тоже хочу послушать.

— В общем, — Евгения прокашлялась, будто у неё запершило в горле. — возможно придётся восстановить магические сферы, стимулирующие регенерацию. Здесь есть описание подобного ритуала. Но это не всё. Полистав книгу мы с Тибботом убедились в наших предположениях, что Дарреля убивает не столько рана, сколько проклятие Сатис, активированное его предательством. Точнее, оно усугубляет его состояние. Поэтому, очень важно, как можно быстрее разрушить старую связь. Сделать это можно созданием новой.

— Он что должен заключить новую сделку? — не поняла Шемс.

Льюэллин отлепился от стены и, глядя на серые клубы тумана, за окном, сказал:

— Это ведь твой приятель с рогами и копытами назначил тебя Властвующей. Стало быть, пришла пора принять соответствующие полномочия.

Шемс растерялась. К счастью, ободряющая улыбка Евгении немного воодушевляла.

— Шемс не Властвующая, а Хранительница нашего дома.

Какой же всё-таки Евгения верный и хороший человек. На душе сразу потеплело. Быть Хранительницей, казалось Шемс, куда привлекательнее. С одной стороны. А с другой, всё равно возложенная на неё миссия — вопрос не шуточный, и липкое чувство тревоги продолжало неприятно скручиваться жгутом внутри.

— Я как-то не уверена. Может, сперва потренироваться на чём-нибудь безопасном?

Льюэллин пожал плечами.

— Чтоб не облажаться? Можешь на холодильнике. Его магические свойства отказали, да и по своему прямому назначению он теперь тоже не работает. Я ходил в город и покупал продукты в обычном сетевом магазине.

Шемс смиренно закрыла глаза и попробовала проникнуть в структуру дома, как делала это раньше.

— Не получается, — пожаловалась она спустя минуту. — Я не чувствую магию. Вернее, чувствую только ту, что всегда была со мной. Но этого не достаточно для сильного колдовства. Вот если бы подпитаться от круга... Евгения, в той книге случайно нет описания ритуала, как его восстановить.

Подруга с Тибботом тревожно переглянулись, а Льюэллин, сохраняя на лице мрачное спокойствие, объяснил:

— Для этого и нужны были жертвоприношения. Смерть освобождает колоссальное количество энергии, которую с помощью умений и определённых ритуальных действий можно направлять в нужное русло.

— Чтобы вернуть в дом магию, я должна питаться, как Сатис, — внутри всё похолодело при мысли о том, что её жуткий зеркальный двойник скоро может воплотиться в жизнь.

Евгения протестующе подняла руку.

— Всего раз! Чтобы спасти Дарреля. У нас есть горгулья, можно принести её в жертву.

— Всего раз, — передразнил Льюэллин. — Потом ещё раз, чтобы защититься от сестёр Чилы, а там глядишь и войдёт в привычку.

— Сейчас у нас нет выбора, — Шемс пыталась изо всех сил сохранить самообладание. — Надо выиграть время, а потом найдётся другой способ...

— Нет, Шемс, — категорично мотнув головой, Тиббот поддержал брата. — Я знаю тебя, ты не сделаешь этого. А ты, — он возмущённо обернулся к Евгении, — не имеешь права вваливать на неё эту ношу.

— Эта ноша наша общая. Наша ответственность, — возразила та. — Мы вместе принимаем решение.

— Если собираетесь устроить тут голосование, то мой голос против, — сообщил Льюэллин холодным тоном, и прежде чем уйти добавил: — Завтрак на кухне. Знаю наверняка, на сытый желудок думается лучше.

Густые брови Евгении сдвинулись.

— Странно как-то вам не кажется? Будто её защищает. Не похоже на него...

— Я тут вот о чём подумал, — перебил Тиббот. — Шемс ведь у нас не единственный маг. Что если объединить усилия? По-возможностям от каждого — это уже весомый вклад.

Евгения протестующе ткнула пальцем в страницу, лежащей на коленях книги.

— Торжествующее мортидо! Вместе мы можем усилить магию, но для разрушения проклятия всё равно нужна энергия смерти.

Последовали разочарованные вздохи, и собеседники вновь надолго уткнулись в магические книги.

Чем они занимаются, думала Шемс. Теряют драгоценное время, хотя решение лежит на поверхности. Горгулья — их смертельный враг, нет сомнений, она-то уж точно никого не пощадит, только шанс представится. Хоть голову сломай, а всё получатся замкнутый круг какой-то. Энергия смерти — это донор для энергии жизни...

Сердце внезапно замерло, а вместе с ним будто и весь мир остановился. Неожиданная мысль явилась словно ниоткуда, как яркий луч озарения.

— Кажется, у меня есть идея!

Она видела воодушевление в их глазах, когда излагала свой план. В теории всё выглядело правдоподобно. Что ж, остаётся проверить как оно будет на практике.

Стоило чуть успокоиться, сразу же разыгрался аппетит. К счастью, предложение Льюэллина перекусить было по-прежнему актуально. Благодаря его заботе теперь в доме имелся недельный запас продуктов. Бутерброды с сыром и копчёной колбасой утолили голод, а блаженное чувство сытости добавило оптимизма и отваги. Что подбило Шемс, вопреки здравому смыслу, решиться взглянуть в лицо своим страхам и проверить себя на прочность.

Тень протянулась через весь подвал, когда она, держа старинный роскошный подсвечник, остановилась перед порогом пещеры, глубоко вдохнула и выдохнула, пытаясь подавить волнение.

Пещера, к её удивлению, не утопала во тьме, но и ловец солнца больше не изливал свет. И всё же глаза отчётливо видели страшный разгром, учинённый Сатис. В центре десятков толстых свечей, расставленных прямо на полу освещали довольно просторную клетку с толстыми железными прутьями.

От неожиданности Шемс сначала испугалась, а потом, когда заметила Льюэллину, разбившего завал на пути к колодцу, разозлилась.

— Ты что тут делаешь? — рявкнула она, пряча за грубостью собственную неуверенность.

Льюэллин посмотрел на неё совершенно спокойно.

— Чила тоже должна есть.

Хмуря брови, Шемс уставилась на стоявший в клетке поднос с парой тарелок, уже почти опустевших, затем подняла глаза на горгулью.

— И что, приняла угощение от человека? Не побрезговала?

— Взаперти Чила не опасна, нет нужды морить её голодом.

— А убивать ради Сатис нужда была?

— Это всего лишь результат нашего собственного выбора, — в его голосе появился холод, и холод в глазах, от которого Шемс стало зябко. — Всегда можно принять другое решение.

— Я хочу поговорить с... Чилой, — Шемс запнулась, но всё-таки заставила себя назвать горгулью по имени. — Можешь оставить нас наедине?

— Конечно, — Льюэллин не возражал. — Тиббот всё ещё в покоях Евгении? Мне нужна его помощь в разборе завалов и поиске уцелевших артефактов.

— Эм... А Тиббот ушёл. По моей просьбе, — Шемс смутилась, при этом недоверчиво покосилась на горгулью, дожёвывающую лимонный пирог, и получила в ответ взгляд, искрящийся взаимной неприязнью. — Он к вечеру должен вернуться.

Настал черёд Льюэллина хмурить брови. Но ещё более удивительно то, что он не стал требовать объяснений, только молча забрал с продолговатого камня принесённый им подсвечник и вышел в темный проём подвала.

Не спеша Шемс прошла вдоль закопчённой стены, раздумывая с чего бы начать разговор. По правде говоря, сюда она шла с единственным намерением — убедиться, что горгулья обезврежена и надёжно заперта в зачарованную клетку, сдерживающую любой неожиданный натиск. Болтать с заключённой не было ни малейшей охоты, но теперь, наверно, придётся, просто потому что выглядеть глупо тоже не хочется, пусть даже перед этой полуптицей.

— Твои сёстры ведь придут за тобой? — наконец, задала она вопрос, разыгрывая роль эдакого сурового следователя.

— Тебе бы переживать о том, чтоб они за тобой не пришли, — огрызнулась Чила.

— У меня нет ни желания, ни времени пререкаться тут с тобой. Ни я явилась к тебе без приглашения, ни я преследовала тебя на острове, ни я напала и замучила до полусмерти твоего близкого друга. И за нас не волнуйся, — добавила Шемс с важностью, — я запечатала портал, через который вы сюда проникли...

— И избавили вас от большой проблемы под названием Сатис.

— Вот за это спасибо. Поверь, я не хочу тебя убивать, но если будет нужно, сделаю это. Мной не движет месть, я не такая.

— Тобой движет обыкновенный страх. Ты боишься меня и правильно. А Льюэллин не боится. Как думаешь, почему?

— Мой страх вполне уместен — ты хотела отправить меня в Ад! Не вижу ничего плохого в элементарном инстинкте самосохранения...

— Он действительно мог бы убить меня, и также, не дрогнув, мог бы принять смерть от моей руки...

— Да с тобой вообще невозможно разговаривать! Совсем не умеешь слушать. С такими-то большими ушами...

— Чем одуреть со скуки, вслушиваясь в твоё нытьё, лучше уж снова обратиться камнем. Или после работы с порталом силёнок совсем не осталось? Ну говори уже, что тебе нужно, самый нудный человек во вселенной?

Ох как нелегко было сдержаться и не выместить зло, швырнув в горгулью хотя бы камнем. Однако Шемс лишь скрипнула зубами, приказав себе быть благоразумной.

— Мне вот что очень интересно, — процедила она задумчиво, — насколько дорога ты

своим сёстрам? Согласятся ли они оставить нас в покое в обмен на твою жизнь и свободу?

— Так мы уже торгуемся?

— Разве это не в твоих интересах?

— А разве ты забыла цель моего предназначения — следить, чтобы каждая душа находилась на своём месте? Впрочем, если даже сёстры согласятся на эти переговоры, советую заранее задаться вопросом цены.

— Что ты имеешь в виду?

— Я тебе не ангел-хранитель, чтобы направлять и подсказывать верные решения, — Чила сердито хлопнула крыльями, забыв о размерах клетки, и тотчас, коснувшиеся преграды перья, накрепко к ней прилепились, да так, что пришлось отдирать их руками, оставляя на прутьях свежие следы крови. Теперь-то Шемс заметила и старые, уже засохшие. Это означало, что очнувшись, горгулья далеко не сразу признала факт своего пленения, но жестокая магия артефакта сумела смерить её нрав. Болезненно поморщившись, Чила добавила: — Мы никогда не отказываемся от своей основной задачи. Хочешь воспользоваться мной, как шансом — самостоятельно пораскинь мозгами и выбери правильную формулировку предложений и требований.

— Солнце вот-вот сядет. Ты обещала, что он успеет до сумерек, — Льюэллин поймал Шемс возле входа в бывшие покои Властвующей, где она, вот уже минут пятнадцать нерешительно мялась на лестничной площадке, не отваживаясь посетить место, служившее многие годы истинной обителью зла.

— Он успеет, — должен успеть, думала Шемс, и сама страшно переживая за парня.

Тем не менее, появление Льюэллина добавило храбрости, и девушка двинулась вперёд в твёрдой уверенности, что тот последует за ней. Так и вышло.

— Могу я узнать, куда ты отправила его на этот раз? Уж прости, памятуя недавние события, у меня есть все основания волноваться.

— Это хорошо, а то я грешным делом начала подумывать, что твоя благосклонность к Чиле — результат короткой памяти, — Шемс верила, что у неё есть все основания обижаться. А потому что нечего любезничать с горгульей. Вот забота о Тибботе вполне объяснима и логична, тут без претензий. — Сам ведь говорил, чтобы восстановить прежний баланс, понабиться энергия смерти. И раз уж мы больше никого не убиваем, значит попробуем попросить по-хорошему у того, кто ею обладает.

Отнюдь не испытывая уверенности, Шемс торопливо пересекла огромный тёмный зал.

— Хочешь призвать призраков? — следовавшему за ней Льюэллину идея ожидаемо не понравилась. — Их поведение непредсказуемо, если, как я понимаю, речь идёт о душах, принесённых в жертву в этом доме. Чего ради они стали бы нам помогать?

— И всё же мы попробуем, — Шемс упрямо мотнула головой, хотя слова Льюэллина заставили её усомниться в правильности уже принятых решений. Скорее для себя она задумчиво отметила: — У нас просто не осталось времени на поиски других возможностей.

Они уже добрались до синих штор и, не медля ни секунды, чтоб не дать волю внутреннему трепету вперемешку с суеверным страхом, Шемс стремительно отёрнула их.

За шторами оказалась ещё одна прямоугольная комната, наполненная мебелью и всяческими колдовскими атрибутами. С противоположной стороны в стене темнел открытый арочный проём, через который виднелся угол незаправленной кровати.

— Есть другой способ, — Льюэллин настойчиво продолжал её отговаривать. — Чила напрямую связана с миром мёртвых. В ней есть та сила, что нужна нам.

— Серьёзно?! — внутри Шемс снова вскипел гнев. — Тогда может уж сразу и из клетки её выпустить, чтобы проблем добавить?

— Даже такой шаг дал бы больше шансов, чем впустить в дом толпу призраков, жаждущих отомстить. Тем более среди нас всё равно нет медиума.

— Я ни при каких обстоятельствах не стану просить горгулью о помощи. А потому закроем эту тему раз и навсегда. Лучше помоги найти спиритическую доску, зеркало призраков, чёрное покрывало смерти и... — она поднесла немного помятый бумажный листок поближе к свечам, — и ещё ритуальный нож. Что-то из этого списка наверняка храниться где-то тут. Нам нужно торопиться, они появятся с минуты на минуту.

— Они?

— Да. Тиббот приведёт к нам медиума, — наконец-то, она почувствовала гордость, заметив его обескураженное лицо.

— В импульсивных решениях есть свои преимущества, но ты не думаешь о последствиях

или причинах своих поступков, — он вздохнул и аккуратно выдвинул один из ящиков комода, который до этого Шемс пыталась открыть так напряжённо, что аж вспотела. Свет от свечей скользнул вниз, по содержимому ящика. — Да, это именно оно — чёрное покрывало смерти, — ответил Льюэллин на её немой вопрос.

Пальцы немного дрожали, прикасаясь к завёрнутой в тонкий пергамент материи, способной на любого навести порчу.

Не зря Улана называла дом Склепом. Он действительно, особенно сейчас, походил на место, где его обитатели, погребённые заживо, искренне недоумевают и диву даются, какого чёрта с ними вообще это случилось. И что им ещё остаётся, кроме как искать чудесного спасения от пожизненного одиночества, от безысходности, разрубить мёртвый узел, завязанный вокруг них. Всюду лишь тьма, от начала и до конца пронизывающая всё, и вряд ли, ни с того ни с сего она свободно выпустит кого-то из своих оков.

По разноголосому шуму, доносившемуся с первого этажа, Шемс поняла, что Тиббот вернулся. Фу... Сразу от сердца отлегло. Волнение сменилось нетерпеливым предвкушением, подталкивающим бросить все дела и бежать навстречу.

— Поиск может растянуться надолго, да? — Шемс впала в задумчивую рассеянность.

— Иди. Начинайте готовиться к ритуалу. За это время я соберу всё необходимое.

Никаких уточнений и уговоров не понадобилось, весь вид девушки свидетельствовал о нетерпении поскорее увидеться с той, кто, наверняка, тоже уже много месяцев считает минуты до долгожданной встречи.

Шемс так спешила, что пробегая мимо разрушенных покоев Дарреля споткнулась об одну из поваленных статуй и чуть не выронила подсвечник. Что-то блеснуло внизу среди пыли и мусора. Пальцы безотчетно нашарили изящное золотое колечко с чёрным камнем, высвеченным светом свечей. Гладкая чёрная поверхность, а внутри, утопая в бездонной глубине чернеющей бездны, горит мозаика из кусочков яркой радуги. находка соответствовала образу фамильного кольца Дарреля, упомянутого Уланой в своём дневнике. Это показалось хорошим знаком, и не раздумывая, Шемс сунула украшение в карман.

Следуя за голосами, она пришла на кухню, а когда увидела их воочию, отчего-то застыла в дверном проёме, разом растеряв все мысли и заготовленные слова. Только глядела и всё никак не могла наглядеться, ощущая, как накатывают слёзы и до боли щемит сердце.

— Татьяна, ты пришла, — рвущийся изнутри возглас, прозвучал хриплым, срывающимся полушёпотом.

Женщина стояла возле сдвинутых в сторону обломков пострадавшей мебели и беспокойно озиралась по сторонам. На её плечах наброшен всё тот же фиолетовый пуховик нараспашку, в руках — телефон, абсолютно бесполезный в этих стенах. Услышав Шемс, она резко обернулась.

— Господи боже! Девочка ты моя!

Через несколько секунд, потребовавшихся на преодоление разделявшего их расстояния, Шемс была заключена в крепкие объятия, зацелована и залита слезами.

Шемс не понимала почему так больно, ведь всё же хорошо, всё, как они и планировали.

— Прости меня. Я скучала очень, — всхлипнула она тихонько.

— А я чувствовала, я знала, что не могла ты пропасть навсегда... И карты таро говорили, что жива, что где-то поблизости...

Тиббот, по его собственному мнению, дал им достаточно времени, чтобы прийти в себя, терпеливо выжидая в сторонке, но похоже, момент счастливой встречи грозил растянуться

надолго.

— Надо спешить, Шемс, — напомнил он.

Немного отстранившись от Татьяны, девушка виновато заглянула в припухшие от слёз глаза.

— Ты ведь теперь обо всём знаешь? Тиббот тебе рассказал?

Лицо женщины вдруг приняло суровое выражение, тонкие губы дрогнули, глаза метнули молнии в приведшего её сюда парня.

— Он показал Уланин дневник. И если хоть треть из того, о чём там говорится правда, то по этим нелюдям уже давно тюрьма плачет или психбольница.

— Сначала я тоже так считала, — Шемс невесело усмехнулась. — Тут всё сложно... Так ты поможешь нам?

— Разумеется. Но исключительно ради тебя, а не этого, как его там... Дарреля, — сообщила Татьяна, и после небольшой заминки спросила, понизив голос. — Думаешь, Улана одобрила бы такое?

— Не знаю, — задумчивый взгляд Шемс скользнул по расставленным на столе свечам. — Она боялась этого места, но не питала ненависти к моему отцу. В этом я уверена.

Вместе они проследовали в спальню, где в беспмятстве лежал мужчина, казавшийся слишком молодым, слишком красивым для того, чтобы без борьбы отдать его в лапы скорбной тени смерти, реявшей подле.

Знакомство с Евгенией прошло скомкано. Татьяна, во время их недолгой беседы, вела себя подчёркнуто сдержанно и отвечала крайне уклончиво, а Евгения как будто чего-то смущалась, постоянно отводила глаза в сторону. Ну а встреча с Льюэллином ещё больше подлила масла в огонь. К счастью, пока обходилось без серьёзных эксцессов.

И вот, наконец, всё приготовили, расставили в неукоснительно правильном порядке зажжённые восковые свечи, расселись по местам, дело оставалось за работой медиума.

— Ну и что, что ты не маг, — Евгения рьяно выразила несогласие Тибботу, вознамерившемуся отсидеться в сторонке в качестве наблюдателя, — у нас сейчас любая капля энергии на счету. Садись вон рядом с Шемс, будешь её подпитывать.

Татьяна придирчиво изучала каждую мелочь, задействованную в ритуале.

— Всё-таки лучше использовать личные вещи покойников, так мы, хотя бы, избежим нежелательных явлений из загробного мира. Той защиты, что вы приготовили, хватит разве что на пару-тройку разгневанных, но не слишком энергетически-активных призраков. А вызывая духов наугад, сложно предугадать, как их количество или реакцию, так и дальнейшее развитие событий.

— Реакция их, как раз-таки, вполне предсказуема, — Льюэллин неодобрительно качнул головой. Вместе с остальными он сидел на полу между Шемс и Татьяной, замыкавшей ритуальный круг. — Вряд ли стоит ждать их сочувствие и участливого содействия в месте, где стены побагровели от силой отнятых жизней.

— У вас ведь должны были сохраниться памятные вещи ваших умерших родственников, друзей?.. Ну хоть что-то?

— Они бы вызывали не те эмоции, — Льюэллин бросил на медиума мимолётный, но очень пронзительный взгляд. — Хотя... у Дарреля были... Всякое барахло, остававшееся от «гостей», он складывал в специальную коробку. Она не сохранилась.

Шемс, до этого момента, настороженно прислушивавшаяся к каждому слову, вдруг дернулась. Её осенила догадка.

— Я нашла его фамильное кольцо. Как думаете, давно умершие предки не стали бы вредить своему кровному родственнику и его друзьям?

— В семье всякое бывает, — Татьяна пожала плечами. — На моей практике — я впервые вызываю не какого-то конкретного призрака, а организую ряд совершенно случайных стягиваний любых, с позволения сказать, под руку подвернувшихся потоков энергии. На обычный спиритический сеанс всё это походит весьма отдалённо. Да я и заклинаниями-то подобными никогда прежде не пользовалась. Вопрос — готовы ли мы уповать на волю случая?

Неожиданно даже для себя Шемс приняла решение немного скорректировать их план.

— Я согласна с Льюэллином в том, что игры со смертью опасны. Поддашься искушению — потеряешь себя. Не приведи господь, ещё откроем лазейку для возвращения Сатис, тогда, чего доброго, и впрямь придётся выпускать из клетки горгулью, — проигнорировав неуместную усмешку Льюэллина, она деловито продолжила: — Используем кольцо. Во-первых, это должно снизить риск проникновения в наш мир всяких там недружелюбных существ, во-вторых, больше вероятность, что нам не придётся силой забирать чужую энергию. Я всё-таки хочу верить, что предки отца согласятся помочь нам добровольно.

Поскольку у остальных возражений не было, Татьяна дала сигнал начинать ритуал. Все взялись за руки.

Вслед за первыми же произнесёнными магическими словами по комнате пролетел странный, едва различимый неразборчивый шёпот, но может, это только игра воображения. Конечно, при таком освещении, да во взвинченном состоянии, что угодно может примерещиться. Неизвестно откуда взявшийся зябкий ветерок быстро пробежался мурашками по телу, вздрогнули и задрожали яркие язычки свечей, а темнота вокруг стала ещё гуще. Только мягкий размеренный голос Татьяны продолжал звучать, главенствуя над навязчивыми образами и звуками, и значит, всё идёт как надо. Серый туман из бутафорского окна начал перетекать в комнату, потянуто сыростью, воздух вдруг приобрёл глубокий пряный запах тростника и прелой земли, как после дождя, странный, но приятный, расслабляющий. Минуты шли, Шемс давила зевоту, мечтая о мягкой, тёплой постели. Надо просто запастись терпением. Вздохнув поглубже, она с усилием оторвала отяжелевший взгляд от свечей и чуть было не испустила вопль, оказавшись лицом к лицу, с седенькой старушкой лет восьмидесяти.

— Мой супруг всегда успевал подхватить меня, когда я спотыкалась. Сплоховал лишь однажды, — доверительно сообщила та, тихонько засмеялась и добавила на непонятном языке ещё какую-то фразу, затем отвернувшись, уплыла в сторону кровати.

И почти сразу же слетом из темноты показалась белая рука, принадлежащая второму призраку. Женщина, молодая и необыкновенно красивая, выскользнула в круг, возможно, из тех самых полей Иалу.

Никакой угрозы в явившихся с того света душах не чувствовалось, но тёмные глаза Евгении и светлые Льюэллина были начеку.

Эфемерные фигуры склонились над Даррелем.

— Смотри, Салиджжи, какой у твоего сына крепкий сон, будто в подушку ему зашили ароматные лепестки лаванды. Но нет, там лишь утиный пух, — сказала старушка с какой-то грустной нежностью. — Значит время пришло.

— Эй, вы поосторожнее там! — немного сердито воскликнула Евгения. — Ему ещё не

скоро время придёт.

Шемс испугалась, что призраки могут рассердиться из-за нелюбезного обращения и на правах родственницы поспешила вмешаться.

— Да, слишком рано. Ему ещё нужно искупить свои ошибки. А ошибок было достаточно... Вы ведь хотите ему помочь?

— В силах ли мы что-то изменить. — старушка снова прикоснулась к умирающему мужчине. — Душа его уже на пороге и жаждет покоя. Как помочь, если он сам не желает бороться, не цепляется за жизнь? Теперь только великая магия любви способна удержать его в материальном мире.

— А она тоже пришла помочь? — та, которую старушка назвала Салиджжи, вдруг посмотрела куда-то в сторону поверх голов живых участников ритуала.

Шемс проследила за её взглядом и сердце в груди пропустило удар. Как они могли не заметить появления третьего призрака?

— Мама! — ком в горле мешал говорить. Да и что говорить, дышать тяжело.

Призрак Уланы стоял в противоположном углу со странным выражением на лице — смеси боли и ужаса.

— Нам нужно больше энергии, — голос Льюэллин был ровным, а взгляд, как и у Шемс, неотрывно впивался в фарфоровое лицо, обозначенное неярким фосфоресцирующим сиянием.

Улана отвернулась и направилась было назад в темноту.

— Мама, не уходи! — крикнула Шемс, а солёные слёзы градом катились по щекам. — Спаси его для меня! Умоляю!

Призрак вздрогнул, помедлил и обернулся вновь.

— Прости, солнышко, — прошелестел в тишине бестелесный голос, обращённый к Шемс. — Твоё горе — моя вина. Я бежала от реальности, вместо того, чтобы защищаться, надеясь при этом, что тебя такая участь минует.

— Пожалуйста... Они говорят, что любовь — это тоже магия. Я люблю его... а он не знает. Я должна ему об этом рассказать.

— Мы все хотим одного, — подтвердила Евгения каким-то осторожным тоном. — Каждый по-своему, но я уверена, мы все любим Дарреля.

Улана промолчала, однако по лицу было видно, что она не разделяет подобных стремлений, и эта встреча скорее печалила её. Призрачная старушка тоже недоверчиво покачала седой головой.

— Ой ли? — позволила она себе вслух усомниться в их искренности, и обвела присутствующих испытующим взором, задержалась на Евгении чуть дольше, чем на остальных, а потом вдруг согласилась. — Хорошо. Пусть наш мальчик сам решит, а мы сделаем всё от нас зависящее, чтобы указать ему путь обратно.

Улана так и не выразила ни протеста ни решимости помочь, просто скользнула вперёд и остановилась у изножья кровати. Другие две призрачные дамы остались парить по краям её изголовья.

Далее управление ритуальными действиями перешло к Льюэллину, Евгении и Шемс. Крепко держась за руки они плели волшебное заклинание, черпая энергию их внутренних резервов.

Нечто чужеродное стремилось разорвать их связь, с откровенно враждебными намерениями наваливалось со всех сторон, лезло под кожу обжигая одновременно жаром и

холодом. Их сцепленные ладони загорелись слабым золотистым светом, но как же трудно было противостоять разъединяющей их неведомой силе.

Шемс точно знала — призракам сейчас тоже больно. Их медленно, но неотвратимо затягивало в густую, будто тягучее желе чёрную воронку, в абсолютный мрак небытия.

— Эмоции не являются пороками, — гаркнула на живых призрачная старушка, отчаянно сопротивляясь пожирающей её тьме. — В ваших сердцах полно сомнений, а значит там недостаточно любви. Моему внуку не удержаться в мире, где недостаточно любви.

— Связь трещит по швам, — признал очевидный факт Льюэллин. — Мы вот-вот потеряем контроль.

Шемс овладело отчаяние. Тогда, в городском приюте, когда Тиббот впервые протянул ей руку, она не слишком осторожничала, просто сиганула в омут с головой. Но если бы вновь оказаться перед выбором, зная наперёд, что её ждёт в будущем. Как бы она поступила в таком случае? В застывшем взгляде, уставившемся на Льюэллина, впервые читалась обречённость.

— Нам не справиться без горгульи.

Его кожа была бледна и покрыта капельками пота, однако взгляд сохранял обычную невозмутимость.

— Не сомневался, что услышу от тебя это.

— Зачем же тогда согласился?! Почему не сделал по-своему? Ты же всё заранее понимал... — не договорив, она разрыдалась.

— Я и сделал всё по-своему, — его тон был холоден, впрочем, как обычно.

— Для тебя это естественно, да? Желать ему смерти. Иначе где же она? Где Чила?

— Да здесь я.

Из глубины гостиной к ним в спальню величаво проследовала тень, и спустя миг смятённым взорам присутствующих предстала горгулья, свободная, блистающая во всём своём ужасном великолепии.

— Мы договорились, — светлые глаза Льюэллина смотрели на неё зорко и предупреждающе.

— Спокойнее, спокойнее. Разве ж я нападаю? Просто стою тут и размышляю о том, насколько вы люди нежны, насколько уязвимы. Не бойтесь, я нужным образом настроилась на эффективное сотрудничество, поэтому сегодня обойдёмся без кровопролития. Готова даже получить и рассмотреть предложение поучаствовать в вашем милом мероприятии. Только пусть она сама попросит, — Чила кивнула в направлении Шемс, и след надменной улыбки промелькнул на её губах.

Шемс не стала колебаться, ей уже нечем было рисковать.

— Чила, прошу тебя... Нам не справиться без твоей помощи.

— Чистого любопытства ради, — девушка-полуптица согласилась не раздумывая. Конечно, ведь за тем и пришла, — Так интересно вдруг стало, чем же в итоге закончится это забавное представление.

Она ловко втиснулась между Шемс и Льюэллином, расцепив их руки и, каким-то чудом не прервав связь.

И тотчас Шемс окатила волна энергии, мощная, яркая, отдаваясь приятным покалыванием потекла по живым каналам рук, высвобождаясь, проникая везде и всюду, наполняя пространство дома невиданной силой. Привыкшие к темноте глаза зажмурились сами собой от взорвавшего пространство нестерпимо-ослепительного электрического света.

Все свои чувства и мысли Шемс сосредоточила на движении этой энергии, но и так было ясно, что уж теперь-то точно всё кончено — они справились. Оказывается, им по силам даже победить смерть.

Взгляд упал на Дарреля — смертельная бледность сошла с лица, а глухой хрип сменился ровным дыханием крепко спящего человека.

— Я хочу быть рядом, когда он очнётся, — никакой победной радости не было. Шемс не отпускало чувство разбитости, горло перехватывало от нелепого желания плакать. Призраки исчезли, а она снова не успела попрощаться, даже толком поговорить и то не вышло. Когда выпал шанс, и долгая тоска преобразилась в мгновения чудесной встречи, она снова сплеховала... потому что о другом думала.

Евгения со вздохом поднялась на ноги.

— Да, будет правильно, если именно тебя Даррель увидит первой, когда проснётся, это придаст ему дополнительных сил. Полагаю, проклятия Сатис можно больше не опасаться, ибо выглядит «наш пациент» теперь несомненно лучше, — она окинула беглым взглядом всех присутствующих и не давая никому возможности успеть ей что-либо ответить, быстренько нырнула за дверь, ведущую в просторную гардеробную.

— Ну раз угроза очередной катастрофы миновала, я, пожалуй, тоже пойду, займусь разгребанием завалов, вдруг и мне, как Шемс повезёт, и я отыщу ценное сокровище, — в прозрачно-серых глазах Льюэллина светилась ирония. Но прежде чем уйти он вежливо кивнул Татьяне: — У вас выдался трудный день и ещё более трудная ночь. Увы, полноценно отдохнуть в доме возможно только в покоях Шемс. Но если вы не желаете терять её из вида, то ступайте в гостиную, там есть уютный диван. Посвятите сну хотя бы утренние часы.

По глазам Татьяны не трудно было догадаться, что сон — это последнее о чём она сейчас думает. В голове её бушевал океан вопросов, но из опасения сболтнуть лишнего, говорить при посторонних не хотелось. Женщина вопросительно взглянула на Шемс и, получив в ответ ободряющую улыбку, всё-таки уступила разумным доводам.

Следом за Льюэллином вскочила и горгулья.

— Мне вернуться в клетку?

Шемс мигом напряглась, в ушах отдавалось гулкое биение пульса. Оставалось только надеяться, что никто не заметил, каких усилий ей стоит сохранять достоинство.

— Спасибо, Чила. Я в долгу перед тобой. И верю, что отыщется способ... примирить.. наши стороны. Делай, что хочешь. Только без кровопролития, — напомнила она и попробовала шутливо улыбнуться. Улыбка вышла так себе. — Можешь вернуться в свой мир.

— Я хочу помогать Льюэллину разгребать завалы.

Льюэллин уже поворачивал дверную ручку, и инициатива Чилы похоже застало его врасплох.

— Говоря по правде — не самое увлекательное занятие.

— Зато так будет проще не нарушить условия нашей магической сделки. Моя жизнь всё ещё дорога мне, — она не сводила с него горящих глаз.

Шемс с шумом выдохнула накопившееся напряжение. Вот значит в чём дело. Но как Льюэллин умудрился вынудить горгулью дать клятву подчинения? А ещё, сложно поверить, однако, кажется, Чила испытывает по этому поводу душевное удовлетворение. В конце концов, недаром она без промедления умчалась за ним.

Тиббот сгрёб обеими руками в мусорный пакет огарки свечей, использованных в ритуале и аккуратно прибрал в уголок остальные колдовские атрибуты. Его лицо такое

живое, такое знакомое и родное, казалось лучиком света в царящей над домом погребальной атмосфере. Глядя на него у Шемс возникало безотчётное желание улыбаться, грусть понемногу уходила. Странные мысли блуждали у неё в голове. Перебравшись в кресло и уютно поджав под себя ноги, она расслабленно потянулась, почувствовав, наконец, уверенность и спокойствие.

Он подошёл, сел на полу рядом и положил голову ей на колени.

— Можно я тут посплю?

Шемс погладила густую мужскую шевелюру и попыталась прикинуть, когда он отдыхал в последний раз. Даже его голос звучал глубочайшей утомлённостью. Конечно, он имел право быть усталым, ведь он тоже всего лишь человек. Вспомнив, что Тибботу исполнилось 169 лет, Шемс мысленно хихикнула. Человек, но удивительный, противоречивый, невероятный! И овал молодого лица, в обрамлении вьющихся рыжих волос к которым всё время хочется прикасаться, и ямочки на щеках, и тепло его тела — всё это было слишком реальным, слишком человеческим, вызывающим в Шемс вполне плотский интерес...

Тишину разбавляло лишь их дыхание. Всё настойчивее разум обволакивала ленивая дремота, неторопливо овладевая сознанием. Шемс даже не заметила, как тихонько скрипнула дверь гардеробной, и Евгения, одетая в короткую меховую куртку и тёплые штаны, бесшумно прокралась мимо к выходу. Время текло, Морфей незаметно крался по комнате, касаясь спящих своим волшебным крылом и увлекая сквозь распахнутые двери в великую страну грёз.

Трудно сказать наверняка, что её разбудило. Тиббот продолжал спать мирным сном, уткнувшись носом ей в колени и не проснулся даже, когда Шемс осторожно передвинула затёкшие ноги, только пробормотал во сне что-то неразборчиво и прижался крепче.

Повинуясь порыву, она улыбнулась и, наклонившись, поцеловала Тиббота в макушку, затем обернулась на постель. Глаза Дарреля были открыты. Какое-то смятение и настороженность выражались во взгляде этих впалых глаз, как будто сомнения не отпускают, что он действительно до сих пор жив.

— Ты очнулся?! — ахнула Шемс.

— Похоже на то... Долго я тут... провалялся?

— Примерно сутки, — от волнения все нужные слова вылетели из головы, оттого речь получалась сбивчивой. — Теперь всё позади, ты спасся, и я так счастлива, ужасно счастлива!.. Сатис навсегда сгинула — мы свободны, больше никаких преклонений, попыток и убийств... Мы можем привести свою жизнь в порядок... В общем, дела наши явно налаживаются, правда вынужденное соседство с горгульей немного досаждаёт, но наверняка, это ненадолго.

Даррелю понадобилась пауза, чтобы осмыслить услышанное.

— Должно быть я многое пропустил?

— Главное, что ты к нам вернулся. Как себя чувствуешь?

— Как сошедший с раскалённой голгофы... Знаешь, Шемс, я ведь поверил иллюзиям, созданным мозгом. Это как верить в реальность сновидений до момента пробуждения. Я провёл там вечность, а ты говоришь — сутки.

Шемс тихонечко выскользнула из кольца рук Тиббота, и перебралась на кровать к Даррелю.

— Мне так жаль, — зашептала она с искренним сочувствием. — Я и представить себе не могу... Хочешь поговорить об этом?

Он кивнул, с отстранённым видом рассматривая высокий потолок, снова возвращаясь мыслями в то место о котором рассказывал.

— Я видел себя в пустыне. Немилосердно палящее солнце сжигало кожу. Бесчисленное количество раз оно описывало круги по небу, но никогда не опускалось за горизонт. В мире раскалённых песков не существует ночей, хоть немного разгоняющих адское пекло. Воздух дрожал от зноя, и временами мне чудился вдали живой сфинкс, шагающий по гребню бархана. Разумеется, это был мираж, как и лазурное озеро, обрамлённое зелёной травой и цветами — мучительный, недостижимый призрачный мираж... Я практически сдался, Шемс, просто ждал, когда уже чёртов песок окончательно поглотит меня, и даже не сомневался, что такова была расплата за мою жизнь.

— Но это не так. Пережитый кошмар — это обыкновенный сон. Ты был тяжело ранен, твоя жизнь была в опасности. Я знаю, я читала об этом. Просто таким образом, через сны наш организм подаёт сигнал о неполадках со здоровьем.

Их эмоциональный разговор всё же разбудил Тиббота. Щуря спросонья глаза, он отстранился от кресла и выпрямился. Голос его прозвучал немного охрипло:

— Но на всякий случай, ты бы проверил себя, ну подвигал бы там руками и ногами, всё ли как прежде хорошо работает... Мир вроде не рухнул пока ты высматривал галлюцинаторных сфинксов, мы, как можем, приспособляемся к новой реальности. В общем, с возвращением, Даррель.

— И я рад тебя видеть, Тиббот. На самом деле рад, без иронии.

— Вы гляньте-ка который час. Бог ты мой! А мы же ещё не завтракали. Сейчас наскоро сварганю яичницу с чайком. Хотя, наверно, лучше поискать что-нибудь покрепче чая.

В подтверждение своих слов Тиббот устремился к выходу, где нос к носу столкнулся с Евгенией. Шемс при виде неё изумлённо разинула рот, а Даррель даже приподнялся на локтях и выразительно присвистнул.

— Я что опять проворонил момент превращения? Жень, куда ты дела афрокосички Ионы?

Шемс на него сразу шикнула. Только поздно, Евгения замерла, будто о невидимую стену ударились.

— Ну я пошёл, — Тиббот, чувствуя, что атмосфера накалилась, поторопился вовремя смотаться.

— Тебе очень идёт новая причёска, — Шемс сопровождала свои слова обезоруживающей, слегка сконфуженной улыбкой.

Евгения медленно вдохнула и выдохнула, сняла куртку и кинула её в пустое кресло.

— Девушка из салона «Симфония ножниц» посоветовала сменить стиль. По-моему, верное решение.

— Ты ходила в город?

— А что? Нам вроде больше не запрещается выходить из дома. Понятно, что безопаснее это делать в дневные часы, но это пока. Очень надеюсь, проблема с горгульями скоро разрешится, — Евгения сдула кудрявую чёрную прядь, упавшую ей на глаза, поджатые губы выражали досаду вперемешку с раздражением и ещё что-то... Уязвимость?

— Горгульи охотятся только за Шемс, это ни для кого здесь не секрет, — возразил Даррель. Тон его стал намного мягче и больше не отдавал насмешкой, во взгляде появилась пристальная пытливость. — Тебе там снаружи ничто не угрожает. Но ты всё равно вернулась.

Евгения подошла ближе. Движения её стали какими-то резкими, хаотичными. Неловко задетая ступка с остатками мази упала с прикроватного столика.

— Я не собиралась сбегать. Просто хотела, чтобы все перестали видеть во мне Иону. Да мне и самой... с каждым днём всё невыносимее смотреть в зеркало.

Шемс сорвалась с кровати, чтобы обнять девушку.

— Необязательно всегда казаться сильной. Если тебя это так беспокоит, ты могла просто поговорить с нами, и мы бы тебе рассказали правду: какая ты у нас классная, ни на кого не похожая, единственная и незаменимая.

Глаза Евгении блеснули влагой, казалось вот-вот и она расплачется. Если десятилетиями блуждать в мире теней бесплотным, одиноким духом, незаметно отвыкаешь от дружеского внимания и заботы. Растерянная и слегка дезориентированная она часто часто заморгала, разгоняя слёзы, затем высвободилась из объятий, спеша за показной хлопотливостью скрыть смущение. Хмуро глянув на Дарреля она прокомментировала:

— Хорошо, что ты воскрес и с виду необычайно бодр и шутлив. Теперь будь любезен, сядь прямо и повернись спиной, чтобы было удобнее снимать с тебя эти чёртовы бинты.

Теперь уж смутился Даррель.

— Эм... Я может как-нибудь сам справлюсь?

— А-а, ну валяй.

Евгения сложила руки на груди и некоторое время молча наблюдала за рядом его неудачных попыток.

— Вообще-то, честно говоря, помощь не помешает, — признал он в итоге.

Шемс не лезла в их непонятные противостояние: соорудила загадочное лицо и, обняв подушку, пришипилась на краешке кровати.

Магия сделала своё дело превосходно — от страшной раны не осталось и следа, под несколькими слоями бинтов оказалось крепкое и красивое мужское тело.

Тут и Тиббот как раз подоспел с обедом, но вовсе не обещанной яичницей, а кое-чем поинтереснее, видимо холодильник был снова в действии. Разбудили Татьяну. Лекарства и магические книги на столе быстро сменили тарелки и винные бокалы. Увидев, как Шемс перечитывает их количество, а потом корчит брезгливую гримасу, Тиббот поспешил к ней с оправданиями:

— Чилу тоже позвать пришлось. Она же с Льюэллином там стояла. Ну как бы я его позвал, а её нет?

— Надо с этим что-то делать. Она вчера намекнула, что её сёстры возможно согласятся оставить меня в покое в обмен на что-то такое, что по их мнению будет соответствовать подаренной мне свободе.

— Им недостаточно того, что мы вернём им Чилу?

Шемс не успела ответить из-за появления той самой Чилы. Они обменялись наигранс вежливыми взглядами и даже натянутыми улыбками. На предложенный ей бокал горгулья посмотрела с сомнением.

— Что такое это ваше вино?

— Ты никогда не пробовала алкоголь? — Даррель с Евгенией недоумённо воззрились на неё. Да и остальные смотрели с немалым удивлением.

— В моём гнезде не было ничего подобного.

— А твоё гнездо, оно прям, как настоящее гнездо, — не удержалась Шемс, — из веток, листьев и перьев?

Чила закатила глаза, но бокал всё-таки взяла.

— Я живу в большом красивом доме, вырезанном в самой неприступной части розовой скалы, — она незаметно покосилась на Льюэллина, ожидая его реакции, которой, конечно же, не последовало. — Там множество комнат, из которых можно сразу попасть на открытые террасы с завораживающими видами...

— На огонь и пепел? — уточнила Евгения.

— На окружающие наш город величественные скальные массивы, а над головой — космос демонстрирует нам свои звёздные скопления, туманности и метеоры, — она попробовала вино и задумалась на секунду. — Вкусное.

— Ну ещё бы, это же Кот де Прованс, — усмехнулся Тиббот и предложил: — А давайте чокнемся что ли. За великую силу коллектива. За единство наших душ!

Всё меняется и все меняются внутри себя каждый день и каждый час, меняется распорядок жизни, убеждения и ценности. Все события будущего совершенно точно зависят от множества неожиданных стечений обстоятельств, их комбинаций, совпадений, но в первую очередь от одного первого шага. И сегодня Шемс впервые перешагнула порог покоев Льюэллина. Здесь, как и повсюду пришлось пробираться через разбитую в щепки мебель, разбросанные вещи, разрушенные межкомнатные перегородки. Единственная уцелевшая лампа в надорванном абажуре высвечивала торчащий из руин немного необычной формы струнный инструмент с переломанным надвое грифом.

— Не знала, что ты умеешь играть на гитаре, — Шемс заявила о своём приходе довольно громко, так чтобы её услышали.

Льюэллин вышел из спальни, в которой успел навести относительный порядок.

— Это мандолина, — он взял в руки сломанный предмет, — подарок отца.

— А говорил, что не хранишь памятные вещи. Значит ты учился музыки?

— Слишком давно, как будто в другой жизни. Вещи — это всего лишь вещь, Шемс. Цепляться за них не уникально, но незачем.

— Я храню мамин дневник и её обручальное кольцо. Наши вещи напоминают нам какие мы есть на самом деле. Я провела с тобой бок о бок достаточно времени, Льюэллин, поэтому чтобы ты ни говорил, как бы ни старался показать, что тебе всё равно — я не верю.

— Твоё право верить во что хочется или не верить ни во что. Реальность от этого не поменяется. Мы никогда снова не станем теми, кем были когда-то. Невозможно перечеркнуть всю прожитую жизнь и просто начать с чистого листа.

— Да почему же?! Почему мы снова не можем жить нормально? Почему нельзя взять контроль над жизнью в свои руки, например, найти время для увлечений, вернуться к музыке?

— Помнишь слова Тихика, «жизнь — это всего лишь этап»? Рано или поздно, невзирая на все оправдания, которые мы добросовестно себе находим, нас ждёт та же участь, нам также придётся отправиться следом за ними в ад. Не только мне, Даррелю и Тибботу, но и тебе, и Евгении. Никто из нас не обретёт рая или хотя бы покоя. — Льюэллин покрутил в руках мандолину и что-то изменилось в его лице, как будто он, наконец, позволил эмоциям проявиться. Светлые, лазурного цвета глаза, насмешливо смотрели на Шемс. — А вообще-то, знаешь, теперь я почти убеждён, что Тихик всё именно так и спланировал. И когда-нибудь, когда завершаться земные пути наших падших душ, мы вновь соберёмся, но уже по ту сторону. Безусловно, с твоим появлением множество удивительных сюрпризов ждёт представителей тамошних элит.

— И пусть. Но есть ведь разница в том, случится это завтра или через пятьдесят лет. Пока у нас есть время, до тех пор мы имеем возможность менять судьбу. Кстати, — спохватилась Шемс, — о посланниках ада. Я искала Чилу, надеялась получить совет, как же нам всё-таки сторговаться с её соплеменницами.

— Чила была здесь не более пяти минут назад. Может, это ты спугнула её своим появлением.

— Она начала меня избегать, что за новость? — Шемс нахмурилась. — Ну ладно... Помочь тебе с уборкой? Хочешь, попробую повторить фокусы Тихика?

— Не нужно. Береги силы. Сейчас мы под защитой, но это временно.

— Да, неприятно признавать, но без Чилы ритуал нам не повторить.

— Да и с призраками рано или поздно возникнут проблемы.

— Мы ведь что-нибудь придумаем?

— Не знаю, Шемс. Но принимать какое-то решение нужно уже сейчас.

Девушка закусила губу, подумать было о чём. На долгие месяцы для неё, а для кое-кого аж на столетия, заколдованный дом открылся целым миром, сложным, жестоким, но единственным доступным в силу своей изолированности. И вот пришла пора идти дальше: собирать пожитки, возвращаться домой, заканчивать школу, выбирать профессию, в общем, вступить в точку отсчёта нового этапа своей жизни...

Когда настенные часы, висевшие в покоях Шемс, подтвердили, что снаружи уже глубокий вечер, все обитатели дома, включая Чилу, собрались там же в гостиной, а их взгляды напряжённо следили, как порхающий снег оживляет картину за окном.

— Лучше приоткрыть створку, тогда Миназия гарантированно нас почувствует, — любезно подсказала девушка-горгулья.

Шемс прикрыла глаза, сознанием спаиваясь воедино со стенами и получая возможность руководить всеми процессами в доме, но теряя способность управлять своим телом.

Небольшое мысленное усилие и массивная высокая створка распаивается наружу.

— А это не опасно? — заволновался Тиббот. — Мы успеем вовремя заметить их появление?

— Взгляни на неё, — Чилу раздражало подобное невежество. — В таком состоянии погружённости, когда дух ослабил связь с грубой материей, отчётливо отслеживаются любые энергетические потоки. Шемс почувствует стаю ещё на подлёте, болван.

Даррель прокашлялся, привлекая к себе внимание.

— В таком состоянии Шемс не сможет вести переговоры. Может, ты Жень, представишь им наше предложение, — он кивком намекнул на Чилу, — в деталях описав все его достоинства.

Евгения убрала выбившуюся прядь волос за ушко и нервно улыбнулась.

— Хорошо. Начнём с того, что, — она заглянула в поданный ей листок, где обычной шариковой ручкой были заранее прописаны предполагаемые условия предстоящего контракта, — свобода Чилы идёт в обмен на свободу Шемс...

— Ещё я заберу с собой Льюэллина, — прерывая её, внезапно объявила горгулья.

— Что?! Нет!

На Чилу посыпался град возмущённых восклицаний.

— Да никто не говорит про уготованную ему адскую бездну! — Чила вроде бы пыталась убедить всех присутствующих, но взгляд неотрывно впивался в красивое мужское лицо, слишком уж ждущий взгляд, буквально просящий. — Я унесу его в наш поднебесный город. Там никто и пальцем не посмеет тронуть...

— Это твоё условие? — Льюэллин продолжал хранить непоколебимое спокойствие, вся фигура его дышала холодной сдержанностью.

— Нет уж! — Тиббот в отличие от брата долготерпением не отличался. — Я больше никому тут не позволю приносить себя в жертву.

— Жертву? Вот значит как?.. — Чила будто подавилась. Её лицо, ставшее белым до прозрачности, выглядело теперь каким-то уж совсем юным, совсем растерянным, а на глазах — почти слёзы.

— Она влюбилась, — полушёпотом констатировала Евгения.

— Ещё чего! — самообладание мгновенно вернулось к горгулье: и голова вновь высоко вздёрнута, и осанка королевская, только подбородок предательски дрожит. — Возомнили о себе невесть что, смертные ничтожества...

Прерывая её, электрический свет моргнул, задрожал часто-часто, заставляя тени метаться по стенам, и вспыхнул вновь. Словно под воздействием сильного порыва ветра оконная створка резко захлопнулась. И буквально, через считанные мгновения за тёмным стеклом появились силуэты. Несмотря на наглухо запечатанное окно звуки снаружи по-прежнему проникали сюда беспрепятственно и растекались по комнате, наполняя пространство шорохами крыльев и гневным шёпотом.

— Вот они, красавицы, явились не запылились, — недовольно бормотал Тиббот, заслоняя собой бесчувственное тело Шемс.

— Мы хотим заключить сделку, — громко и смело начала Евгения. — Вы, думается, заинтересованы в возвращении Чилы. Так почему бы не принять компромиссное решение.

Гул голосов с той стороны зазвучал эмоциональнее. Среди возмущённых, удивлённых и презрительных интонаций отчётливо улавливались и угрожающие нотки.

То ли полы плаща взлетали за спиной фигуры, приблизившейся к окну, то ли крылья, в темноте не разобрать. Чей-то смутный силуэт прильнул к стеклу и стало видно выразительное широкоскулое лицо.

— Это именно то, что нам нужно, — провозгласила старшая горгулья прекрасно поставленным голосом с полноразличным красивым тембром. — Отдайте адское дитя, заблудившееся в чужих мирах, отпустите Чилу, и мы немедленно оставим вас в покое.

— Условия абсолютно неприемлемые, — возразил Даррель. — Только Чила, никто другого мы вам не отдадим, хоть штурмуйте, хоть осаду устраивайте.

— Похоже вы не понимаете. Природа этого дитя иная, несовместимая с земной средой. По мере взросления её энергия, её магические силы будут искажаться, мутировать, преобразовываться в нечто неуправляемое, непознанное... Вселенная всегда стремится к равновесию, а появление подобных аномалий ведёт к болезням, войнам, катастрофам космического масштаба. Такова расплата за нарушение баланса.

— Хватит молоть чушь! Шемс просто милая и безобидная девушка. По-вашему же выходит, будто она готова спровоцировать целый рагнарёк.

— Именно так. Мы видим, ведь в этом наше предназначение — недопущение хаоса — дарованное свыше и обязательное к исполнению.

По всем признакам переговоры грозили зайти в тупик.

— Кажется, у меня есть решение этой проблемы, — Чила презрительно прищурила веки и закинула ногу на ногу. С самого начала переговоров она отчуждённо сидела в кресле напротив остальных домочадцев, коллективно собравшихся на просторном диване. — Шемс ведь сама хотела жизни простого смертного, так пусть откажется от магии, точнее, от той её части, что ведёт к патологическим процессам.

Льюэллин качнул головой.

— Нельзя просто взять и вытащить из кого-то часть его сущности. Энергетические контуры внутри организма слишком плотно переплетены, разорвать их для любого означает либо смерть, либо обречение на физическую и психологическую неполноценность.

— Верно, — Чила подарила ему улыбку, полную хищного очарования. — Но не обязательно выдирать с корнем, можно вычленив этот злокачественный участок и наглухо

его запечатать.

— Не слишком-то это отличается от того, о чём только что предупреждал Льюэллин, — тень недовольства легла на лицо Дарреля. — Запечатать искру магии, почти то же самое, что лишить человека голоса или зрения — важной части с которой он родился.

Льюэллин повернулся в его сторону, чтобы заметить:

— Может оказаться, что магия Шемс имеет двойственную природу. Как-никак ты её отец, кое-что она вполне могла и от тебя унаследовать. Так что нет объективных причин полагать, что все её сверхъестественные способности отключатся полностью, хотя риски, конечно, существуют, но по-другому не бывает. Собственно, право принимать окончательное решение в этом деле всё равно остаётся за Шемс.

— Она приняла решения, — сообщила Евгения, глядя в бумажный лист на коленях, текст в котором менялся прямо на глазах. — Она согласна.

— Что скажешь, Миназия? — Чила обратилась к своей сестре и предводительнице.

После полного и неоднократного прочтения контракта, некоторых корректировок и дополнений, согласие между сторонами было, наконец, достигнуто. Пользуясь дарованным Миназией правом, Чила поставила внизу подпись и склонилась над Шемс, готовая провести обряд запечатывания.

— Ты должен отпустить её руку, а ещё лучше отодвинься в сторону, — велела горгулья Тибботу, — иначе я и тебя зацеплю.

Тот в ответ вперил в Чилу тяжёлый взгляд исподлобья, но всё-таки пальцы, сжимающие тонкое запястье девушки, разжал.

Закрыв глаза и запрокинув голову, Чила опустила ладони на плечи Шемс и зашептала на неведомом наречии какое-то древнее заклинание. Все присутствующие, как замороженные слушали её и наблюдали за сверкающей пылью, невесомым облаком рассыпавшейся вокруг бесчувственного тела Шемс и постепенно угасающей. Так прошла минута, две, три...

И вдруг всё закончилось. Чила отступила, пытливо всматриваясь в нечто недоступное человеческому взору. Последняя кружившая в воздухе искра потухла, Шемс резко дёрнулась, болезненно вскрикнула и распахнула глаза. Одновременно с этим верхний свет погас, праздничные гирлянды на ёлочке в углу тоже померкли, вся комната погрузилась во мрак. Теперь уже ни у кого не осталось сомнений — магия покинула стены этого дома.

Вернувшись в своё тело Шемс, не успела опомниться, как оказалась в объятиях Тиббота.

— Всё хорошо? — его встревоженный шёпот раздался прямо возле уха.

— Странное чувство... Но вроде, я в порядке...

Окно снова распахнулась, заставляя Тиббота крепче прижать к себе девушку, а остальных резво повскакивать с мест и готовиться к нападению. Только набрасываться на них никто не спешил. С этого момента сделка вступила в силу, и нарушить её без чудовищных последствий не мог ни человек, ни горгулья.

Ветер с улицы ворвался внутрь, наполняя гостиную морозной свежестью и пробирая до костей. Подстёгивая всеобщее смятение Чила взмыла над головами и ринулась прочь по пути сильно толкнув Льюэллина крылом и оцарапав на прощание острыми коготками, не опасно, но весьма чувствительно.

Следом за Чилой и остальные горгульи взвились вверх, уносясь дальше и дальше к звёздам, покидая этот несовершенный мир, только удаляющийся голос Миназии зловещим пророчеством доносился на землю из поднебесья:

— Мы не станем преследовать вас, живите как пожелаете. Но однажды вы состаритесь

и отведённый срок вашей земной жизни завершиться. И вот тогда мы вернёмся...

Холод становился всё ощутимее.

— Если так пойдёт и дальше, мы наверняка околеем быстрее, чем горгульи успеют до своего скального города добраться. То-то они удивятся, — заметил Даррель, зябко поёжившись и поспешил закрыть окно.

— А вы что думали? — Татьяна поднялась с дивана и прошла по комнате. — Зима давно на дворе, а мы остались без отопления и без света. Как по мне — этот дом даже на первый взгляд совершенно непригоден для жизни.

— Пара-тройка каминов у нас уцелели, и всякого хлама навалом, — Льюэллин поднялся и направился к выходу. — Нужно разжечь огонь, иначе и правда замёрзнем.

— Вы ведь не собираетесь продолжать тут жить? — сердито крикнула ему в след Татьяна.

Вскоре Тиббот и Шемс остались одни. В камине уже потрескивал огонь и свечи, добытые из нескончаемых запасов разгоняли навалившуюся темноту.

— Даже не верится, что всё закончилось, — возбуждённо говорила Шемс, кутаясь в плед. — Странно, но мне кажется, я буду скучать по этому месту.

— А я вот уж точно нет.

— Знаешь, у меня есть квартира, и если остальные согласятся, можете пожить у меня. Пусть там не так просторно, как здесь, но зато никаких демонов и порталов в иные миры.

— Демоны и порталы добавляют остроты ощущений, — пошутил Тиббот.

— Ещё я опасаюсь, что меня снова отправят в интернат.

— Этому не бывать.

— Мы ведь не расстанемся, правда? — Шемс обеспокоенно заглянула в его глаза.

Лицо Тиббота приблизилось и губы легонько, едва-едва прикоснулись к её губам. На этот раз она не оттолкнула, а наоборот доверчиво приникла к нему, чтобы поцеловать горячо и уверенно.

*

Хорошо заметные издали густые клубы дыма застилали ясное зимнее небо. Это рано утром внезапный пожар разразился где-то возле одинокой горы, о которой местные любили рассказывать всяческие суеверные выдумки. Станный был тот пожар, ведь места там безлюдные, скала, да сугробы вокруг, там и гореть-то особо нечему. Но огонь лютовал с неистовой силой, и едкий запах гари быстро заполнил округу и влекомый ветром добрался аж до ближайшего городка, находящегося в паре километров.

Случайные городские зеваки с любопытством всматривались в горизонт, почерневший, как уголь, выстраивая в головах разные интересные версии, фотографировали на телефоны, а затем шли восвояси, ведь впереди ещё один день, наполненный многочисленными рутинными делами.

В это самое время по плохо расчищенной дороге, завывая сиренами, неслись в сторону горы две пожарные машины. Водители на чём свет стоит материли коммунальщиков, резко маневрируя среди заносов и угрюмо посматривая, как впереди пожарище выбрасывает над горной расщелиной снопы бушующих искр. Занятые размышлениями над заведомо невыполнимой задачей, как им на машинах пересечь глубокий овраг, чтобы попасть к подножию горы, куда отродясь никакой дороги не было ни плохой, ни хорошей, доблестные пожарники совсем не обратили внимания на шестерых путников, бодро шагающих по заснеженной обочине в противоположную сторону.

Снег поскрипывал под ногами, мороз немножко покусывал носы и щёки, что нисколько не омрачало удовольствия от начатого путешествия, настроение у всех приподнятое, в пору горы сворачивать. Но вот удивительно, ни у кого из путников пожар не вызывал ни интереса, ни даже тени любопытства, они просто шли вперёд, удаляясь всё дальше и дальше, не заботясь о направлении, вступая в этот новый, напоённый светом, январский день.

Где-то там за плечами всё ещё виднелся опалённый до черна, оплавленный кусок скалы, и под ним выжженный дотла участок, на котором ни осталось ничего напоминающего о заколдованном доме, лишь грязный пепел кружил над грудой дымящихся головёшек и неторопливо оседал на искрящийся под солнцем снежный наст.

Больше книг на сайте - Knigoed.net